

Эрих фон Манштейн
Утерянные победы
Серия «Нюрнберг. Исповедь чудовища»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146774
Утерянные победы. / Манштейн Э.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0645-7

Аннотация

Фельдмаршал Манштейн прославился не только военными победами, но и многочисленными военными преступлениями. Он был единственным из главарей вермахта, кого «удостоили» персонального судебного процесса в Нюрнберге, по итогам которого он был приговорен к 15 годам заключения (из которых отсидел лишь восемь).

«Утерянные победы» были изданы всего через два года после освобождения автора, а писать их Манштейн начал еще в тюрьме. В своих мемуарах он создал живую ткань повествования о военном действии и военной мысли. Глобальный анализ, тонкое видение «моментов истины» в сражениях, последовательное описание оптимальных планов и неоптимальных действий – все это делает книгу Э. Манштейна учебником стратегии. Личная причастность к событиям, заинтересованность, патриотизм и осознание неизбежности поражения придают ей историческую и психологическую достоверность.

Данное издание снабжено развернутыми комментариями и биографическими справками известного исследователя истории Третьего рейха – Константина Залесского.

Содержание

Лучший полководец Гитлера	4
Предисловие западногерманского издательства	12
Предисловие автора	13
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	25
Глава 3	34
Часть вторая	52
Глава 4	56
Глава 5	73
Глава 6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Эрих фон Манштейн

Утерянные победы

Лучший полководец Гитлера

Мы ненавидели Эриха фон Манштейна – он был нашим самым опасным противником. Его техническое мастерство и владение ситуацией были великолепны.

Маршал Советского Союза Родион Малиновский

Самым талантливым из них был генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, и для них [немцев] он был самым желанным человеком на пост главнокомандующего. Ясно, он имел здравый смысл и равных в проведении военных операций с ним не было [...] В итоге – он военный гений.

Бэйзил Лиддл-Гарт

24 ноября 1887 г. в Берлине в семье командира 5-й пехотной дивизии крайзеровской армии генерал-лейтенанта Альфреда фон Левински (Lewinski) родился десятый ребенок – мальчик, получивший при крещении имени Фриц Эрих Георг Эдуард (позже его стали называть исключительно Эрих). Служившие из поколения в поколение в армии Левински были померанско-кашубским дворянским родом с польскими корнями; отец Альфреда (и, соответственно, дед будущего фельдмаршала) – Август фон Левински (1791–1870) – был подполковником прусской службы, а его супруга звалась Кларой фон Маушвитц. Левински были военной семьей: не говоря уже о том, что Альфред (1831–1906) сам завершил свою карьеру в звании генерала пехоты, так и его старший брат – Эдуард (1829–1906) – командовал корпусом и носил звание генерала артиллерии. Также из военной семьи происходила мать Эриха (в ней он был пятым ребенком) – Хелена Паулина (1847–1910), которая была дочерью генерал-майора Оскара фон Шперлинга (1814–1872), была она также и внучкой, и племянницей генералов прусской службы.

Учитывая, что родственные связи Эриха сыграли очень важную роль в его жизни, на семье его матери надо остановиться несколько подробнее. Оскар фон Шперлинг имел трех сыновей – Курта (1850–1914; будущего генерала пехоты), Ганса (1842–1899) и Эриха (1851–1889; будущего капитан-лейтенанта флота), а также трех дочерей – Хелену Паулину, Хедвиг Берту (1852–1925) и Гертруду Вильгельмину (1860–1921). Хелена вышла за будущего генерала пехоты Альфреда фон Левински и стала матерью Эриха. Хедвиг сочеталась браком с Георгом фон Манштейном (1844–1913), закончившим карьеру в звании генерал-лейтенанта, а Гертруда стала супругой Пауля фон Гитнденбурга – будущего генерал-фельдмаршала и рейхспрезидента Веймарской республики. Манштейны были знаменитой военной фамилией и насчитывали среди своих предков с десятков генералов, в т. ч. и тех, кто состоял на службе в русской императорской армии; отец же Георга – Альбрехт Густав фон Манштейн (1805–1877) – прославился своими действиями во главе корпуса во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. и закончил карьеру генералом пехоты. В те годы семьи были многодетными; конечно, по десять детей было не у всех, но три – четыре ребенка было в порядке вещей. Отсутствие же наследников было трагедией. Так вот оказалось, что Хедвиг не может иметь детей и теперь благородный род Манштейнов должен пресечься. Хедвиг обратилась к родственникам за помощью. Сначала Манштейны усыновили Марту – дочь Эриха фон Шперлинга, а затем Альфред фон Левински пообещал, что если его десятым ребенком будет

мальчик, то он согласится передать его на воспитание Манштейнам. Поэтому-то, узнав о появлении на свет Эриха, он немедленно отправил телеграмму Манштейнам: «У вас мальчик. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо. Поздравляю».

Первый три года жизни Эрих, что логично, оставался с матерью, а затем в 1900 г. был уже официально усыновлен Манштейнами и с этого момента стал именоваться фон Левински, известным как фон Манштейн (von Lewinski genannt von Manstein). Учитывая военные традиции своих как старой, так и новой семей, особого выбора у Эриха не было, ему было предопределено стать профессиональным военным. Сначала в 1894–1899 гг. он учился в Страсбургском католическом лицее, после чего в 1900 г. был зачислен в кадетский корпус в Плене, в котором учились в основном выходцы из прусских юнкерских семей, избравшие военную карьеру. По окончании курса Пленского корпуса, Манштейн в 1903 г. перешел в главный кадетский корпус в Берлине-Лихтерфельде, где уже непосредственно стал готовиться к военной службе. Во время учебы в июне 1905 г. он в качестве лейб-пажа принял вместе с другими участие в церемонии бракосочетания кронпринца Вильгельма и принцессы Цецилии Мекленбург-Шверинской.

Успешно завершив учебу в корпусе Эрих фон Манштейн 6 марта 1906 г. был произведен в фенрихи и направлен на службу в престижный 3-й гвардейский пеший полк, дислоцированный в Берлине. (Служба в этом полу была практически «семейной» традицией – здесь служили практически все Манштейны, и начинал службу дядя Эриха – Пауль фон Гинденбург, а с марта 1912 г. вообще полком командовал родной брат Эриха – полковник Карл фон Левински, который был его старше на 29 лет.) После окончания курса военного училища 27 января 1907 г. он был произведен в лейтенанты, после чего продолжил службу субалтерн-офицера в своем полку. 1 июля 1912 г. он был назначен адъютантом фузилерного батальона своего полка. Должность адъютанта в германской армии (как, впрочем, и в русской) была, скажем так, первым шагом к карьере офицера Генерального штаба, в его обязанности входило ведение всевозможных дел по личному составу батальона и административным делам. На адъютантских постах как раз проверялись будущие кандидаты на службу в Генштабе. Манштейн проверку прошел успешно и в октябре 1913 г. был откомандирован на учебу в Берлинскую Военную академию, а 19 июня 1914 г. произведен в обер-лейтенанты. Срок учебы в Военной академии составлял три года – два курса и еще один специальный, – поэтому теоретически Эрих фон Манштейн должен был стать (конечно, при условии успешной сдачи экзаменов) офицером Генштаба в конце 1917 г. Однако в плавный ход его карьеры вмешалась Первая мировая война. С началом военных действий занятия в академии были прерваны, и весь личный состав – как учащиеся, так и преподаватели – отбыли на фронт.

2 августа 1914 г. обер-лейтенант фон Манштейн был назначен адъютантом 2-го гвардейского резервного полка, входившего в состав 1-й гвардейской резервной дивизии, с которой выступил на Западный фронт. Боевое крещение Манштейна состоялось 20 августа, когда дивизия вступила в свой первый в той войне бой в Арденнах. Затем с 22 августа дивизия была перебросена под Намюр, а уже через три дня эта мощнейшая крепость была взята. Тем временем в далекой Восточной Пруссии русские армии нанесли сильный удар по немецким войскам, которые начали откатываться, оставляя «исконно немецкие земли». В панике немецкое Верховное командование сняло с Западного фронта ряд частей, отправив их на восток. Среди них была и 1-ая гвардейская резервная дивизия, которая 26 августа была переведена в резерв Верховного командования и начала грузиться в эшелоны. 3 сентября части дивизии, проехав всю Германию с запада на восток, прибыли в Восточную Пруссию и были включены в состав 8-й армии, которой теперь командовал дядя Эриха фон Манштейна – Пауль фон Гинденбург. Боевой путь дивизии – и вместе с ней Манштейна – пролегал через Мазурские болота, где она вела бои с 5 по 15 сентября. Затем последовали бои под Енджеювом (28 сентября), Кельцами (30 сентября), Бзином (1 октября), Опатовым и Радомом (4–5

октября), Ивангородом (9 – 20 октября), на Пилице (22–28 октября). С 5 ноября дивизия вела тяжелые бои под Ченстоховой; именно здесь 17 ноября фон Манштейн был тяжело ранен в бою.

Рана оказалась достаточно серьезной, и для восстановления здоровья Манштейну потребовалось целых семь месяцев, позже – в 1918 г. – ему был выдан черный Знак за ранение. После выздоровления он 17 июня 1915 г. получил назначение ордонанс-офицером (Ordonnanzoffizier; т. е. офицер для поручений) в штаб армейской группы «Гальвиц», с которой принял участие в военных действиях в Польше и Сербии. Через месяц – 24 июля 1915 г. – он был произведен в капитаны и 19 августа 1915 г. назначен адъютантом в штаб 12-й армии, затем служил в штабах 11-й (под Верден) и 1-й (на Сомме) армий. Осенью 1917 г. Манштейн занял пост 1-го офицера Генштаба (1а) штаба 4-й кавалерийской дивизии, дислоцированной в Курляндии. Это был уже достаточно важный самостоятельный пост, поскольку 1-й офицер Генштаба не только возглавлял Оперативный (Командный) отдел штаба, но и фактически возглавлял дивизионный штаб, поскольку по штатам там не была предусмотрена должность начальника штаба. В мае 1918 г. он был переведен на такой же пост в штаб 213-й пехотной дивизии, занимавшей позиции в районе Реймса. Позиционные бои продлились на этом участке до сентября, а затем Манштейн вместе с дивизией принял участие в боях в Шампани и на Маасе (26 сентября – 9 октября), на реках Эна и Эра (13–17 октября и 24–31 октября), при Атиньи и Рийи-о-Уаз (18–23 октября), между Эной и Маасом (1–4 ноября). С 5 ноября дивизия отступала на Антверпен и Маас, а 12 ноября вышла на германскую границу и теперь уже отправилась на родину. За году войны Манштейн был неоднократно награжден за боевые отличия, среди его наград Железный крест 1-го (13 ноября 1915 г.) и 2-го (5 октября 1914 г.) класса, Рыцарский крест ордена Дома Гогенцоллернов с мечами (апрель 1918 г.), а также Рыцарский крест 1-го класса вюртембергского ордена Фридриха с мечами, Крест за верную службу Шаумбург-Липпе, гамбургский Ганзейский крест.

После окончания войны Манштейн в 1919 г. был переведен в штаб Пограничного командования «Юг», а затем – в штаб 2-го командования группы сухопутных войск в Касселе. По условиям Версальского мира вооруженные силы Германии подлежали кардинальному сокращению: в новом рейхсвере должны были остаться всего четыре тысячи офицеров, а Генштаб (как и подготовка для него офицеров) вообще был ликвидирован. В связи с этим при оставлении на службе преимущество отдавалось офицерам, имевшим опыт службы на генштабистских должностях. В их числе был и Манштейн. 10 июня 1920 г. в Лорцендорфе (округ Намслау) Эрих фон Манштейн сочетался браком с Юттой Сибиллой фон Лёш (1900–1966). В этом браке родились трое детей: дочь Гизела (1921) и двое сыновей – Геро Эрих (1922) и Рюдигер (1929). Лейтенант вермахта Геро фон Манштейн погиб на советско-германском фронте 29 октября 1942 г.; Гизела вышла замуж за Эделя Генриха Цахариз-Лингенталя (1916–1998), заслужившего в боях Рыцарский крест и Золотой Германский крест, а позже дослужившегося до чина бригадного генерала Бундесвера.

21 октября 1921 г. он был назначен командиром роты 5-го (прусского) пехотного полка, дислоцированного в Ангермюнде (Померания). Затем 1 октября 1923 г. он был переведен в объединенный штаб 2-й пехотной дивизии и II военного округа (Штеттин), а в 1925 г. – 4-й пехотной дивизии и IV военного округа (Дрезден), в эти годы в его обязанности входила организация подготовки офицеров Генштаба, дело это было секретное, поскольку незаконное и запрещенное странами-победительницами. Осенью 1927 г. он был переведен в Магдебург в штаб командующего пехотой IV военного округа и в феврале 1928 г. произведен в майоры. 1 сентября 1929 г. Манштейн возглавил 1-ю группу отдела T1 (Оперативного) Войскового управления Военного министерства и 1 апреля 1931 г. получил звание подполковника. Под нейтральным названием Войскового управления скрывался тот самый Генеральный штаб, который Германии было запрещено иметь. В ноябре 1931 г. он входил в состав

делегации, направленной для переговоров о военном сотрудничестве с СССР, после чего прошел переподготовку в Москве и Ленинграде. 1 октября 1932 г. Манштейн принял командование егерским батальоном 4-го (прусского) пехотного полка в Кольберге и 1 декабря того же года был произведен в полковники. Затем 1 февраля 1934 г. он возглавил объединенный штаб 3-й пехотной дивизии и III военного округа (Берлин), во главе которых стоял Эрвин фон Вицлебен, будущий генерал-фельдмаршал, повешенный после покушения на Гитлера в 1944 г. В 1934 г. Манштейн выступил против дискриминации военнослужащих-евреев, однако благодаря покровительству командующего сухопутными войсками барона Вернера фон Фрича никаких мер к нему принято не было.

1 июля 1935 г. Эрих фон Манштейн был назначен начальником 1-го (Оперативного) отдела Генерального штаба сухопутных войск и 1 октября 1936 г. был произведен в генерал-майоры. Наконец, 6 октября 1936 г. Манштейн занял важнейший пост 1-го обер-квартирмейстера, т. е. фактически 1-го заместителя начальника Генштаба генерала Людвиг Бека, который позже стал одним из руководителей заговора против Гитлера и после его провала в июле 1944 г. покончил жизнь самоубийством. На этой должности Манштейн провел полтора года и в предпринятой в начале 1938 г. Гитлером широкомасштабной чистки командного состава был удален из Генштаба, где его место занял Франц Гальдер. Впрочем, все было обставлено как повышение и 1 апреля 1938 г. Манштейн был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 18-й пехотной дивизии, штаб которой находился в Лигнице.

Накануне Второй мировой войны при мобилизации Манштейн 26 августа 1939 г. получил назначение начальником штаба группы армий «Юг», которой командовал Герд фон Рундштедт. Именно с этого момента начинается книга его воспоминаний, где он подробно описывает события войны и свое участие в них. Поэтому вряд ли имеет смысл здесь подробно останавливаться на фактах его биографии военного периода. Можно лишь напомнить, что, начав войну генерал-лейтенантом, он закончил ее генерал-фельдмаршалом, последовательно командуя армейским и танковым корпусами, 11-й армией, группами армий «Дон» и «Юг». За ним закрепилась репутация самого талантливого из полководцев Третьего рейха. Конечно, здесь огромную роль сыграли его действия по захвату Крыма, поскольку после этого на его долю выпадали лишь локальные победы. Решающих результатов, которые могли бы кардинальным образом изменить ситуацию на фронт, он уже добиться не смог: его войска не смогли деблокировать Сталинградскую группировку Фридриха Паулюса, в Курской битве, несмотря на первоначальный успех, операция была затем свернута, а затем Манштейн в течение года постепенно отступал на Украине, где ему с трудом удавалось время от времени переходить в контрнаступления и стабилизировать фронт. Именно на подобных локальных операциях, где ему приходилось действовать против превосходящих его сил Красной Армии, и зиждется его репутация.

В принципе общее мнение о Манштейне как в Германии, так и у наших западных союзников высказал Гейнц Гудериан, хорошо знавший его лично. В свои мемуарах «Воспоминания солдата» он дважды отвлекается, чтобы пропеть осанну фельдмаршалу: «Манштейн – наш самый лучший оперативный ум – возглавляя корпус в третьем эшелоне, принял участие в кампании, которая своим блестящим проведением во многом обязана предложенному им плану» и «Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском Генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями – наш самый лучший оперативный гений». При этом надо заметить, что не все столь однозначно оценивали таланты фельдмаршала. И что важно, одним из них был Гитлер, от которого напрямую зависело использование Манштейна на фронте. Все тот же Гудериан приводит в своих мемуарах слова фюрера: «Манштейн, возможно, и является самым лучшим умом, рожденным Генеральным штабом, но он может оперировать только свежими, хорошими дивизиями, а не их остатками, которыми мы сегодня только и располагаем».

События, описанные Манштейном в своих мемуарах, обрываются 3 апреля 1944 г., когда он, зачисленный накануне в резерв командного состава ОКХ, покинул штаб-квартиру групп армий «Юг», передав руководство ею Вальтеру Modelю. Более никакого касательства к военным операциям он более не имел. Вскоре после этого он лег в госпиталь, где ему была сделана операция по удалению катаракты на правом глазу. После этого он лечился после операции у себя дома в Лигнице, но затем начались осложнения, и ввиду угрозы потери зрения он был вынужден лечь в госпиталь в Дрездене. Хотя Манштейн и имел несколько встреч и был хорошо знаком с активными участниками заговора против Гитлера – прежде всего, с графом Клаусом Шенком фон Штауффенбергом, Хеннингом фон Тресковым и бароном Рудольфом фон Герсдорфом, – но сам он никакого касательства к Сопротивлению не имел. Узнав о покушении на Гитлера – тогда фельдмаршал лечился на морском курорте на севере Германии – и участии в заговоре своего старого начальника генерал-фельдмаршала Вицлебена, он отнесся к их действиям неодобрительно; «Прусские фельдмаршалы не бунтуют», – заявил он. Тем не менее, гестапо на всякий случай установило за его домом тайное наблюдение.

В октябре 1944 г. Манштайн приобрел поместье в Восточной Померании и обосновался там, но как оказалось ненадолго – вскоре в Померанию вступили советские войска, и фельдмаршал перебрался в свой дом в Лигнице. Но и отсюда 22 января 1945 г. ему пришлось спешно бежать, на этот раз в Берлин. Что интересно, там Манштейн попытался пробиться на прием к Гитлеру, видимо, чтобы предложить свои услуги, однако фюрер не пожелал видеть опального фельдмаршала. И вновь под угрозой советских войск Манштейн покинул очередную квартиру, отправившись дальше на запад. В конце концов в начале мая 1945 г. Манштейн оказался в больнице Хейлигенхафена в Шлезвиг-Гольштейне, куда он попал из-за очередных проблем со зрением. Там-то он и был арестован британскими оккупационными властями и 26 августа отправлен в лагерь для военнопленных в Люнбурге (Нижняя Саксония). В октябре 1945 г. он был переведен в тюрьму нюрнбергского Дворца юстиции. 10 августа 1946 г. в качестве свидетеля он был заслушан на Нюрнбергском процессе Международного военного трибунала. После этого Манштейн он был отправлен в спецлагерь № 11 («Айсленд-Ферм») для высокопоставленных пленных офицеров в Великобритании. Однако в 1948 г. Манштейн был лишен статуса военнопленного и отправлен в лагерь в Германии для подготовки к процессу над ним как над военным преступником.

В качестве подсудимого Манштейн 23 августа 1949 г. предстал перед Английским военным трибуналом в Гамбурге, председателем трибунала был генерал-лейтенант сэр Френк Симпсон, его заместителем – генерал-майор Дуглас Уэйд, главным обвинителем – сэр Артур Коминс-Карр, имевший уже опыт общения с военными преступниками – он участвовал в работе военного трибунала на Дальнем Востоке. Защиту фельдмаршала осуществляли англичанин Реджинальд Пэджета – лейборист и член Палаты Общин, а также Ганс Латернзер, специализировавшийся на защите военных преступников, за его плечами были защита на Нюрнбергских процессах Американского военного трибунала одного из руководителей «ИГ Фарбен» Макса Ильгнера и генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга.

Манштейну было предъявлено обвинение по 17 пунктам в нарушении законов войны и совершении военных преступлений (но не преступлений против человечества). По 8 пунктам обвинения Манштейн был оправдан, в т. ч. с него сняли обвинения в передаче СД евреев для дальнейшего уничтожения. Однако по 9 пунктам он был признан виновным, в т. ч. в передаче СД политических комиссаров, в «недостаточном вниманием к защите жизни гражданского населения» и расстрелах военнопленных. 19 декабря 1949 г. он был приговорен к 18 годам тюремного заключения без зачета срока предварительного заключения. Приговор вызвал возмущение военной общественности, и в январе 1951 г. срок был сокращен до 12 лет. В следующем, 1952 г., было решено зачесть Манштейну срок заключения с 1945 г. В том

же году у Манштейна было диагностировано заболевание глаз, после чего за хорошее поведение срок был сокращен на 1/3. За стенами тюрьмы развернулась настоящая кампания за освобождение Манштейна – особую активность проявили Уинстон Черчилль, бундесканцлер Конрад Аденауэр, британский военный теоретик историк Бейзил Лиддл-Гарт и Реджинальд Пэджет, выпустивший в 1951 г. книгу о процессе Манштейна, сразу же ставшую бестселлером. Наконец, 7 мая 1953 г., отсидев восемь лет, фельдмаршал был освобожден из-под стражи.

Аденауэр, уже давно предполагавший использовать таланты Манштейна, пригласил его занять пост советника по вопросам обороны, по его мнению, кому как не самому авторитетному полководцу вермахта стоило бы заняться разработкой военной доктрины ФРГ. 20 июня 1953 г. Манштейн выступил перед депутатами Бундестага, проведя анализ сложившейся ситуации и заявив о необходимости создания в ФРГ профессиональной армии. В 1955 г. к нему обратилось Ведомство Бланка (предтеча западногерманского Министерства обороны) с просьбой высказать свои соображения относительно того, какой должен быть Бундесвер. Фельдмаршал указал, что срок службы его призывников в Бундесвере должен составить по крайней мере 18 месяцев, а желательно 24 месяца, а кроме того существует насущная необходимость в создании обученного резерва. Часть из соображений Манштейна была реализована.

После освобождения Манштейн с супругой поселились в Эссене, затем перебрались в Бонн, а в 1958 г. обосновались недалеко от Мюнхена, в небольшом верхнебаварском городке Иршенхаузене в округе Бад-Тёльц – Вольфратсхаузен. Там фельдмаршал и скончался от удара в ночь на 10 июня 1973 г. – на тот момент он оставался последним из генерал-фельдмаршалов Третьего рейха. Манштейн был похоронен с отданием всех воинских почестей, положенных генерал-фельдмаршалу, на кладбище Дорфмарка – небольшого местечка близ Фаллингбоштеля (а ныне это его часть) в округе Хейдекрейз в Нижней Саксонии. Своим присутствием церемонию погребения почтил генерал-инспектор (т. е. командующий) Бундесвера адмирал Армии Циммерман, который во время Второй мировой войны командовал 46-й флотилией тральщиков в Ла-Манше. Большинство газет и журналов – как в Германии, так и за рубежом – поместили некрологи о фельдмаршале: были разные, но большинство отмечали его выдающиеся таланты. Один из наиболее влиятельных немецких журналов – *Der Sriegel* – также опубликовал некролог в своем № 25 за 1973 г. (от 18 июня 1973 г.). Конечно, там отмечалось, что «он был одним из последних выдающихся стратегов военной истории, он считался гением военного планирования. Где бы ни находился "самый опасный противник Союзников во Второй мировой войне" (по словам британского военного эксперта Лидделл-Гарта), враг всегда должен был быть готов к неординарным операциям». А вот заканчивалась заметка несколько туманной, но не слишком хвалебной сентенцией: «Когда-то прусский генерал Марвиц, отказавшийся выполнить полученный приказ и уклоняющийся команды, завещал выбить на его надгробии слова: "Он выбирал опалу, чтобы послушанием не нанести урон части". Для Эриха фон Манштейна требуется совершенно другой текст». Под последней фразой вполне можно подписаться...

Возможно Эрих фон Манштейн и не получил бы подобной известности, если бы не его литературное наследие. После окончания войны многие германские генералы засели за написание мемуаров, главной целью которых было обеление себя лично и всего германского генералитета в целом. Но генерал-фельдмаршалов среди них было крайне мало: фактически лишь один Альберт Кессельринг да Карл Дёниц – но первый представлял люфтваффе, а второй – военно-морской флот. Мемуары Манштейна вышли уже в 1955 г. – всего через пару лет после его освобождения из заключения – и получили название *Verlorene Siege*. Именно эти мемуары и приведены в данной книге. Однако несколько слов о названии: дело

в том, что на русский язык оно сначала было переведено как «Утраченные победы» (издание 1999 в Ростове-на-Дону), затем следующие издания в других издательствах выходили под названием «Утерянные победы», а в различных статьях также проскакивал вариант перевода «Потерянные победы». Однако, если перевод слова *Siege* (победы) сомнений не вызывает, термин *Verlorene*, по моему мнению, должен переводиться по-другому. В немецком языке он имеет три основных значения «потерянный; напрасный; проигранный». Так вот: победу в общем-то нельзя потерять (утратить, утратить), можно лишь не реализовать ее результаты, в связи с чем распространенное русское название (в соответствии с первым значением слова *Verlorene*) представляется неудачным. Можно предположить, что Манштейн использовал в заглавии последнее значение слова, создавая тем самым парадоксальное, и тем самым привлекательное для читателя, публицистическое словосочетание «Проигранные победы», как и назвали книгу, выпущенную издательством «Центрполиграф» в 2008 г. Но это звучит слишком не по-русски, тем более что победа – не сражение, и ее опять-таки нельзя проиграть. В связи со всем вышеизложенным в данном издании предлагается использовать новый вариант название «Напрасные победы», что полностью отражает и содержание, и главную идею мемуаров Манштейна: им были достигнуты выдающиеся победы, результатами которых Гитлер не воспользовался.

Через три года – в 1958 г. – мемуары Манштейна вышли на английском, а в Германии увидела свет еще одна книга воспоминаний – *Aus einem Soldatenleben. 1887 – 1939* («Из жизни одного солдата. 1887–1939»). Уже после смерти Манштейна – в 1981 г. – вышла книга его записок, подготовленная его сыном Рюдегером *Soldat im 20. Jahrhundert* («Солдат XX века»).

Однако вернемся к первому, и главному, труду Эриха фон Манштейна. Так получилось, что в отношении Манштейна подтвердила свою правоту поговорка «талантливый человек талантлив во всем» и его «Напрасные победы» оказались еще и очень хорошо написанными с литературной точки зрения. А учитывая личность автора – человека, обладавшего репутацией выдающегося полководца – они были обречены не просто на успех, а на то, чтобы их можно было бы назвать один из самых лучших образчиков военной мемуаристики Второй мировой войны. Если говорить о германоязычной литературе, то, по моему мнению, рядом с ними можно поставить лишь воспоминания Гейнца Гудериана – как с литературной, так и фактологической точки зрения. Но именно в этих достоинствах мемуаров Манштейна и таится их главный недостаток: увлекшись описанием событий войны и обоснованными и четкими оценками событий, сделанными фельдмаршалом, можно забыть, что мемуары – это всегда предельно субъективный источник; мало того, необходимо помнить: какими бы благими целями не обосновывал свое стремление написать воспоминания автор, он практически всегда преследует какие-либо своекорыстные цели. В данном случае, как мы уже упоминали, главной идеей книги является утверждение тезиса о гениальности Манштейна. Он де не проиграл бы ни одного сражения, если бы ему не мешал Гитлер, огромные толпы советских войск, русский мороз и т. д. и т. п. Эти воспоминания – манифест германского генералитета (и ее наиболее яркого представителя Манштейна), в котором утверждается, что вся вина за поражение в войне – да и вообще за все – должна быть возложена исключительно на Гитлера, а на репутации генералов и всего вермахта не должно не остаться ни одного, даже самого маленького пятнышка. Эта позиция чрезвычайно лукавая. С одной стороны, во многом – наряду, естественно, с героическим сопротивлением советских солдат – поражение немецких войск уже в 1941 г. под Москвой стало следствием абсолютно неправильной оценки сил противника германским Генеральным штабом, и как следствие – неготовностью вермахта вести бои в зимних условиях. А с другой стороны, новейшие исследования еще раз доказали, что солдаты вермахта совершили на оккупированных территориях (в т. ч. и в

СССР) огромное количество военных преступлений, и нет никаких оснований приписывать все их исключительно деятельности СС.

В связи со всем этим декларация Манштейна, что его книга – это записки чуждого политике солдата, который не касается событий, не связанных непосредственно с боевыми действиями, также является попыткой выдать желаемое за действительное. Тем более, что на его допросе в Нюрнберге фельдмаршалу был предъявлен подписанный им 20 ноября 1941 г. приказ, где среди прочего указывалось: «С 22 июня германский народ находится в состоянии смертельной борьбы против большевистской системы. Эта борьба ведется не только против советских вооруженных сил в традиционной форме, установленной правилами ведения войны в Европе. [...] Большевистская система должна быть уничтожена раз и навсегда. [...] Германский солдат имеет задачу не только раздавить военный потенциал этой системы, он являлся носителем народной идеи и мстителем. Борьба в тылу пока еще воспринимается недостаточно серьезно. [...] Всякие акты саботажа должны быть немедленно наказаны самыми жесточайшими мерами. Продовольственное состояние на родине делает необходимым, чтобы войска кормились продовольствием оккупированных областей и, более того, чтобы как можно большие запасы были переданы для потребления на родине. В особенности в городах противника большая часть населения должна будет голодать. Невзирая на это, ничто из того, что было пожертвовано родиной ради нас, не должно быть из ложного чувства человечности отдано военнопленным или населению, если они не находятся на службе у германских вооруженных сил».

Тем не менее, воспоминания Эриха фон Манштейна являются выдающимся примером военной мемуаристики и, мне кажется, с ними должен ознакомиться любой, кто хотя бы немного интересуется историей Второй мировой войны.

Несколько слов о нынешней новой редакции и новом издании воспоминаний Манштейна. Учитывая, что первое издание мемуаров Манштейна появилась уже достаточно давно, возникла насущная необходимость подготовки ее нового издания. Дело в том, что имеющийся перевод (который без каких-либо уточнений переиздавался все эти годы) в принципе хороший с литературной точки зрения, изобилует огромным количеством ошибок при переводе имен собственных, географических названий, названий воинских частей и соединений, должностей и реалий, имеющих отношение к вермахту. Также было явно недостаточно комментариев, которые должны были облегчить читателю работу над книгой. Теперь все эти проблемы ликвидированы: при подготовке этого издания мною полностью проработан весь текст мемуаров, уточнены некоторые шероховатости перевода, исправлены многочисленные фактические ошибки, в тексте в квадратных скобках внесены ряд уточнений, позволяющих понять о ком, собственно, идет речь, даны подробные постраничные комментарии. Фактически теперь текст мемуаров принял свою окончательную форму. Кроме того, для удобства пользования книгой мною был составлен подробный аннотированный указатель, где помещена информация обо всех упоминаемых Манштейном людях (мне не удалось идентифицировать не более десятка человек).

*Константин Залесский,
Москва, 2013*

Предисловие западногерманского издательства

Имя генерал-фельдмаршала фон Манштейна связано с названным Черчиллем «Ударом серпа» наступлением танков через Арденны, проведенным германской армией в 1940 г. и обеспечившим быстрый и полный разгром западных держав на континенте. Во время русской кампании Манштейн завоевал Крым и взял крепость Севастополь. После Сталинградской трагедии в результате ударов, нанесенных на Донце и под Харьковом, ему удалось сорвать попытки русских отрезать все южное крыло германской армии и еще раз вырвать из их рук инициативу. Когда последнее крупное наступление, проводившееся на Восточном фронте, операция «Цитадель», в связи с обстановкой, сложившейся на других фронтах, было прервано, на долю Манштейна выпала неблагоприятная задача руководить оборонительными боями с противником, имевшим многократное превосходство в силах. Хотя указания, дававшиеся Гитлером по политическим и экономическим соображениям, сильно связывали Манштейна в его действиях, он сумел все же отвести свою группу армий за Днепр и через Украину, устояв перед натиском врага.

В своем труде Манштейн публикует неизвестные до настоящего времени документы, связанные с планом наступления германской армии в 1940 г., за который он долго вел борьбу с командованием сухопутных сил (ОКХ) до тех пор, пока Гитлер не принял решения в его пользу. Исходя из стратегических соображений, автор рассматривает вопрос о том, как следовало бы вести военные действия после поражения Франции, а также чем объясняется то, что Гитлер не начал, как ожидалось всеми, наступления на Англию, а выступил против Советского Союза, не нанеся окончательного поражения Великобритании. Автор дает живую и захватывающую картину боевых действий на Востоке. Неоднократно автор показывает, каких высоких достижений добились немецкие войска. Одновременно подчеркивается, что командование группы армий (фронта) все время было вынуждено, преодолевая упорное сопротивление Гитлера, добиваться проведения необходимых в оперативном отношении мероприятий. Эта борьба достигла своего кульминационного пункта, когда в конце концов

1-я танковая армия оказалась под угрозой окружения. В этот момент Манштейну еще раз удается отстоять свою точку зрения перед Гитлером и предотвратить окружение армии. Через несколько дней после этого его смещают с должности.

«Так окончилась военная карьера самого опасного противника союзников, человека, сочетавшего современные взгляды на маневренный характер боевых действий с классическими представлениями об искусстве маневрирования, детальное знание военной техники с большим искусством полководца» (Б. Лиддел Гарт).

Книга Манштейна является одним из важнейших трудов по истории Второй мировой войны.

Предисловие автора

Эта книга представляет собой записки солдата. Я сознательно отказался от рассмотрения в ней политических проблем или событий, не находящихся в непосредственной связи с военными действиями. Следует напомнить слова английского военного писателя Бэзила Лиддел-Гарта:

«Немецкие генералы, участники этой войны, были по сравнению со всеми предыдущими периодами наиболее удачным продуктом своей профессии. Они могли бы только выиграть, если бы у них был более широкий горизонт и если бы они более глубоко понимали ход событий. Но если бы они стали философами, они бы уже не могли быть солдатами».

Я стремился передать то, что сам пережил, передумал и решил не после дополнительного рассмотрения, а так, как я это видел в то время. Слово берет не историк-исследователь, а непосредственный участник событий. Хотя я и стремился объективно видеть происходившие события, людей и принимаемые ими решения, суждение участника самих событий всегда остается субъективным. Несмотря на это, я надеюсь, что мои записки не будут лишены интереса и для историка. Ведь и он не в состоянии будет установить истину лишь на основании протоколов и документов. Самое главное – действующие лица с их поступками, мыслями и суждениями – редко и, конечно, не полностью находят свое отражение в документах или журналах боевых действий.

При описании возникновения плана немецкого наступления на Западе в 1940 г. я не последовал указанию генерал-полковника фон Секта: «Офицеры Генерального штаба не имеют имени».

Я считал, что вправе сделать это, поскольку этот вопрос – без моего участия – уже давно стал предметом обсуждения. Не кто иной, как мой бывший командующий, генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, а также наш 1-й офицер Генштаба, генерал Блюментритт, рассказали историю этого плана Лиддел-Гарту (я сам, к сожалению, не был с ним знаком).

Если я включил в изложение военных проблем и событий и личные переживания, то только потому, что судьба человека занимает свое место и на войне. В последних частях книги личные воспоминания отсутствуют; это объясняется тем, что в тот период забота и тяжесть ответственности заслонили собой все.

В связи с моей деятельностью во время Второй мировой войны события в основном рассматриваются с точки зрения высшего командования. Однако я надеюсь, что описание событий всегда даст возможность сделать вывод, что решающее значение имели самопожертвование, храбрость, верность, чувство долга немецкого солдата и сознание ответственности, а также мастерство командиров всех степеней. Именно им мы обязаны всеми нашими победами. Только они позволили нам противостоять врагам, обладавшим подавляющим численным превосходством.

Одновременно я хотел бы своей книгой выразить благодарность моему командующему в первый период войны, генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту, за постоянно проявлявшееся им ко мне доверие, командирам и солдатам всех рангов, которыми я командовал, моим помощникам, в особенности начальникам штабов и офицерам штабов, – моей опоре и моим советникам.

В заключение я хочу поблагодарить также и тех, кто помогал мне при записи моих воспоминаний: моего бывшего начальника штаба генерала Буссе и наших офицеров штаба: фон Блюмредера, Эйсмана и Аннуса, далее г-на Гергардта Гюнтера, по совету которого я принялся за записи моих воспоминаний, г-на Фреда Гильдебрандта, оказавшего мне ценную

помощь при составлении записей, и г-на инженера Матерне, с большим знанием дела составившего схемы.

Эрих фон Манштейн

Часть первая Польская кампания

Глава 1 Перед наступлением

Далеко от центра. – Гитлер отдает приказ о разработке плана развертывания наступления на Польшу. – Штаб группы армий «Юг», генерал-полковник фон Рундштедт. – Генеральный штаб и польский вопрос. – Польша – буфер между рейхом и Советским Союзом. – Война или блеф? – Речь Гитлера перед командующими объединениями в Оберзальцберге. – Пакт с Советским Союзом. – Несмотря на «бесповоротное» решение Гитлера, мы сомневаемся, действительно ли начнется война. – Первый приказ о наступлении отменяется! – Сомнения до конца! – Жребий брошен!

Развитие политических событий после аншлюса Австрии к империи я наблюдал, находясь вдали от Генерального штаба.

В феврале 1938 г. моя карьера в Генеральном штабе, которая привела меня на пост 1-го обер-квартирмейстера и заместителя начальника Генерального штаба, т. е. вторую по значению должность в Генеральном штабе, неожиданно оборвалась. Когда генерал-полковник барон фон Фрич в результате дьявольских интриг партийной верхушки был отстранен от должности главнокомандующего сухопутными войсками¹, одновременно ряд его ближайших сотрудников, в числе которых был и я, был удален из Верховного командования сухопутных войск (ОКХ). Получив назначение на пост командира 18-й дивизии в Лигнице², я, естественно, не занимался более вопросами, которые находились в компетенции Генерального штаба.

С начала апреля 1938 г. я получил возможность полностью посвятить себя службе на посту командира дивизии. Именно в эти годы исполнение обязанностей командира дивизии приносило особое удовлетворение, т. к. требовало полного напряжения всех сил. Ведь задача увеличения численности вооруженных сил еще далеко не была выполнена. Более того, непрерывное формирование новых частей требовало постоянно изменения штатного состава уже существовавших соединений. Темпы осуществления перевооружения и связанный с ним быстрый рост в первую очередь офицерского и унтер-офицерского корпуса предъявляли к командирам всех уровней высокие требования, если мы хотели достичь нашей цели: создать хорошо обученные, внутренне спаянные войска, способные обеспечить без-

¹ После отставки военного министра Вернера фон Бломберга (26 января 1938 г.) Фрич являлся первой кандидатурой на его пост, чего нацистское руководство не могло допустить. Еще 25 января Герман Геринг представил Гитлеру сфабрикованное гестапо досье, в котором Фрич обвинялся в гомосексуализме. Там утверждалось, что тот платил с 1935 г. деньги бывшему уголовнику Гансу Шмидту, который шантажировал его. 26 января Фрич тот был принят Гитлером и дал слово, что все обвинения против него являются ложью. Немедленно была устроена очная ставка со Шмидтом, который опознал во Фриче шантажируемого им гомосексуалиста. Гитлер потребовал у Фрича подать в отставку, от чего тот отказался, потребовав, в свою очередь, разбирательства в Суде чести. В тот же день он был отправлен в отпуск на неопределенный срок и 4 февраля 1938 г. заменен на посту главнокомандующего сухопутными войсками Вальтером фон Браухичем. Офицерский суд чести признал все обвинения против Ф. ложными, фон Рундштедт, как старший офицер, потребовал от Гитлера реабилитации Фрича. Гитлер отказался сделать публичное заявление и объявил о том, что обвинения ложные на закрытой встрече с высшим командным составом. – *Прим. науч. ред.*

² Город в прусской провинции Силезия. После войны эта территория отошла к Польше, ныне это город Легница Нижнесилезского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

опасность рейха. Тем большее удовлетворение принесли итоги этой работы, особенно для меня, после долгих лет службы в Берлине получившего счастливую возможность работать в непосредственном контакте с войсками. С большой благодарностью я вспоминаю поэтому об этих последних полутора мирных годах и в особенности о силезцах, которые составляли костяк 18-й дивизии. Силезия с давних пор поставляла хороших солдат, и, таким образом, военное воспитание и обучение новых частей было благодарной задачей.

Во время непродолжительной интермедии «Цветочных войн»³, – т. е. занятие включенной в состав рейха Судетской области⁴, – я занимал уже место начальника штаба армии, которой командовал генерал-полковник фон Лееб. Находясь на этом посту, я узнал о конфликте, начавшемся между начальником Генерального штаба сухопутных войск генералом Бекем и Гитлером по чешскому вопросу, приведшем, к моему глубокому сожалению, к отставке начальника Генерального штаба⁵, к которому я питал самое глубокое уважение. С этой отставкой оборвалась последняя нить, связывавшая меня – благодаря доверительным отношениям с Бекем – с Генеральным штабом.

Поэтому я только летом 1939 г. узнал о плане «Вайс»⁶, первом плане наступления на Польшу, разработанном по приказу Гитлера. До весны 1939 г. такого плана не существовало. Наоборот, все военные мероприятия на нашей восточной границе были нацелены на укрепление обороны, а также обеспечение безопасности в случае конфликта с другими державами.

По плану «Вайс» я должен был занять пост начальника штаба группы армий «Юг», командующим которой должен был стать находившийся к тому времени уже в отставке генерал-полковник фон Рундштедт. Развертывание этой группы армий должно было в соответствии с планом происходить в Силезии, Восточной Моравии и частично в Словакии; детали же необходимо теперь было разработать.

Так как штаба этой группы армий в мирное время не существовало, и его формирование должно было произойти только при объявлении мобилизации, для разработки плана развертывания был создан небольшой рабочий штаб. Он собрался 12 августа 1939 г. на учебном полигоне Нойхаммер, в Силезии. Рабочий штаб возглавлял полковник Генштаба Блюментритт, который при объявлении мобилизации должен был занять пост 1-го офицера Генштаба⁷ штаба группы армий. Я считал это большой удачей, ибо меня связывали с этим чрезвычайно энергичным человеком узы взаимного доверия. Они возникли во время нашей совместной работы в штабе армии фон Лееба в период Судетского кризиса, и мне казалось особенно

³ Название «Цветочных войн» (Blumenkriege) получили операции германской армии накануне Второй мировой войны по аншлюсу Австрии, захвату Судетской и Мемельской областей, оккупации Чехии. Скорее всего термин появился по аналогии с пропагандистским заявлением Й. Геббельса «Не пули, а цветы встречали наших солдат». – *Прим. науч. ред.*

⁴ Судеты, вошедшие после распада Австро-Венгрии в состав Чехословакии, были областью, населенной преимущественно немцами. 29 сентября 1938 г. было принято Мюнхенское соглашение, в соответствии с которым Германия ввела свои войска в Судетскую область и присоединила эту область к рейху. В соответствии с соглашением проживавшие здесь чехи выселялись в Чехию, а их имущество передавалось немцам. 30 сентября чехословацкое правительство заявило, что подчиняется соглашению. – *Прим. науч. ред.*

⁵ Людвиг Бек добился проведения 4 августа совещания высшего комсостава, на котором его, однако, не поддержали. В конце концов Бек попытался спровоцировать внутривластный кризис и 18 августа 1938 г. подал в отставку (он надеялся, что его поддержат другие генералы). 27 августа 1938 г. Бек был переведен в распоряжение Верховного командования сухопутных войск, и на его место был официально назначен генерал артиллерии Франц Гальдер. При этом Гитлер настоял, чтобы о смене главы Генштаба не было объявлено публично; лишь спустя два месяца, уже после успешного завершения кризиса и присоединения Судет к Германии, прошло сообщение, что оказывается пост начальника Генштаба сухопутных войск уже некоторое время занимает Гальдер. – *Прим. науч. ред.*

⁶ План «Вайс» (Fall Weiß) или «Белый план» – разработанный в апреле – июне 1939 г. германским Генштабом стратегический план военных действий против Польши. – *Прим. науч. ред.*

⁷ 1-й офицер Генштаба (по штатному расписанию – 1а) в штабах всех уровней возглавлял Оперативный (или Командный) отдел и являлся по должности заместителем начальника штаба. На уровне дивизии, где пост начальника штаба отсутствовал, 1-й офицер Генштаба также возглавлял работу всего штаба. – *Прим. науч. ред.*

ценным работать в такие времена вместе с человеком, которому я мог доверять. Подобно тому, как иногда незначительные черты характера человека вызывают у нас к нему симпатию, так и меня особенно привлекала в полковнике Блюментритте его воистину неистощимая энергия при ведении телефонных переговоров. Он работал и без того с невероятной быстротой, но с телефонной трубкой в руке он разрешал колоссальное количество мелких вопросов, оставаясь всегда бодрым и любезным.

В середине августа в Нойхаммер прибыл будущий командующий группой армий «Юг» генерал-полковник фон Рундштедт. Все мы знали его. Он был блестяще одаренным военачальником. Он умел сразу схватывать самое главное и занимался исключительно важными вопросами. Все, что являлось второстепенным, его абсолютно не интересовало. Что касается его личности, то это был, как принято выражаться, человек старой школы. Этот стиль, к сожалению, исчезает, хотя он раньше он вносил в жизнь офицеров нюанс любезности. Генерал-полковник был человеком обаятельным. Этому обаянию не мог противостоять даже Гитлер. Он питал к генерал-полковнику, по-видимому, подлинную привязанность и, как это ни странно, сохранил ее даже после того, как он дважды отправлял его в опалу. Возможно, Гитлера привлекало в Рундштедте то, что он производил впечатление человека минувших, непостижимых для него времен, к внутренней и внешней атмосфере которых он так никогда и не смог приобщиться.

Кстати, и моя 18-я дивизия в то время, когда штаб собрался в Нойхаммере, находилась на ежегодных полковых и дивизионных учениях на учебном полигоне.

Мне не нужно говорить, что каждый из нас задумывался над тем, какие огромные события пережила наша Родина в период с 1933 г., и задавал себе вопрос, куда этот путь нас приведет. Наши мысли и многие конфиденциальные беседы все время возвращались к то и дело вспыхивавшим вдоль горизонта зарницам. Нам было ясно, что Гитлер был преисполнен непоколебимой фанатической решимостью разрешить все еще оставшиеся территориальные проблемы, возникшие у Германии в результате заключения Версальского мира. Мы знали, что он уже осенью 1938 г. начал переговоры с Польшей, чтобы раз и навсегда разрешить польско-германский пограничный вопрос. Как проходили эти переговоры, и продолжались ли они вообще, нам не было известно. Однако нам было известно о гарантиях, которые Великобритания дала Польше. И я, пожалуй, могу сказать, что никто из нас – солдат – не был настолько самоуверенным, легкомысленным или близоруким, чтобы не видеть в этой гарантии исключительно серьезное предупреждение. Уже по этой причине – наряду с другими – мы в Нойхаммере были убеждены в том, что в конце концов дело все же не дойдет до войны. Даже если бы первые мероприятия по стратегическому развертыванию в соответствии с «Планом Вайс», над которым мы тогда как раз работали, был бы осуществлены, по нашему мнению, это еще не означало бы начала военных действий. До сих пор мы внимательно следили за тревожными событиями, успешный исход которых все время висел на волоске. С каждым разом мы все больше поражались тем, какое невероятное политическое везение сопровождало до сих пор действия Гитлера при достижении им без применения оружия своих как довольно прозрачных, так и скрытых целей. Казалось, что этот человек действует в соответствии с почти безошибочным инстинктом. Один успех следовал за другим, и число их было необозримо, если вообще можно назвать успехом тот ряд событий, которые должны были привести нас к гибели. Все эти успехи были достигнуты без войны. Почему, спрашивали мы себя, на этот раз дело должно было обстоять иначе? Мы вспоминали о событиях в Чехословакии. Гитлер в 1938 г. развернул свои войска вдоль границ этой страны, угрожая ей вторжением, и все же война не началась. Правда, старая немецкая поговорка, гласящая, что «Кувшин так часто ходит к колодезю, что в конце концов разбивается», уже тихонько звучала в наших головах. Кроме того, на этот раз дело было связано с большим риском, и игра, которую Гитлер, по всей видимости, хотел сыграть, выглядела очень опасно.

Теперь на нашем пути стояли гарантии Великобритании. Также мы вспоминали и об одном заявлении Гитлера, что он никогда не будет столь недальновидным, как некоторые правители Германии в 1914 г., развязавшие войну на два фронта. Он это заявил, и, по крайней мере, эти слова говорили о холодном рассудке, хотя его человеческие чувства казались окаменевшими или омертвевшими. Он в резкой форме, но торжественно заявил своим военным советникам, что он не идиот, чтобы из-за города Данцига⁸ или Польского коридора ввязаться в войну.

Генеральный штаб и польский вопрос

Польша была для нас постоянным напоминанием о горечи поражения, т. к. она по Версальскому мирному договору приобрела исконно немецкие земли, на которые она не могла претендовать ни с точки зрения исторической справедливости, ни на основе права наций на самоопределение. Кроме того, сам факт ее существования для нас, солдат, в период, когда Германия была ослабленной, являлся постоянным источником беспокойства. Даже простой брошенный на карту взгляд позволял увидеть всю неприглядность создавшегося положения. Какое неразумное начертание границ! Как искалечена наша родина! Этот коридор, разрывающий рейх и Восточную Пруссию! Когда мы, солдаты, смотрели на отделенную от Германии Восточную Пруссию, у нас были все основания беспокоиться о судьбе этой прекрасной провинции. Несмотря на это, командование вооруженных сил Германии никогда даже не обсуждало вопрос об агрессивной войне против Польши с целью положить конец этому положению силой. Отказ от такого намерения исходил из весьма простого резона военного характера: если отвлечься от всех прочих соображений, то агрессивная война против Польши немедленно и неизбежно втянула бы рейх в войну на два или несколько фронтов, которую Германия не в состоянии была бы вести. В этот период ослабления армии, явившегося следствием Версальского диктата, мы все время страдали от *Cauchemardes coalitions*⁹. И этот кошмар причинял нам еще большие страдания, когда мы думали о том вожделинии, с которым широкие круги польского общества все еще взирали, плохо скрывая свои аппетиты, на немецкие земли. Агрессивная война? Нет! Но когда мы без всякой предвзятости, принимая во внимание национальный дух польского народа, рассматривали возможность за столом переговоров пересмотреть вопрос о неразумном начертании границ, у нас не оставалось почти никаких надежд. Однако, казалось, не было исключено, что Польша когда-нибудь сама поставит вопрос о границах, опираясь на силу оружия. В этом отношении у нас после 1918 г. был уже некоторый опыт. Поэтому в тот период ослабления Германии не было ошибкой учитывать и эту возможность. Если бы маршал Пилсудский утратил бы свое влияние, и власть перешла бы к националистским польским кругам, то и нападение на Восточную Пруссию, как в свое время удар на Вильно, был бы вполне вероятным. Но в таком случае наши рассуждения приводили к определенным политическим выводам. Если бы Польша оказалась агрессором, и нам бы удалось отразить наступление, то для Германии создалась бы, очевидно, возможность путем нанесения из политических соображений контрудара добиться пересмотра неблагоприятного начертания границы. Во всяком случае высшие офицеры армии не тешили себя несбыточными надеждами.

Когда генерал фон Рабенау в книге «Сект. Из моей жизни»¹⁰ цитировал слова генерал-полковника: «Существование Польши недопустимо; оно несовместимо с жизненными

⁸ После Первой мировой войны Данциг по Версальскому миру 1919 г. получил статус вольного города, одновременно к Польше перешел Польский (Данцигский) коридор, отделявший Восточную Пруссию от Германии. После Второй мировой войны Данциг перешел к Польше, ныне – город Гданьск Поморского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

⁹ *Cauchemar des coalitions* (франц.) – «Кошмар коалиций», термин, который использовал Отто фон Бисмарк для обозначения положения на международной арене. – *Прим. науч. ред.*

¹⁰ Friedrich von Rabenau: *Seedcf. Ausseinem Leben 1918–1936*. Leipzig 1940. Кроме того Рабенау выпустил еще одну книгу: *Seeckt. Aus meinem Leben 1866–1918*. Leipzig 1941. – *Прим. науч. ред.*

интересами Германии. Она должна исчезнуть в результате собственной внутренней слабости и усилий России... с нашей помощью», то было ясно, что эта точка зрения в результате развития политических и военных событий, по-видимому, устарела. Мы довольно хорошо знали о растущей военной мощи Советского Союза; Франция, страна, обаянию которой так легко поддаться, к сожалению, по причинам, которые трудно установить, по-прежнему относилась к нам враждебно. Она, очевидно, всегда искала союзников в нашем тылу. Однако в случае исчезновения польского государства могучий Советский Союз мог стать для рейха гораздо более опасным соседом, чем Польша, которая в то время была буферным государством. Устранение буфера, который образовывала Польша (и Литва) между Германией и Советским Союзом, очень легко могло привести к конфликту между этими двумя великими державами. Пересмотр польской границы, возможно, был в интересах обоих государств, однако полная ликвидация польского государства в условиях, коренным образом изменившихся по сравнению предыдущим периодом, вряд ли отвечала интересам Германии. Итак, лучше было, чтобы Польша, относились ли мы к ней с уважением или нет, находилась между Советским Союзом и нами. Как ни тягостно было для нас, солдат, бессмысленное и взрывоопасное начертание границы, все же Польша как сосед представляла собой меньшую опасность, чем Советский Союз. Естественно, мы вместе со всеми немцами надеялись, что когда-нибудь восточная граница будет пересмотрена с тем, чтобы области, населенные преимущественно немцами по естественному праву их жителей, были возвращены в рейх. Рост же в них польского населения с военной точки зрения был совершенно нежелательным. Требование об установлении связи по суше между Восточной Пруссией и рейхом вполне можно было бы сочетать с заинтересованностью Польши в собственном морском порту. Именно так и никак иначе примерно выглядели мнения о польском вопросе, которые преобладали во времена рейхсвера¹¹, скажем, с конца двадцатых годов, у солдат, когда речь заходила о военных конфликтах.

Затем колесо судьбы снова совершило оборот. На германской сцене появился Адольф Гитлер. Все изменилось. Коренным образом изменились и наши взаимоотношения с Польшей. Рейх заключил пакт о ненападении и договор о дружбе с нашим восточным соседом¹². Мы были освобождены от кошмара возможного нападения со стороны Польши. Одновременно, однако, заметно охладели политические отношения между Германией и Советским Союзом, ибо фюрер, с тех самых пор, когда он начал выступать перед массами, достаточно ясно выражал свою ненависть по отношению к большевистскому режиму. В этой новой ситуации Польша должна была чувствовать себя свободнее. Но эта большая свобода не была теперь для нас опасной. Перевооружение Германии и серия внешнеполитических успехов Гитлера делали нереальной возможность использования Польшей своей свободы для наступления против рейха. Когда она выразила свою даже несколько чрезмерную готовность принять участие в разделе Чехословакии, возможность ведения переговоров по пограничному вопросу казалась вполне возможной.

¹¹ Рейхсвер (Reichswehr) – вооруженные силы Германии с 6 марта 1919 г. По условиям Версальского мира численность сухопутных войск ограничивалась 100 тыс. чел., в т. ч. 4,5 тыс. офицеров (7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии, 288 орудий, 252 миномета), Германии запрещалось иметь танки, зенитную, тяжелую и противотанковую артиллерию, а также Генеральный штаб в любой форме. 16.3.1935 Германия в одностороннем порядке аннулировала военные статьи Версальского договора, приняв Закон о создании вермахта. – *Прим. науч. ред.*

¹² Договор о ненападении между Германией и Польше (также известный как Пакт Пилсудского – Гитлера) был подписан в Берлине 26 января 1934 г. имперским министром иностранных дел бароном Константином фон Нейратом и польским послом в Берлине Юзефом Липским. Договор был в одностороннем порядке денонсирован Германией 28 апреля 1939 г. под предлогом того, что Польша отказалась предоставить Германии возможность строительства экстерриториальной шоссейной дороги в Кенигсберг (ныне Калининград) через территорию Польского коридора. – *Прим. науч. ред.*

Во всяком случае, ОКХ до весны 1939 г. не имело в своем портфеле ни малейшего намека на план стратегического развертывания с целью нападения на Польшу. Все военные приготовления на Востоке носили до этого момента чисто оборонительный характер.

Война или блеф?

Неужели осенью 1939 г. дело должно было пойти так далеко? Хотел ли Гитлер войны или он, как осенью 1938 г. в отношении Чехословакии, собирался применить крайние меры, используя угрозу военной силы для разрешения Данцигского вопроса и вопроса о коридоре, подобно тому, как он в свое время поступил в Судетском вопросе?

Война или блеф – вот в чем заключался вопрос, по крайней мере, для того, кто не был знаком с подлинным развитием политических событий и, прежде всего, с намерениями Гитлера. Да и кого вообще Гитлер знакомил со своими действительными планами?

Во всяком случае, те военные меры, которые были приняты в августе 1939 г., вполне могли, несмотря на существование плана «Вайс», иметь своей целью усиление политического давления на Польшу, чтобы заставить ее пойти на уступки. Начиная с лета, по приказу Гитлера велись лихорадочные работы по созданию «Восточного вала»¹³. Целые дивизии, в том числе и 18-я, постоянно сменяя друг друга, перебрасывались на несколько недель к немецко-польской границе для участия в строительстве этого «Восточного вала». Какой же смысл имело такое расходование сил и средств, если Гитлер хотел напасть на Польшу? Даже в том случае, если он, вопреки всем заверениям, рассматривал возможность ведения войны на два фронта, этот «Восточный вал» воздвигался не там, где это было необходимо. Ибо в таком случае для Германии всегда было бы единственно правильным в первую очередь совершить нападение на Польшу и повергнуть ее, на западе же ограничиваться оборонительными боями. О противоположном решении – наступлении на западе, оборона на востоке – при существовавшем тогда соотношении сил не могло быть и речи. Для наступления на западе тогда не существовало также никаких планов, да и не велось никакой подготовки. Итак, если строительство «Восточного вала» в создавшейся в то время обстановке и имело какой-либо смысл, то он, очевидно, заключался только в том, чтобы оказать на Польшу давление путем сосредоточения крупных масс войск на польской границе. Начавшееся в третьей декаде августа развертывание пехотных дивизий на восточном берегу Одера и выдвижение танковых и мотопехотных дивизий в районы сосредоточения (первоначально западнее Одера), не должны были обязательно рассматриваться как действительная подготовка к наступлению. Они вполне могли являться составной частью мер по политическому давлению.

Как бы то ни было, программа обучения войск в условиях мирного времени продолжала осуществляться по существующим планам. 13 – 14 августа 1939 г. в Нойхаммере я проводил последние учения моей дивизии, которые завершились прохождением войск перед генерал-полковником фон Рундштедтом. 15 августа 1939 г. проводились большие артиллерийские учения во взаимодействии с авиацией. При этом произошел трагический инцидент. Целая эскадрилья пикирующих бомбардировщиков – очевидно, получив неверные данные о высоте облаков – во время пикирования врезалась в лес. 16 августа 1939 г. проводилось еще одно полковое учение. Затем подразделения дивизии возвратились к местам своего расквартирования, которые им, правда, через несколько дней пришлось оставить, чтобы двинуться к границам Нижней Силезии.

¹³ «Восточный вал» (Ostwall) – система долговременных укреплений, возводившаяся по восточной границе Германии с 1934 г. Линия проходила примерно в 120 км от Берлина от берега Варты (на севере) до Одера (на юге). – *Прим. науч. ред.*

19 августа генерал-полковник фон Рундштедт и я получили приказ 21 августа прибыть на совещание в Оберзальцберг¹⁴ 20 августа мы выехали из Лигница на автомашине и добрались до района Линца, где переночевали у моего зятя, владевшего здесь имением. 21 августа утром мы прибыли в Берхтесгаден¹⁵. К Гитлеру были вызваны все командующие группами армий, а также командующие армиями со своими начальниками штабов и соответствующие им по рангу, начальники авиационных и военно-морских командований.

Совещание или, скорее, речь, с которой Гитлер обратился к высшим военным чинам, – после событий, которые имели место в прошлом году в ходе Чешского кризиса во время совещания с начальниками штабов, он больше не допускал никаких обсуждений, – была произнесена в большом зале его резиденции «Бергхоф», из окон которого открывался вид на Зальцбург. Незадолго до прихода Гитлера появился Геринг. Мы были поражены его видом. Я считал, что мы приглашены на серьезное совещание. Геринг же, по-видимому, явился на маскарад. На нем была белая рубашка с отложным воротником и зеленый кожаный жилет с большими желтыми пуговицами, обтянутыми кожей. Картину дополняли короткие, до колен, кожаные штаны и длинные шелковые носки серого цвета, которые подчеркивали огромные размеры его икр. С этими тонкими носками резко контрастировали находившиеся ниже массивные ботинки. Но все, безусловно, затмевал украшавший его живот кинжал, болтавшийся на щедро отделанном золотом поясе из красной кожи, в ножнах из кожи такого же цвета и с золотыми украшениями. Я мог только шепнуть моему соседу генералу фон Зальмуту: «Толстяку, видно, поручена охранять нашу встречу?»¹⁶

Обвинением на Нюрнбергском процессе по делу Верховного командования вермахта¹⁷ были представлены различные т. н. «документы» о речи Гитлера на этом совещании. Водном из них утверждалось, что Гитлер в своей речи употреблял самые сильные выражения, и что Геринг от радости в связи с предстоящей войной якобы вскочил на стол и воскликнул «Хайль». В этом нет ни грана истины. Гитлер не произносил тогда и таких слов, как «Я боюсь, что в последний момент какой-нибудь стервец придет ко мне с предложением о посредничестве». Речь Гитлера, правда, была выдержана в духе ясной решимости, но он был слишком хорошим психологом для того, чтобы не знать, что ругательствами или тирадами нельзя воздействовать на людей, которые присутствовали на этом совещании.

Содержание его речи в основном правильно изложено в книге Грейнера «Высшее руководство вермахта в 1939–1943 гг.»¹⁸. Грейнер основывается при этом на устной передаче содержания этой речи полковником Варлимонтом для журнала ОКВ и на стенографической записи адмирала Канариса. Заслуживают внимания также некоторые записи из дневника генерал-полковника Гальдера¹⁹, хотя мне представляется возможным, что в дневнике, как и в передаче содержания полковником Варлимонтом и Канарисом, есть и высказывания, которые они слышали от Гитлера не на том совещании, а при других обстоятельствах.

На нас, генералов, не входивших в состав высшего руководства, речь Гитлера произвела следующее впечатление: Гитлер принял категорическое решение немедленно разрешить германо-польский вопрос, даже ценой войны. Если Польша перед лицом уже начавшегося, хотя еще и замаскированного развертывания германской армии подчинится немецкому

¹⁴ Имеется в виду «Бергхоф» (Berghof – «Горный двор») – любимая загородная резиденция А. Гитлера. Располагалась в предгорьях Альп в районе Оберзальцберг, близ Берхтесгадена (Юго-Восточная Бавария). – *Прим. науч. ред.*

¹⁵ Само совещание состоялось на следующий день – 22 августа – в 12:00. – *Прим. науч. ред.*

¹⁶ В данном случае Манштейн использует существительное – *Saalschutz*, дословно: охрана зала во время политических собраний. – *Прим. науч. ред.*

¹⁷ Имеется в виду 12-й процесс военного трибунала США по делу ОКВ, проходивший в Нюрнберге с 30 декабря 1947 г. по 28 октября 1948 г., на котором в качестве подсудимых выступали старшие офицеры вермахта. – *Прим. науч. ред.*

¹⁸ Helmut Greiner. Die Oberste Wehrmachtführung 1939–1945. Wiesbaden, 1951.

¹⁹ См. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. М., 1968. С. 55–58. – *Прим. науч. ред.*

нажиму, достигшему уже своего кульминационного пункта, мирное решение отнюдь не исключено. Гитлер убежден, что западные державы в решающий момент, как и раньше, не возьмутся за оружие. Он особенно подробно обосновал это свое мнение. Его аргументы сводились в основном к следующему:

- отставание Великобритании и Франции в области вооружения, в особенности авиации и противовоздушной обороны;
- практическая невозможность для западных держав оказать эффективную помощь Польше, при отказе наступать через «Западный вал», на что оба народа, в связи с перспективой понести большие человеческие жертвы, вряд ли пойдут;
- внешнеполитическая обстановка, в особенности напряженная ситуация в районе Средиземного моря, значительно ограничивает свободу действий, в первую очередь Великобритании;
- внутривнутриполитическая обстановка во Франции;
- наконец, но не в последнюю очередь, личности ведущих государственных деятелей: ни Чемберлен, ни Даладье не возьмут на себя принятие решения об объявлении войны.

Хотя оценка положения, в котором находились западные державы, и казалась логичной и во многих пунктах правильной, я все же не думаю, что слова Гитлера окончательно убедили собравшихся. Британские гарантии, правда, были почти единственным аргументом, который можно было противопоставить высказываниям Гитлера. Но все же и он был весьма веским!

То, что Гитлер говорил о возможной войне против Польши, по моему мнению, не могло быть понято как объявление политики уничтожения, как это утверждало обвинение в Нюрнберге. Если Гитлер требовал быстрого и решительного уничтожения польской армии, то это, если перевести это требование на военный язык, как раз и являлось целью, которую, в конце концов, преследует любая крупномасштабная наступательная операция. Никто из нас, во всяком случае, не мог понять его высказываний в смысле той политики, которую он позже стал проводить в отношении поляков.

Наибольшей неожиданностью и одновременно произведшим на нас самое глубокое впечатление сообщением была, естественно, информация о предстоящем заключении пакта с Советским Союзом. На пути в Берхтесгаден мы уже узнали из газет о заключении в Москве торгового соглашения²⁰, которое в сложившейся обстановке само по себе уже являлось сенсацией. Теперь Гитлер сообщил, что присутствовавший на совещании министр иностранных дел фон Риббентроп, с которым он в нашем присутствии попрощался, вылетает в Москву для заключения со Сталиным пакта о ненападении. Тем самым, говорил он, у ападных держав выбиты из рук главные козыри. Блокада Германии также теперь не достигнет результата. Гитлер намекнул, что он для того, чтобы создать возможность для заключения пакта, пошел на серьезные уступки Советскому Союзу в Прибалтике, а также в отношении восточной границы Польши. Из его слов, однако, нельзя было сделать вывод о полном разделе Польши. В действительности Гитлер, как это сегодня известно, даже во время Польской кампании рассматривал вопрос о сохранении оставшейся части Польши.

Выслушав речь Гитлера, ни генерал-полковник фон Рундштедт, ни я, ни, очевидно, кто-либо из генералов не пришел к выводу, что теперь при любых обстоятельствах дело неизбежно дойдет до военного конфликта. Особенно два обстоятельства, казалось, заставляли сделать вывод, что в последнюю минуту все же, как и в Мюнхене, компромисс будет достигнут мирным путем.

²⁰ Торговое соглашение (кредитное или торгово-кредитное) было подписано 19 августа 1939 г. в Берлине. Его заключение стало выполнением предварительного условия СССР в ходе переговоров летом 1939 г. для продолжения переговоров о подписании советско-германского пакта. – *Прим. науч. ред.*

Первое обстоятельство заключалось в том, что в результате заключения пакта с Советским Союзом положение Польши стало безнадежным. Следствием этого была потеря Англией возможностей осуществления блокады Германии, и теперь для оказания помощи Польше она могла пойти только по неизбежно сопровождавшемуся большими жертвами пути наступления на западе. Учитывая это, казалось вполне вероятным, что Англия под нажимом Франции посоветует Польше пойти на уступки. С другой стороны, Польше должно было теперь стать ясно, что британские гарантии практически потеряли свою силу. Более того, она должна была считаться с тем, что в случае войны с Германией у нее в тылу выступят Советы, чтобы добиться реализации своих старых требований в отношении Восточной Польши. Как же в такой обстановке Варшава могла не пойти на уступки?

Другое обстоятельство было связано с самим фактом проведения совещания, в котором мы только что приняли участие. Какова была его цель? До этого момента то, что касалось военных аспектов планов нападения на Польшу, тщательно скрывалось. Сосредоточение дивизий в пограничной зоне проводилось под предлогом строительства «Восточного вала». Для маскировки подлинной цели переброски войск в Восточную Пруссию была начата подготовка грандиозного празднования годовщины сражения под Танненбергом²¹. До последнего момента шла также подготовка к крупным маневрам механизированных соединений. Развертывание войск проводилось без официального объявления мобилизации. Было очевидно, что все эти мероприятия не могут остаться тайной для поляков, и что они, следовательно, носят характер политического нажима. Тем не менее, пока они все-таки проводились в обстановке полной секретности, при чем применялись все средства маскировки. Теперь же, в кульминационный момент кризиса, Гитлер собрал весь высший командный состав вермахта в Оберзальцберге – факт, который ни при каких обстоятельствах нельзя было сохранить в тайне. Нам же это казалось вершиной последовательно проводящейся политики блефа. Таким образом, Гитлер, несмотря на воинственность своей речи, все же стремился к компромиссу? Не должно ли было именно это совещание преследовать цель последнего давления на Польшу?

Во всяком случае, с такими мыслями генерал-полковник фон Рундштедт и я выехали из Берхтесгадена. В то время как генерал-полковник направился прямо в наш штаб в Нейссе²², я на один день остановился в Лигнице, где жила моя семья, – еще один признак того, насколько мало я в душе верил в то, что скоро начнется война.

24 августа 1939 г. в 12 часов дня генерал-полковник фон Рундштедт принял командование группой армий. 25 августа в 15.25 из ОКХ пришел шифрованный приказ: «"План Вайс" время "Ч" – 26.08; 4.30». Решение о начале войны, в которую мы до той поры отказывались верить, было, следовательно, принято.

Я ужинал с генерал-полковником фон Рундштедтом в нашем штабе в монастыре Святого Креста в Нейссе, когда в 20.30 из ОКХ был передан по телефону следующий приказ: «Открывать военные действия запрещено. Немедленно остановить войска. Мобилизация продолжается. Развертывание по плану "Вайс" и "Вест"²³ продолжать, как намечено».

Любой солдат понимает, что означает подобная отмена в последний момент приказа о наступлении. Три армии, находившиеся на марше к границе в районе, простирающемся от

²¹ Танненбергское сражение состоялось 13(26) – 17(30) августа 1914 г. в Восточной Пруссии. В ходе сражения германская 8-я армия генерал-полковника Пауля фон Гинденбурга нанесла поражение 2-й русской армии генерала от кавалерии А.В. Самоснова (Самсонова?), а затем принудила к отступлению 1-ю русскую армию генерала от кавалерии П.К. фон Ренненкампа, тем самым ликвидировав Восточной Пруссии со стороны русского Северо-Западного фронта. – *Прим. науч. ред.*

²² Нейссе – окружной центр прусской провинции Верхняя Силезия. После Второй мировой войны эта территория отошла к Польше, ныне это город Ныса, центр Ныского повята Опольского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

²³ Имеется в виду план развертывания войск группы армий «Ц» на франко-германской границе. – *Прим. науч. ред.*

Нижней Силезии до Восточной Словакии, необходимо было остановить в течение нескольких часов; при этом надо учесть, что все штабы (по крайней мере, до штабов дивизий включительно) также находились на марше и что по соображениям маскировки соблюдалось полное радиомолчание. Несмотря на все трудности, все же удалось предать всем приказ своевременно. Прекрасная работа органов управления и связи! Один мотопехотный полк в Восточной Словакии удалось, правда, задержать только благодаря тому, что посланный на самолете «Физелер-Шторх»²⁴ офицер ночью совершил посадку у самой головы полковой колонны.

О причинах, которые побудили Гитлера, по-видимому, в последний момент изменить свое решение о начале войны, мы ничего не знали. Говорили лишь, что все еще ведутся переговоры.

Можно легко понять, что мы, военные профессионалы, были неприятно поражены подобными методами Верховного командования. Ведь решение о начале войны, в конце концов, является самым ответственным решением главы государства. Как можно было принять такое решение, а затем через несколько часов отменить его? Следовало, прежде всего, учесть, что подобная отмена с военной точки зрения должна была привести к тяжелым последствиям. Как я уже говорил при описании совещания в Оберзальцберге, все было рассчитано на внезапное нападение на позиции противника. Не было официально объявленной мобилизации. Первым днем мобилизации было объявлено 26 августа, т. е. день только что приостановленного наступления. Вследствие этого наступление должно было осуществляться не только силами всех танковых и моторизованных соединений, но ограниченным количеством пехотных дивизий, которые частично уже находились в пограничном районе, частично были в спешном порядке приведены в боевую готовность. Теперь о внезапном нападении на противника не могло быть и речи. Ибо если выдвижение в районы сосредоточения в пограничной зоне и проводилось ночью, о нем все же не могло не быть известно противнику, прежде всего потому, что моторизованные части должны были уже днем выступить из районов сосредоточения западнее Одера, чтобы форсировать его. В результате этого теперь – если дело вообще дойдет до войны – должен был вступить в силу второй вариант: наступление всеми силами, приведенными в боевую готовность. Фактор внезапности, во всяком случае, был утрачен.

В связи с тем, что нельзя было представить, что Гитлер принял свое первое решение о начале военных действий непродуманно и легкомысленно, для нас оставался только один вывод – все это по-прежнему было частью дипломатической тактики постоянного усиления давления на противника. Поэтому, когда 31 августа в 17 часов снова пришел приказ: «Время "Ч" – 01.09; 04.45», генерал-полковник Рундштедт и я были настроены весьма скептически. К тому же не поступило никаких сообщений относительно прекращения переговоров. В соединениях группы армий на всякий случай с учетом опыта 25 августа все было подготовлено для того, чтобы обеспечить остановку продвижения войск даже в самый последний момент, если все снова повторится. Генерал-полковник фон Рундштедт и я до полуночи не ложились спать, ожидая все еще казавшегося нам вполне возможным приказа об остановке движения войск.

Только когда миновала полночь и исчезла всякая возможность задержать продвижение, уже не могло быть никакого сомнения, что теперь дело будет решать оружие.

²⁴ Имеется в виду легкий разведывательный самолет Fieseler Fi.156 Storch («Аист»), имевший длину 9,9 м, высоту – 3,05 м, размах крыльев – 14,25 м, площадь крыла – 26 кв. м. Он мог нести 2 человек и весил 930 кг (пустой) или 1325 кг (снаряженный). – *Прим. науч. ред.*

Глава 2

Оперативная обстановка

Решающие факторы: превосходство вермахта и географическое положение Польши. – Риск на Западе. – Силы и планы немецкой армии. – Силы и планы польской армии. – Замечания к развертыванию польской армии. – Польша хочет «прикрыть все». – Мечты Польши о наступлении. – Как Польша могла развернуть военные действия? – Борьба за выигрыш времени, жесткая оборона только за Наревом, Вислой и Саном. – Прикрытие глубоких флангов. – Западные державы бросают Польшу на произвол судьбы. – Извинения главнокомандующего союзников

Оперативная обстановка в польской кампании решающим образом определялась следующими факторами:

во-первых, превосходством вермахта в том случае, если Верховное командование пойдет на большой риск на Западе, бросив большую часть своих сил против Польши;

во-вторых, географическим положением, которое позволяло немцам взять польскую армию в клещи – ударом из Восточной Пруссии, Померании, Силезии и Словакии;

в-третьих, скрытой угрозой Польше с тыла со стороны Советского Союза.

Силы и планы немецкой армии

Немецкое командование полностью пошло на упоминавшийся выше риск на Западе. ОКХ выставило против Польши 42 кадровые дивизии, в т. ч. вновь сформированную (10-ю) танковую дивизию, а также вновь сформированную (50-ю) пехотную дивизию, в состав которой вошли части, возводившие укрепления в дуге Одер – Варта. Всего: 24 пехотные, 3 горнострелковые, 6 танковых, 4 легкие, 4 мотопехотные дивизии и 1 кавалерийская бригада. К этому следует добавить еще 16 дивизий, укомплектование которых началось только после мобилизации (2 – 4-я волны)²⁵ и которые, однако, пока еще не могли считаться полноценными. Кроме того, армиям на Востоке были подчинены Лейбштандарт и еще один или два усиленных полка СС²⁶.

На западе же осталось всего 11 кадровых пехотных дивизий, крепостные части силой до дивизии (будущая 72-я пехотная дивизия) и 35 дивизий, которые были заново сформированы (2 – 4-й волн). Танковых или моторизованных соединений на Западе не было. Всего – 46 дивизий, из которых, однако, большинство могли быть признаны лишь условно годными для участия в боевых действиях.

Обученная и оснащенная как авиадесантная 22-я пехотная дивизия оставалась в резерве ОКХ на территории Германии. Большая часть люфтваффе, входившая в состав двух воздушных флотов, была брошена на Польский фронт, в то время как на Западе остался 3-й воздушный флот, имевший более слабый состав.

Риск, на который пошло немецкое командование подобным распределением сил, безусловно, был очень большим.

²⁵ Вновь сформированные дивизии 2-й и 4-й волны имели в своем составе лишь небольшое число кадровых подразделений, а дивизии 3-й волны не имели их вовсе. Они были слабее кадровых дивизий. Этим дивизиям требовалось больше времени для приведения их в боевую готовность. – *Прим. автора.*

²⁶ Имеются в виду формирования СС – Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» и части усиления СС, – формально не входившие в состав вермахта, но на время войны передававшиеся в оперативное подчинение соответствующих штабов: Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» был подчинен штабу XIII армейского корпуса, штандарт СС

Вследствие неожиданно быстрого окончания Польской кампании, причиной которого отчасти были и ошибки побежденной стороны и, прежде всего, полное бездействие западных союзников, спокойно следивших за поражением Польши, этот риск никогда не был по заслугам оценен.

Необходимо, однако, принять во внимание, что немецкое командование должно было считаться с французской армией, насчитывавшей около 90 дивизий. И действительно, Франция осенью 1939 г. (по фон Типпельскирху²⁷) в течение трех недель отобилировала 108 дивизий. В их числе было 57 пехотных, 5 кавалерийских, 1 танковая и 45 резервных и территориальных дивизий и, кроме того, крупные части РКК, в том числе танки и артиллерия²⁸.

Последние имели преимущество перед аналогичными немецкими формированиями, заключавшееся в том, что они состояли из солдат, прошедших действительную службу, в то время как вновь сформированные немецкие части в значительной степени состояли из новобранцев, прошедших неполный курс обучения, и резервистов – ветеранов Первой мировой войны.

Таким образом, не подлежит сомнению, что французская армия с первого же дня войны многократно превосходила немецкие войска, сосредоточенные на Западном фронте.

Участие британской армии в наземных операциях было, правда, весьма незначительным. Великобритания выставила для этих целей всего 4 дивизии, но и они прибыли на театр военных действий только в первой половине октября.

Немецкий оперативный план войны против Польши основывался на полном использовании возможностей, вытекавших из географического положения страны, что могло быть использовано для охвата противника с флангов.

Немецкая армия осуществляла наступление двумя далеко отстоявшимися друг от друга фланговыми группами армий, почти полностью отказавшись от действий на центральном направлении (дуга Одер – Варта).

Группа армий «Север» (командующий – генерал-полковник фон Бок, начальник штаба – генерал фон Зальмут) имела в своем составе две армии, насчитывавшие 5 армейских и один танковый корпус, в которые входили 9 кадровых (в т. ч. 50-я пехотная, сформированная из крепостных частей неполного состава); 8 пехотных дивизий, сформированных в ходе мобилизации; 2 танковые (а также сводная танковая дивизия «Кемпфа»²⁹); 2 мотопехотные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду. Всего, следовательно, 21 дивизия. К ним следует прибавить находившиеся в Восточной Пруссии крепостные части из Кенигсберга и Лёцена³⁰, а в Померании – бригаду «Нетце»³¹.

В состав группы армий разворачивались – в Восточной Пруссии 3-я армии (генерала фон Кюхлера) и в Восточной Померании 1-я армии (генерал-полковника фон Клюге). Задача группы армий состояла в том, чтобы первоначально нанести удар через Польский коридор, затем большей частью войск быстро продвинуться восточнее Вислы на юго-восток и юг и, форсировав Нарев, нанести удар в тыл польской армии, которая, как предполагалось, будет удерживать линию обороны по Висле.

²⁷ Имеется в виду книга: Toppelskirch K. Geschichtedes Zweiten Weltkrieges. Bonn, 1951; в русском переводе: Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1954. – *Прим. науч. ред.*

²⁸ Значительная часть сил французской армии оставалась пока в Северной Африке и на границе в Альпах. – *Прим. автора.*

²⁹ В состав дивизии «Кемпф» вошли 7-й танковый полк, полк СС «Дойчланд», артиллерийский полк СС, батальон связи СС, разведывательный батальон СС, 505-й саперный батальон и артиллерийские части. – *Прим. науч. ред.*

³⁰ Кенигсберг – столица Восточной Пруссии, после войны отошел к СССР; ныне это город Калининград-областной. Лёцен – центр восточно-пруссского округа; после войны отошел к Польше; ныне это город Гжицко – центр повята Варминско-Мазурского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

³¹ Бригада «Нетце» (командир полковник барон Эккард фон Габленц) включала в себя 22-й и 52-й пограничные охраняемые полки. – *Прим. науч. ред.*

Группа армий «Юг» (командующий – генерал-полковник фон Рундштедт, начальник штаба – генерал фон Манштейн) обладала значительно большими силами. Ее состав входили три армии: 14-я – генерал-полковника Листа, 10-я – генерал-полковника фон Рейхенау, 8-я – генерал-полковника Бласковица. Всего группа армий располагала 8 армейскими и 4 танковыми корпусами, имевшими в своем составе 15 кадровых пехотных, 3 горнострелковые, 8 вновь сформированных дивизий, а также большую часть имевших в вермахте механизированных соединений – 4 танковые, 4 подвижные и 2 мотопехотные дивизии. Всего – 36 дивизий.

Группа армий осуществляла развертывание: 14-я армия – в промышленной области Верхней Силезии, в Восточной Моравии и Западной Словакии; 10-я армия – в районе Кройцбурга³² и южнее его (Верхняя Силезия); 8-я армия – в Центральной Силезии восточнее Эльса³³. Ее задача состояла в том, чтобы разгромить войска противника на большой дуге Вислы и в Галиции, затем быстро выйти механизированными соединениями к Варшаве и как можно быстрее на широком фронте захватить переправы через Вислу, разгромив во взаимодействии с войсками группы армий «Север» остатков польской армии.

Силы и планы польской армии

Польша в мирное время располагала 30 пехотными дивизиями, 11 кавалерийскими, горной и 2 моторизованными (танковыми) бригадами³⁴. Кроме того, имелись несколько полков пограничной стражи, большое количество батальонов национальной обороны и части морской пехоты, расположенные в районе Гдинген³⁵ – Хел (данные приводятся по книге Германа Шнейдера «Записки об оперативной обстановке в Польше» и из журнала *Militarwissenschaftliche Rundschau*³⁶ за 1942 г.).

В общей сложности польские вооруженные силы, таким образом, представляли собой сравнительно большую силу. Однако вооружение Войска Польского относилось в основном к периоду Первой мировой войны. Авиация, насчитывавшая около 1000 самолетов, также не отвечала современным требованиям. Противовоздушная оборона была недостаточной³⁷.

Немецкое командование считало, что в случае войны Польша сможет удвоить количество своих дивизий, хотя вызывал определенные сомнения вопрос – имеется ли у нее для этого необходимое вооружение. Как указывал Типпельскирх, Польша в 1939 г. накануне войны сформировала только полки и другие подразделения для 10 резервных дивизий. Однако, по-видимому, ей не удалось объединить все эти подразделения и части в полноценные дивизии, в состав которых они должны были войти. Тем не менее, во время этой кампании в информации о противнике, которую получали немецкие штабы, упоминался ряд таких резервных дивизий.

³² Кройцбург – центр земельного округа правительственного района Бреслау прусской провинции Верхняя Силезия; после войны эта территория отошла к Польше, ныне это город Ключборк – центр повята Опольского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

³³ Эльс – центр земельного округа правительственного района Бреслау прусской провинции Верхняя Силезия; после войны эта территория отошла к Польше, ныне это городская гмина Олещница – центр повята Нижнесилезского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

³⁴ Данные в различных источниках несколько разнятся. Наиболее вероятными представляются приведенные в польских источниках, который указывают, что польские вооруженные силы во время сентябрьской кампании 1939 г. насчитывали: 39 пехотных дивизий (*dywizja piechoty*), 11 кавалерийских бригад (*brygada kawalerii*), 2 моторизованных бригады (*brygada zmotoryzowana*), 3 горных бригады (*brygada gorskie*), 3 батальона легких танков (*batalion czołgow lekkich*), 14 бригад национальной обороны (*brygada Obrony Narodowej*). Всего около 1 млн человек, 870 танков (220 танков и 650 танкеток ТКС), 4300 артиллерийских орудий и минометов, 407 самолетов (в т. ч. 44 бомбардировщика и 142 истребителя). – *Прим. науч. ред.*

³⁵ Гдинген – немецкое название польского города Гдыня (вместе с Гданьском и Сопотом он образует агломерацию Труймясто). – *Прим. науч. ред.*

³⁶ «Военное научное обозрение». – *Прим. науч. ред.*

³⁷ Информация по книге К. фон Типпельскирха «История второй мировой войны». – *Прим. автора.*

Указанные выше силы польское Верховное командование распределило следующим образом (по К. фон Типпельскирху и Г. Шнейдеру):

– вдоль границы Восточной Пруссии на рубеже Бобр – Нарев – Висла между Сувалками и Ломжей должна была действовать оперативная группа в составе 2 дивизий и 2 кавалерийских бригад;

– по обе стороны от Млавы – армия «Модлин» в составе 4 дивизий и 2 кавалерийских бригад;

– в Польском коридоре была сосредоточена армия «Поромье» (Поморье?) в составе 5 дивизий и 1 кавалерийской бригады;

Вдоль польско-германской границы от Варты до границы со Словакией должны были развернуться три армии:

– армия «Познань» в западной части Познаньского воеводства – в составе 4 дивизий и 2 кавалерийских бригад;

– армия «Лодзь» в районе Велюни – в составе 4 дивизий и 2 кавалерийских бригад;

– армия «Краков» между Ченстоховой и Ноймарктом³⁸ – в составе 6 дивизий, 1 кавалерийской и 1 моторизованная бригады.

За последними двумя армиями в районе Томашув – Кельцы была сосредоточена армия «Пруссы» в составе 6 дивизий и 1 кавалерийской бригады.

Наконец, армия «Карпаты», состоявшая главным образом из резервных частей и батальонов национальной обороны, имела задачей глубоко эшелонированным построением прикрывать глубокий фланг вдоль Карпат от Тарнува до Лемберга³⁹.

Резервная группа (армия Пискора⁴⁰) в составе 3 дивизий и 1 мотобригады оставалась на Висле в районе Модлина, Варшавы, Люблина.

Кроме того, уже в ходе самой кампании восточнее Буга была образована особая группа «Полесье»⁴¹, по-видимому, для отражения нападения Советского Союза.

Однако, когда началось немецкое наступление, развертывание сил польской армии еще не было окончено, и, очевидно, изложенный выше план удалось осуществить лишь частично.

Замечания к развертыванию сил польской армии

Пожалуй, трудно установить, в чем состоял оперативный замысел, положенный в основу плана развертывания польской армии, если только это не было желанием «прикрыть все», или, может быть, правильнее будет сказать, ничего не отдавать врагу без боя⁴². Это желание в случае его осуществления приводит слабую сторону, как правило, к поражению. Этот вывод – несколькими годами позднее – должен был бы сделать и Гитлер, хотя он никогда не отдавал себе в этом отчета.

³⁸ Немецкое название польского города Новы-Тарг, ныне центра повята Малопольского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

³⁹ Немецкое название Львова, который в те годы входил в состав Польши, а в сентябре 1939 г. перешел к СССР; ныне он центр области Украинской республики. – *Прим. науч. ред.*

⁴⁰ Имеется в виду армия «Люблин», которой командовал генерал Тадуш Пискор, но она была сформирована только 4 сентября 1939 г. – *Прим. науч. ред.*

⁴¹ Чтобы не перегружать текст комментариями, расписание польской армии в сентябре 1939 г. вынесено в приложение (см. Приложение 1). – *Прим. науч. ред.*

⁴² Главной целью разработанного польским Генштабом плана кампании было сдерживание агрессора, а также сохранение людских и материальных ресурсов в ожидании момента, когда Франция в соответствии с принятыми ей обязательствами не нанесет удар по Германии с запада. Действуя в условиях «жесткой обороны» польское командование планировало оборонять *всю* территорию страны, не допуская разрывов в линии фронта. При этом при благоприятных обстоятельствах предполагалось также начать контрнаступление в Восточной Пруссии. Польское командование считало, что Войско Польское сможет удержать противника минимум две – три недели, чего будет достаточно Западным союзникам, чтобы провести сосредоточение и нанести удар. – *Прим. науч. ред.*

Сложность оперативной обстановки для Польши, вызванная возможностью немецкого наступления по двум, а позже даже по трем направлениям при относительной слабости польских вооруженных сил, была сама по себе достаточно ясной. Если командование Войска Польского, тем не менее, решилось на попытку «прикрыть все», то это свидетельствует только о том, как трудно, по-видимому, учитывать военные факторы, когда на первый план выступают морально-психологические и политические соображения.

В Польше – за исключением маршала Пилсудского и еще нескольких трезво мыслящих политических деятелей – очевидно, никто никогда ясно не представлял себе всю опасность положения, в котором оказалась страна в результате удовлетворения несправедливых территориальных претензий по отношению к своим соседям – России и Германии. Польша насчитывала 35 миллионов граждан, из которых поляков опять-таки было всего 22 миллиона, а остальные 13 миллионов принадлежали к немецкому, украинскому, белорусскому и еврейскому меньшинствам, подвергавшимся дискриминации без каких либо национальных различий⁴³.

Наряду с этим Польша, полагавшаяся на союз с Францией в годы, когда армия Германии (и Советского Союза) была ослабленной, видимо, слишком долго предавалась мечтам о возможности нападения на Германию. Одни собирались внезапно напасть на изолированную Восточную Пруссию или – за что активно выступил Польский повстанческий союз – на немецкую Верхнюю Силезию, другие же настаивали на том, чтобы даже предпринять марш на Берлин, будь то по кратчайшему пути через Познань и Франкфурт-на-Одере или, после захвата Верхней Силезии, путем нанесения удара западнее Одера на столицу рейха.

Правда, подобные мечтания стали беспочвенными уже после строительства немецких укреплений на дуге Одер – Варта, а позже и благодаря перевооружению Германии. Однако агрессивные планы такого рода еще не совсем выветрились из голов польских политических и военных деятелей, которые продолжали надеяться на одновременное наступление французской армии на Западе. Во всяком случае, описанный выше план развертывания польской армии, хотя он вначале и был рассчитан в общих чертах на оборону, допускал предположение о том, что он оставляет одновременно открытой возможность на более поздней стадии – как только придет на помощь Франция – начать наступление.

Польский Генеральный штаб еще не имел своей подкрепленной многолетним опытом военной доктрины. Вообще говоря, польскому темпераменту больше соответствовала идея наступления, чем обороны. Романтические представления минувших времен, по крайней мере, подсознательно, еще сохраняли свою силу в головах польских солдат. Я вспоминаю картину, на которой был изображен маршал Рыдз-Смиглы на фоне атакующих польских кавалерийских эскадронов. С другой стороны, вновь созданную польскую армию обучали французские инструкторы. От них она вряд ли могла получить импульс для быстрого, гибкого управления операциями; скорее она могла позаимствовать опыт ведения позиционной войны, который приобрел господствующее положение в умах французских военачальников со времен Первой мировой войны.

Таким образом, можно предполагать, что в основе плана развертывания польской армии, кроме желания «ничего не отдавать», вообще не было никакой ясной оперативной идеи. Существовал лишь компромисс между необходимостью обороняться от превосходящих сил противника и прежними заносчивыми планами наступления. При этом польские генералы одновременно находились в заблуждении, считая, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и что военные действия быстро примут застывшие формы

⁴³ На сентябрь 1939 г. население Польши составляло 35,1 млн человек (это оценка, последняя перепись 31 декабря 1938 г. дала результат 34 849 000 человек). Это население по национальному составу делилось следующим образом: поляки – 23,4 млн, белорусы и украинцы – 7,1 млн, евреи – 3,3 млн, немцы – 0,7 млн, чехи – 0,12 млн, литовцы – 0,1 млн, прочие – 0,08 млн. – *Прим. науч. ред.*

позиционной войны. Интересным в этой связи является секретное сообщение, которое мы получили незадолго до начала войны, о том, что поляки якобы собираются предпринять наступление. Оно поступило из источника, который считался до тех пор весьма надежным, от лица, находившегося в непосредственном окружении президента Польши [Игнация Мосцицкого] и главнокомандующего польской армией маршала [Эдвард] Рызд-Смиглы. В сообщении говорилось, что поляки собираются начать наступление, развернув крупные силы в Познанском воеводстве. Самым примечательным, однако, было то, что эти планы, как сообщалось, якобы были разработаны по предложению или требованию Великобритании! В сложившейся тогда обстановке это известие показалось нам весьма неправдоподобным. Правда, позднее мы получили подтверждение, что поляки действительно сосредоточили сравнительно крупные силы в Познанском воеводстве, хотя удар немецкой армии на Познань был бы для них наименее опасным. Армии «Познань» суждено было закончить свое существование в сражении на берегах реки Бзуры.

С другой стороны, у Польши не было недостатка в трезво мыслящих советниках. Как пишет полковник Герман Шнейдер в журнале *Militärwissenschaftliche Rundschau* от 1942 г., французский генерал Вейган предложил перенести оборону за линию Неман – Бобр – Нарев – Висла – Сан. Это предложение с оперативной точки зрения было единственно правильным, т. к. исключало возможность охвата со стороны Германии и одновременно обеспечивало значительно лучшие возможности для обороны на речных рубежах от немецких танковых соединений. К тому же эта линия простиралась только на 600 км в противоположность большой дуге в 1800 км, которую образовывала польская граница от Сувалок до Карпатских перевалов. Но принятие этого предложения означало бы отказ от всей Западной Польши, где располагались наиболее богатые промышленные и сельскохозяйственные районы страны. Вряд ли можно предположить, чтобы какое-либо польское правительство устояло бы после принятия подобного решения. Кроме того, отход на столь значительное расстояние, очевидно, не мог бы способствовать принятию французами решения о наступлении на Западе, и неясно, не вызвала ли бы отдача всей Западной Польши немцам желания у Советского Союза немедленно закрепить за собой территории в Восточной Польше.

Вследствие этого, как сообщает полковник Шнейдер, директор польской Военной академии генерал Кутжеба в меморандуме, который он направил в начале 1938 г. маршалу Рызд-Смиглы, нашел другое решение⁴⁴. Он настаивал на том, что нельзя отдавать «основное стратегическое ядро Польши», к которому он относил как промышленные районы – Лодзь и Верхнюю Силезию, так и важные сельскохозяйственные районы – Познань, Кутно и Кельце. Поэтому он предложил план развертывания, который в основных чертах совпадал с планом, осуществленным в 1939 г., хотя и предусматривал отказ от защиты Польского коридора и земель Познанского воеводства западнее Варты. Для укрепления обороны Польши предусматривалось построить большое количество укреплений, причем как южнее границы с Восточной Пруссией, так и на большой дуге от Грауденца⁴⁵ до Познани, а также на силезской границе от Острова⁴⁶ через Ченстохову до района Тешина⁴⁷. Но в то же время одновременно предполагалось оставить «ворота для наступления», через которые в дальнейшем

⁴⁴ На тот момент Кутжеба занимал пост генерала для поручений при генеральном инспекторе Войска Польского. Представленный им в январе 1938 г. документ был озаглавлен «Проект стратегического плана на случай войны с Германией». – *Прим. науч. ред.*

⁴⁵ Грауденц вошел в состав Польши уже после Первой мировой войны и моменту описываемых событий уже носил название Грудзёнз. Ныне это окружной город Куявско-Поморского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

⁴⁶ Острово также вошло в Польшу после Первой мировой войны и стало именоваться (как и ныне) Острав-Велькопольский.

⁴⁷ В июле 1920 г. на международной конференции в Спа было принято решение о разделе Тешинской Силезии между Польшей и Чехословакией. Отошедшая Чехословакии часть города на левом берегу реки Олше стала называться Чески-Тешин, а польская на правом – Цешин.

намечалось нанести удар по Восточной и Западной Пруссии, а также Силезии. То, что строительство достаточно мощных укреплений в таком большом масштабе выходило за рамки возможностей, которыми располагала Польша, было совершенно очевидно. Впрочем, генерал Кутжеба признавал, что в военной области Польша уступает Германии. Что же касается помощи со стороны Франции, то он трезво подходил к этому вопросу, считая, что Польша в течение первых 6–8 недель, даже в случае получения от Франции военной помощи в полном объеме, будет предоставлена сама себе. Поэтому он предусмотрел «стратегическую оборону» по переднему краю упомянутого выше «ядра», внутри которого должны быть сосредоточены резервы для последующих решающих операций.

Как уже было сказано, развертывание войск, осуществленное Польшей в 1939 г., во многом совпадало с предложением генерала. Правда, последний предлагал сосредоточить главные усилия в районе Торн – Бромберг – Гнезен⁴⁸, в то время как в 1939 г. скорее можно было говорить о двух основных районах развертывания: одном – вдоль границы с Восточной Пруссией, другом – против Силезии.

Развертывание польской армии в 1939 г., имевшее целью «прикрыть все», включая район Польского коридора и выступающие за Запад земли Познанского воеводства, при учете всех выше перечисленных возможностей охвата со стороны Германии и ее превосходства в военной силе, могло привести лишь к поражению. Как же вообще должна была действовать Польша, чтобы избежать его?

В первую очередь необходимо было принять решение, отдать ли только упомянутое генералом Кутжебой «стратегическое ядро» или, вследствие охвата из Восточной Пруссии, Силезии и Словакии, вместе с ним и всю польскую армию? Эта был тот же самый вопрос, который я в 1943–1944 гг. неоднократно ставил перед Гитлером, когда он требовал от меня удержать район Донца, Днепровскую дугу и т. д.

Ответ, который должен был бы дан, по моему мнению, был очевидным. Командование Войска Польской должно было в первую очередь стремиться к тому, чтобы при любых обстоятельствах сохранить боеспособную армию до тех пор, пока наступление Западных держав не вынудит Германию начать переброску своих главных сил с Польского театра военных действий. Даже если с первого взгляда могло показаться, что с потерей промышленных районов исключается сама возможность дальнейшего ведения войны, следовало бы учесть, что сохранение польской полевой армии создавало в будущем возможность их возвращения. Но ни при каких обстоятельствах нельзя было допустить, чтобы польская армия была окружена западнее Вислы или по обе стороны от нее.

Единственный выход для Польши заключался в том, чтобы выиграть время. Жесткая оборона могла быть организована, безусловно, только за линией Бобр – Нарев – Висла – Сан, причем на южном фланге возможно было выдвинуть оборонительные позиции до Дунайца, чтобы сохранить центральный промышленный район Польши между Вислой и Саном.

Прежде всего, было необходимо предотвратить охват войсками, наступавшими из Восточной Пруссии и Западной Словакии. Для этого следовало занять на севере линию Бобр – Нарев – Висла до крепости Модлин или Вышеграда. Она представляла собой сильную естественную преграду. Кроме того, бывшие русские укрепления, хотя они и устарели, представляли собой хорошие опорные пункты⁴⁹. К тому же из Восточной Пруссии, если оттуда вообще можно было ожидать серьезного удара, могли наступать только сравнительно небольшие по численности немецкие танковые соединения.

⁴⁸ Немецкие названия польских городов Торунь, Быдгощ и Гнезно. – *Прим. науч. ред.*

⁴⁹ В первую очередь Манштейн имеет в виду мощные укрепления Новогеоргиевской (Модлинской) крепости. – *Прим. науч. ред.*

На юге важно было предотвратить глубокий охват путем организации обороны Карпатских перевалов. Обе эти задачи, тем не менее, можно было решить относительно небольшими силами. Развертывание польской армии перед линией Бобр – Нарев было такой же ошибкой, как и то, что крупные силы были выдвинуты в Польский коридор и выступающее на запад Познанское воеводство.

Если бы согласно описанному выше плану северный и южный фланги польского фронта были бы полностью защищены от глубокого охвата со стороны немцев, то в Западной Польше можно было бы вести преимущественно маневренную войну. При этом надо было также отдавать себе отчет в том, что главный удар германской армии следовало ожидать со стороны Силезии. К этой мысли можно было прийти, во-первых, потому, что железнодорожная и шоссейная сеть позволяла быстрее сосредоточить крупные силы именно здесь, а не в Померании или, тем более, в Восточной Пруссии. Во-вторых, потому что направление удара на Варшаву было с оперативной точки зрения наименее выгодным, т. к. здесь необходимо было наносить фронтальный удар, и в связи с этим представлялось наименее реальным.

Главные силы польской армии не должны были, как это произошло в 1939 г., сосредотачиваться вблизи границы. Их сосредоточение должно было происходить на таком удалении от нее, чтобы можно было своевременно отреагировать после того как выяснится направление главного удара германской армии. При этом было важно ограничиться в Польском коридоре и Познанском воеводстве по возможности меньшими силами, чтобы сосредоточить главные силы на Силезском направлении, откуда ожидался главный удар, а также – и прежде всего – для того чтобы создать сильный оперативный резерв. Если бы в польском руководстве слишком долго не лелеяли бы планов нападения на Германию, то модернизированные бывшие немецкие укрепления вдоль Вислы, на рубеже Грауденц – Торн, по крайней мере, задержали бы соединение немецких сил, наступающих из Померании и Восточной Пруссии; в результате укрепления Познанского района также была бы ограничена свобода маневра немецких войск в этом регионе.

Необходимо также отметить, что план нанесения контрударов на севере или юге Западной Польши в зависимости от создавшейся обстановки, с использованием внутренних коммуникаций, был практически неосуществим. Для таких операций имевшаяся в распоряжении армии территория была слишком небольшой, а железнодорожная сеть Польши не обладала достаточной пропускной способностью. К тому же необходимо было считаться с тем, что передвижение больших масс войск очень скоро могло бы быть сорвано налетами люфтваффе и ударами немецких танковых соединений. Таким образом, не оставалось ничего иного, как с самого начала перенести оборонительные позиции за линию Бобр – Нарев – Висла – Сан, а возможно и за Дунаец, и вести перед ней бои лишь с целью выигрыша времени, причем главные силы должны были сосредоточиваться с самого начала против Силезии, а северный и южный фланги одновременно должны были быть обеспечены от охвата, о котором шла речь выше.

Конечно, никто не может утверждать, что таким в случае принятия этого плана Польша в конце концов могла бы избежать поражения, если – как это имело место – западные державы оставили бы ее в полном одиночестве. Но во всяком случае описанный выше план не дал бы нанести поражение польской армии в пограничной зоне. Это привело к тому, что польское командование не смогло обеспечить ни организованного сопротивления на Висленской дуге, ни отхода армии за рубеж упомянутых выше рек для организации стабильной обороны.

Польша могла, как мы уже говорили, с самого начала вести бои только за выигрыш времени. Противостоять немецкому наступлению – лучше всего за указанным рубежом рек – до тех пор, пока наступление на Западе не вынудит немцев вывести свои войска из Польши, – вот единственная цель, которой необходимо было добиваться. Отсюда, однако, также выте-

кает, что командование польской армией должно было совершенно ясно заявить руководителям государства, что без твердого обещания западных держав немедленно после начала войны начать всеми имеющимися силами наступление на Западе, нельзя было вступать в войну с Германией. При том решающем влиянии, которое оказывал тогда главнокомандующий Войском Польским маршал Рыдз-Смиглы на политику правительства, оно ни в коем случае не могло пройти мимо подобного предостережения. Оно должно было своевременно вмешаться в ход решения вопроса о Данциге и Польском коридоре хотя бы для того, чтобы оттянуть начало войны с Германией.

Наши войска в 1940 г. захватили во Франции письмо, с которым генерал Гамелен, главнокомандующий войсками союзников на Западе, 10 сентября 1939 г. обратился к польскому военному атташе в Париже. Письмо представляет собой, очевидно, ответ на польский запрос, когда же будет оказана эффективная помощь Польше. Генерал Гамелен писал по этому поводу для передачи маршалу Рыдз-Смиглы: «Более половины наших кадровых дивизий на северо-востоке принимают участие в боях. С момента перехода границы немцы оказывают нам упорное сопротивление. Тем не менее, мы продвинулись вперед. Однако мы ведем позиционную войну с противником, подготовившимся к обороне, а я не имею еще всей необходимой артиллерии... С начала кампании начались действия авиации во взаимодействии с операциями наземных сил. У нас сложилось впечатление, что против нас действует значительная часть немецкой авиации. Поэтому я считаю, что досрочно выполнил свое обещание начать главными силами наступление на 15-й день объявления мобилизации во Франции. Больше я сделать не мог».

Из этого можно сделать вывод, что Польша действительно имела на руках гарантии со стороны Франции. Вопрос состоял только в том, могло ли командование польской армии удовлетвориться обещанием «начать наступление» главными силами только на 15-й день мобилизации. События, во всяком случае, показали, что подобное обещание отнюдь не обеспечивало Польше гарантию быстрой и эффективной помощи.

Поражение Польши было неизбежным следствием иллюзий, которые питали в Варшаве относительно действий союзников, а также переоценки собственных сил с точки зрения возможности оказания длительного сопротивления.

Глава 3

Операции группы армий «Юг»

Штаб группы армий в Нейссе. – Первые часы. – Обстановка перед началом боевых действий. – Наши оперативные замыслы: заставить противника принять сражение еще перед Вислой и помешать ему организовать оборону на восточном берегу. – 74-я армия наносит удар через Галицию и форсирует реку Сан. – Прорыв 10-й армии к Висле и первое сражение с попавшим в окружение противником у Радома. – Оригинальные гости. – Кризис в зоне действий 8-й армии. – Сражение на Бзуре. – Штаб группы армий принимает меры. – Противник уничтожен. – Воспоминания о Первой мировой войне. – Занятие Варшавы. – Политические маневры вокруг демаркационной линии с СССР ведут к продолжению боев. – Памяти погибших. – Тайна немецкой «молниеносной победы». – Командующий на Востоке. – Начальник гражданской администрации в Польше. – Парад в Варшаве. – Заключение

В штабе группы армии

Когда на рассвете 1 сентября 1939 г. наши войска перешли польскую границу, мы в штабе группы армий, естественно, находились на своих рабочих местах в монастыре Святого Креста в Нейссе. Монастырь, в котором ранее была школа для католических миссионеров, был расположен за пределами города и благодаря своей удаленности от населенных пунктов, а также просторным и простым по убранству помещениям для занятий и келий, представлял собой чрезвычайно удобное и практичное здание для высшего штаба в военное время. Спартакское существование его обычных обитателей, которые уступили нам часть своих построек, соответствующим образом окрашивало и нашу жизнь, к тому же наш комендант, хотя он и служил раньше в мюнхенской пивной «Лёвенбройкеллер»⁵⁰, не проявлял стремления баловать нас. Естественно, что мы, как все солдаты, получали армейское снабжение. По поводу солдатского супа, варившегося в полевой кухне, ничего плохого сказать было нельзя. Но в том, что мы изо дня в день на ужин получали только солдатский хлеб и жесткую копченую колбасу, жевать которую офицерам старшего возраста было довольно трудно, не было, наверно, столь уж большой необходимости. К счастью, монахи иногда добавляли нам из своего огорода немного салата или овощей. Настоятель же время от времени заходил в гости к командующему и его ближайшим помощникам и очень увлекательно рассказывал о самоотверженном труде миссионеров в далеких краях. Этим рассказам мы были вдвойне рады, т. к. они помогали нам хотя бы на короткое время отвлечься от не дающих нам покоя вопросов, связанных с выполнением наших задач.

Ранним утром 1 сентября наши беседы, естественно, закончились. Теперь все наше время было отдано войне. То, что мы в это утро с самого раннего часа заняли свои рабочие места, было вызвано не требованиями боевой обстановки, а исключительно желанием находиться в полной готовности к тому моменту, когда наши войска войдут в боевое соприкосновение с противником. Мы, конечно, понимали, что пройдет не один час, пока мы получим какую-либо важную информацию из подчиненных нам армий. Эти часы помнят все, кто работал в высших штабах, часы, когда все идет своим чередом и можно лишь ждать, как будут развиваться события.

Любой фронтовик помнит то огромное напряжение перед началом наступления, когда на часах командира взвода стрелка секунда за секундой движется вперед, и, наконец, приходит снимающий все напряжение момент броска в атаку. С этого момента солдата или офи-

⁵⁰ «Лёвенбройкеллер» (Lowenbraukeller) – одна из самых известных, популярных и больших пивных Мюнхена, открывшаяся еще в 1883 г. Там подают одноименное пиво; пивная существует в наши дни. – *Прим. науч. ред.*

цера захватывают впечатления боя, заставляя забыть обо всем остальном. В штабах же – и чем он выше, тем больше – с этого момента начинается время напряженного ожидания. Запросы у подчиненных штабов: «Как обстоят дела?» – справедливо недолголюбиваются ими и могут лишь усилить нервозность. Поэтому лучше просто ждать. При этом все давно уже пришли к выводу, что поговорка «плохие вести на крыльях летят» не имеет никакого отношения к военным действиям. Если наступление приостанавливается, штабы обычно отмалчиваются либо ввиду повреждения линий связи, либо потому, что выжидают, пока обстановка изменится и можно будет передать более хорошие известия.

Таким образом, напряжение спадает только тогда, когда поступят первые донесения – независимо от того, плохие или хорошие. До тех пор наш девиз один – «Ждать!». Оправдают ли наши ожидания войска, на подготовку которых мы положили столько сил и труда, но, правда, лишь в очень промежуток времени? Оправдают ли в первую очередь крупные танковые соединения, организация и использование которых представляли собой нечто совершенно новое, надежды, возлагавшиеся на них их создателем, генералом Гудерианом⁵¹, и вместе с ним и всеми нами? Удастся ли немецкому командованию и в особенности командованию группы армий осуществить намеченный оперативный план и добиться полной победы – уничтожить противника еще до выхода на рубеж Вислы и тем самым предотвратить грозящую нам опасность одновременного ведения войны на двух фронтах? Вот вопросы, волновавшие нас в те часы ожидания и неизвестности.

Обстановка перед началом боевых действий

Группа армий «Север» после установления связи между войсками, наносившими удары из Померании и Восточной Пруссии, вынудившими польские войска отступить из Польского коридора, в рамках намеченного ОКХ охватывающего маневра с территории Восточной Пруссии и Силезии, получала возможность осуществить охват фланга противника. Ее войска должны были форсировать Вислу и зайти в тыл главным силам польской армии, расположенным на большой Висленской дуге.

Группе армий «Юг» выпала задача действиями обеих наступающих из Силезии армий (8-я и 10-я) вынудить противника принять бой еще на Висленской дуге и предупредить его отход за линию Висла – Сан. Для этого мы предприняли попытку нанести удар собранными в кулак танковыми соединениями 10-й армии, за которыми с возможной быстротой должны были следовать пехотные дивизии. Они должны были опрокинуть противника, по-видимому сосредоточивающегося вблизи границы, и, опередив его, захватить переправы через Вислу от Демблина до Варшавы. Далее, было крайне важно, чтобы наступающая через Галицию 14-я армия как можно скорее вышла на р. Сан и форсировала ее. Если бы противник намеревался оказать главное сопротивление только за рр. Сан и Висла, то 14-я армия могла бы взломать всю оборону противника по рубежам этих рек ударом с юга и соединиться глубоко в тылу противника с восточным флангом наступающей с севера группы армий «Север». На долю 14-й армии при этом выпала задача создать своим глубоко эшелонированным флангом, выдвинутым в Восточную Словакию, угрозу глубокому флангу польских войск, сосредоточивающихся в районе Кракова, и тем самым исключить возможность длительной обороны Западной Галиции.

Штаб группы армий «Юг» руководил операциями в Польше, в духе этого оперативного замысла. Он все время стремился навязать главным силам польской армии сражение еще до выхода на Вислу и разгромить их. Одновременно, однако, штаб учитывал возможность

⁵¹ На самом деле «отцом танковых войск» Германии считается непосредственный начальник Гудериана в середине 1930-х гг. – генерал Освальд Лутц. – *Прим. науч. ред.*

упреждения противника в случае, если он попытается оказать главное сопротивление только за линией Сан – Висла.

Вместо последовательного описания операций, как ни кажется важным подобное изложение событий этой «молниеносной войны», я хотел бы ограничиться характеристикой в общих чертах ее наиболее значительных моментов. Некоторые из этих событий происходили в одно и то же время, другие – последовательно. Общая картина была такова:

- тяжелые пограничные бои и вслед за ними стремительное преследование разбитого противника силами 14-й армии в Галиции, выход армии к Лембергу⁵² и за рубеж реки Сан;
- прорыв 10-й армии к Висле и сражение с попавшим в окружение противником у Радома;

- битва на Бзуре, во время которой силами 8-й и 10-й армий под непосредственным руководством штаба группы армий была разгромлена наиболее крупная группировка противника;

- наступление на Варшаву и, наконец, заключительные бои, явившиеся следствием затягивания переговоров о заключении соглашения между политическими руководителями Германии и СССР, войска которого, между тем, 17 сентября 1939 г. перешли польскую границу и вступили в Восточную Польшу.

Наступление 14-й армии

Ближайшей задачей 14-й армии было окружение крупной польской группировки, развернутой, по нашим сведениям, в Западной Галиции, в районе Кракова. Глубокий охват противника был уже начат силами этой армии, наступавшими из Верхней Силезии через район Мэриш-Острау⁵³ в направлении на Карпаты.

В то время как VIII армейский корпус (командир – генерал [Эрнст] Буш; 8-я, 28-я пехотные и 5-я танковая дивизии) должен был в качестве ближайшей задачи прорвать сильные укрепленные позиции поляков в восточной части Верхней Силезии с тем, чтобы в дальнейшем нанести удар севернее Вислы на Варшаву, XVII армейский корпус (командир – генерал [Вернер] Киниц; 7-я и 44-я пехотные дивизии) наносил удар из Моравии южнее Вислы на Краков.

Задачей двух других корпусов – XXII танкового корпуса (командир – генерал фон Клейст; 2-я танковая и 4-я легкая дивизии), наносившего удар из пересекающей Западные Карпаты долины Оравы с юга на Краков, и XVIII горнострелкового корпуса (командир – генерал Бейер; 2-я и 3-я горнострелковые дивизии), наносившего удар восточнее Высоких Татр через долину Попрада и Ной-Сандец⁵⁴ на Бохню (западнее Та рнува), с целью прорыва и выхода в тыл противнику у Кракова, – был выход во фланг и тыл противнику, который, как предполагалось, сосредотачивался в районе Кракова.

Далее, на восток, через Дукельский перевал, известный еще по ожесточенным боям еще Первой мировой войны, должны были наносить удар словацкие войска, которые ОКХ разрешило использовать в качестве вспомогательных войск. Богатая своими традициями 1-я (баварская) горнострелковая и две резервные дивизии также должны были принять участие в боевых действиях на этом фланге во втором эшелоне.

⁵² Немецкое название города Львов (украинский Львлив, польский Львув); после Первой мировой войны Львов вошел в состав Польши, где и оставался в сентябре 1939 г., когда был занят советскими войсками и передан в состав Украинской ССР. Ныне – областной центр Украины. – *Прим. науч. ред.*

⁵³ Мэриш-Острау (Моравски Острау) – немецкое название чешского города Острава, расположенного на границе с Польшей. – *Прим. науч. ред.*

⁵⁴ Немецкое название города Новы-Сонч в Галиции, ныне Малопольского воеводства. До 1918 г. он находился в составе Австро-Венгрии. – *Прим. науч. ред.*

Первые бои 14-й армии, в частности те, что вел VIII (силезский) армейский корпус за польские пограничные укрепления, сложились для нас довольно тяжело. Но в основном судьба этого пограничного сражения была решена в оперативном отношении охватывающим маневром со стороны Карпат, хотя в подлинном смысле этого слова намеченное окружение группировки противника в районе Кракова не удалось осуществить, т. к. польские войска, осознав грозящую им опасность, оставили Западную Галицию. Но все же главные силы противника были разгромлены уже в этих первых боях, а главным образом – в ходе осуществлявшегося после этих боев стремительного преследования, во время которого XXII танковому корпусу удалось перерезать полякам пути к отступлению. Таким образом, правый фланг армии – [XVIII] горнострелковый и XVII армейский корпуса – продвинулся до окрестностей Лемберга и крепости Прёмзель⁵⁵, которые были взяты нашими войсками⁵⁶. В этих боях были уничтожены отступившие в Восточную Галицию польские войска и находившиеся там резервы, за исключением тех частей, что бежали в Румынию. Войска левого фланга армии – [XXII] танковый, VIII армейский корпуса, а также приданный ей штабом группы армий VII армейский корпус – форсировали Сан выше места его впадения в Вислу. В боях против храбро оборонявшегося противника, носивших на некоторых участках ожесточенный характер, были разбиты также остатки частей противника, подходившие частично из Варшавы, частично – из района действий группы армий «Север». В глубоком тылу Висленского фронта восточный фланг группы армий «Север» соединился с войсками нашей группы армий.

15 сентября с занятием Лемберга и Перемышля преследование было в основном завершено, хотя в этом районе, также восточнее Сана, еще продолжалась операция по уничтожению оставшихся здесь польских частей.

Прорыв 10-й армии к Висле и ликвидация Радомского котла

Если в основу задачи 14-й армии наряду с уничтожением польской группировки в Западной Галиции был положен замысел параллельного преследования противника, с целью предотвращения любой попытки поляков остановиться для организации обороны за Вислой, то задачей обеих армий, наступавших из Силезии, было навязать противнику генеральное сражение еще до выхода к Висле. При этом более сильной 10-й армии, имевшей в своем составе также танковые соединения, была поставлена первоочередная задача – прорвать оборону фронт и выйти к Висле, в то время как более слабая 8-я армия должна была прикрыть северный фланг войск, участвовавших в этой операции, от ударов группировки противника, расположенной, по нашим данным, в районе Калиш – Лодзь и в Познанском воеводстве.

10-я армия была развернута в Верхней Силезии; ее левый фланг наносил удар из района Кройцбурга. В первом эшелоне армии было развернуто четыре корпуса (с правого фланга): XV моторизованный (командир – генерал [Герман] Гот; 2-я и 3-я легкие дивизии), IV армейский (командир – генерал [Виктор] фон Шведлер; 4-я и 46-я пехотные дивизии), XVI танковый (командир – генерал [Эрих] Гёпнер; 1-я и 4-я танковые, 14-я и 31-я пехотные дивизии) и XI армейский (командир – генерал [Эмиль] Лееб; 18-я и 19-я пехотные дивизии). Во втором эшелоне следовал XIV моторизованный корпус (командир – генерал [Густав Антон]

⁵⁵ Немецкое название австро-венгерских, а с 1918 г. – польских крепости и городе Пшемысла (русский вариант – Перемышль); ныне в составе Подкарпатского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

⁵⁶ Манштейн не совсем точен: В ночь на 20 сентября восточную часть города заняли части 6-й советской армии. В 8.30 немецкие войска (137-й горно-егерский полк) неожиданно начали атаку на запад и юг города, и вступили в огневой контакт с советскими частями. 20 сентября немецкое командование отвело войска от города, и в ночь на 21 сентября советские войска сменили немецкие. Советско-польское соглашение «о передаче города Львова войскам Советского Союза» было подписано в 11.00 22 сентября. – *Прим. науч. ред.*

фон Витерсгейм; 13-я и 29-я мотопехотные дивизии). За позициями армии разворачивался составлявший резерв группы армий VII армейский корпус (командир – генерал [Ойген Риттер] фон Шоберт; 27-я и 68-я пехотные дивизии), а также 62-я пехотная дивизия.

Перед 8-й армией была поставлена задача в глубоко эшелонированном построении нанести удар на Лодзь. В ее состав входили два корпуса: XIII (командир – генерал [барон Максимилиан] фон Вейхс; 10-я и 17-я пехотные дивизии, «Лейбштандарт») и X (командир – генерал [Вильгельм] Улекс; 24-я и 30-я пехотные дивизии) армейские. Во втором эшелоне этой армии в качестве резерва группы армий находились две пехотные дивизии (213-я и 221-я).

Вскоре, после того как немецкие войска на рассвете 1 сентября 1939 г. перешли границу, завязались ожесточенные бои, в ходе которых противник был сбит с занимаемых им позиций. Однако попытается ли он дать генеральное сражение по эту сторону Вислы, или же он ставит перед собой цель выиграть время и будет стремиться отвести свои войска за Вислу, оставалась для нас в ближайшие дни большой загадкой. Пока, во всяком случае, выяснилось, что сильные группировки противника сосредоточены в гористой местности у Лыса-Туры, в районе Кельцы, Радома и Лодзи.

Решающее значение для боевых действий первой недели войны имели, по-видимому, два фактора, которые впервые проявились в этой кампании. Первым был прорыв фронта противника наносимыми глубоким удар в тыл танковыми соединениями; следовавшим за ними пехотным дивизиям приходилось напрягать все свои силы, чтобы не слишком оторваться от них.

Другой фактор состоял в том, что вражеская авиация в результате успешных действий люфтваффе была почти полностью нейтрализована, что относилось также и к управлению, связи и средствам сообщения. Таким образом, противнику так и не удалось обеспечить централизованное управление операциями.

Штаб нашей группы армий, исходя из имевшихся данных о противнике, поставил перед 10-й армией две задачи. Правофланговая группа, в которую входили XV моторизованный и XIV армейский корпуса, а также VII армейский корпус, приданный ей из резерва группой армий (позже он был переподчинен 14-й армии), должна была нанести удар по группировке противника, сосредоточивающейся в районе Радома, и разбить ее. Левофланговая группа (XVI танковый, XIV моторизованный, XI армейский корпуса) должна была попытаться преградить польской армии «Лодзь» пути отхода к Варшаве, в то время как 8-я армия должна была нанести удар по этой группировке с запада.

В ходе выполнения этой задачи 10-й армии вначале удалось навязать противнику сражение в районе Радома в лесистой местности Лыса-Гура, в то время как XV моторизованный корпус вклинился между этой группировкой и переправами через Вислу у Опатува и Демблина, а действовавший в составе северной группировки XIV моторизованный корпус, совершив маневр, преградил противнику также и путь на Варшаву. 9 сентября был закрыт первый «котел» в истории этой войны. Правда, в районе Кельцы – Радом бои продолжались еще до 12 сентября, т. к. противник не только оказывал упорное сопротивление, но и непрерывно пытался разорвать сомкнувшееся вокруг него кольцо. Однако в судьбе этой группировки уже ничего нельзя было изменить. Когда сражение закончилось, в наших руках оказались 60 000 пленных и 130 орудий. В ходе этих боев были разгромлены семь дивизий противника. Даже если бы польским войскам и удалось бы спастись, отойдя за Вислу, они не избежали бы этой судьбы, ибо в тот день, когда завершилось сражение под Радомом, 1-я горнострелковая дивизия 14-й армии уже находилась под Лембергом, а левый фланг этой армии уже давно форсировал Сан в его нижнем течении и тем самым был в состоянии взломать оборону противника, которую последний собирался, очевидно, организовать на берегах Вислы.

Между тем левофланговая группировка 10-й армии (XVI танковый корпус) в результате боев вышла к переправе через Вислу у Гура-Кальварии, южнее Варшавы, а танковая дивизия, действовавшая в ее составе, вела бои на юго-западной окраине Варшавы. Для захвата этого крупного, хорошо укрепленного и подготовившегося к обороне города, этих сил, однако, было явно недостаточно. Танковую дивизию пришлось вывести из города. Во всяком случае, в результате этого противнику были отрезаны пути к Варшаве с запада.

Гости в штабе группы армий

В то время как наши армии двигались к Сану и Висле, штаб группы армий был переведен в Люблиниц⁵⁷, бывший гарнизонный город немецких улан⁵⁸, не пользовавшийся в старой армии особой известностью. На этот раз мы разместились в доме приюта для глухонемых. Никаких параллелей здесь нет и быть не может – не было случая, чтобы мы когда-либо притворялись глухонемыми. Наоборот, мы внимательно прислушивались ко всем сообщениям, поступавшим с фронта, и, с другой стороны, не останавливались перед тем, чтобы совершенно четко проинформировать о нашей точке зрения вышестоящие инстанции. Последнее совсем не означает, что в Польскую кампанию мы по основным вопросам не были согласны с ОКХ. Несмотря на это, иногда имело место расхождение во взглядах. Однако генерал-полковник фон Рундштедт не допускал какого-либо вмешательства в руководство группой армий.

При строительстве здания приюта для глухонемых, как можно себе представить, не особенно заботились о звукоизоляции. Вследствие этого голос нашего начальника разведывательного отдела, которого никакими уговорами не удавалось заставить говорить тише, был слышен практически везде. Об обстановке на фронте, таким образом, на всей территории штаба знали досконально. Тем большее впечатление произвело то умение, с которым он обошелся с оригинальными гостями, прибывшими к нам в Люблиниц. В один прекрасный день у нас появилась в сопровождении свиты кинооператоров известная киноактриса и режиссер [Лени Рифеншталь], заявившая, что она «движется по стопам фюрера». Она сообщила, что по заданию Гитлера приехала на фронт снимать фильм. Такая деятельность, да еще под руководством женщины, была нам, солдатам, откровенно говоря, крайне неприятной. Однако речь шла о задании Гитлера.

Впрочем, она выглядела очень милой и мужественной женщиной, примерно, как элегантная партизанка, заказывающая себе костюм на рю де Риволи⁵⁹ в Париже. Ее прекрасные, подобные львиной гриве волосы, ниспадавшие волнами, обрамляли интересное лицо с близко посаженными глазами. На ней было нечто вроде туники, бриджи и высокие мягкие сапоги. На кожаном ремне, перепоясывавшем ее стан выше бедер, висела кобура с пистолетом. Ее личное оружие дополнялось ножом, заткнутым на баварский манер за голенщик сапога. Штаб, как я должен признаться, был несколько ошеломлен появлением столь необычной личности. Поэтому я вначале направил ее к генерал-полковнику фон Рундштедту, чтобы она могла сообщить ему о своем задании. Он, как подобает галантному кавалеру, принял ее очень любезно, но вскоре направил обратно ко мне. Мне не оставалось ничего иного, как «передать ее по команде». Таким образом, она очутилась у нашего начальника разведки (обладавшего на редкость грубым голосом), в функции которого входили также и все вопросы, связанные с пропагандой.

⁵⁷ Немецкое название [*Lublinitz*] польского города Люблинец, ныне центр повята Шлёнского воеводства. – *Прим. науч. ред.*

⁵⁸ На самом деле перед Первой мировой войной в Люблинице находились казармы не улан, а 11-й конно-егерский полк (*Jäger-zu-Pferd-Regiment Nr.11*). – *Прим. науч. ред.*

⁵⁹ Рю де Риволи проходит вдоль задней части Лувра, и в ее первая часть традиционно располагаются роскошные магазины и ателье.

Этот офицер – чудесный, брызжущий юмором баварец – не пошел по моим стопам (я пытался отсоветовать даме совершить поездку по фронту). Он отнесся к делу, не обращая внимания на пышный костюм актрисы, чисто по-служебному, сухо и трезво. Он принял даму чрезвычайно корректно, выслушал ее дело, проверил документы, принадлежавшие ей и ее спутникам, затем поднял телефонную трубку и вызвал офицера-медика. Положив трубку на рычаг, он деловым тоном сказал: «Вам сначала нужно сделать прививку. Я вызвал врача. Пожалуйста, раздевайтесь!» В пользу нашей гостьи говорит то, что она не вскипела, а только засмеялась и отказалась подвергаться прививке. Лишь ее киноспутники должны были подвергнуться этой процедуре, вернее говоря, только оператор. Он подошел, щеголяя своим коричневым загаром, врач поднес шприц, и несчастный на глазах у злорадствующих зрителей тут же упал в обморок.

Начальнику разведки пришла в голову блестящая идея направить эту экспедицию к генералу фон Рейхенау, который хорошо знал эту даму и казался нам вполне подходящей кандидатурой. Она направилась с сопровождающими ее лицами в штаб 10-й армии в Конске. Вскоре, однако, она оттуда возвратилась. Еще и раньше. При занятии Конски несколько раз происходила перестрелка, в которой приняли участие и гражданские лица. Вследствие неоправданных действий офицера-зенитчика, на рыночной площади, где собралось много народа, возникла ничем не оправданная паника, была открыта бессмысленная стрельба, приведшая к многочисленным жертвам⁶⁰. Киногруппа стала свидетельницей этой достойной сожаления сцены, и наша гостья, потрясенная случившимся, решила вернуться. Что касается офицера, виновного в этом инциденте, то генерал фон Рейхенау немедленно отдал его под суд военного трибунала, который признал его виновным в непреднамеренном убийстве и приговорил к лишению воинского звания и нескольким годам тюремного заключения⁶¹. Этот пример свидетельствует о том, что со стороны командных инстанций в подобных случаях немедленно принимались строгие меры. К сожалению, позже – в начале русской кампании – эти меры привели к тому, что Гитлер лишил военные трибуналы права разбирать дела, связанные с насилием над гражданским населением.

Битва на Бзуре

В то время как в районе Радома еще продолжались бои, хотя и здесь уже наметилось победоносное завершение сражения, основное внимание штаба группы армий было теперь направлено на северный фланг, где противник активизировал свои действия.

В первые девять дней кампании все операции протекали полностью в соответствии с планом и нашими желаниями и могло показаться, что вряд ли что-либо может серьезно нарушить или изменить разработанный перед войной план. Тем не менее, в эти дни у меня было неясное предчувствие, что на северном фланге группы армий что-то заваривается. Ведь было ясно, что противник сосредоточил в Познанском воеводстве крупные силы, которые пока еще не приняли участия в боевых действиях. Ввиду этого 8 и 9 сентября я неоднократно обращал внимание начальника штаба 8-й армии на то, что армия должна особо тщательно вести разведку на своем северном фланге. В результате наших запросов в ОКХ относительно местонахождения Познанской группировки, 9 сентября мы получили из ОКХ телеграмму о том, что противник быстрыми темпами отводит войска армии «Познань» на восток и что

⁶⁰ Увидев бегущую в панике толпу местных жителей (в основном евреев, напуганных слухами, что вот-вот состоится погром) ехавший мимо на автомобиле лейтенант резерва Бруно Клейнмишель открыл по ним огонь из пистолета. К нему присоединились находившиеся поблизости 40–50 солдат вермахта. В ходе этого инцидента погибли 22 местных жителя. Эти события произошли 12 сентября 1939 г. – *Прим. науч. ред.*

⁶¹ 14 сентября Рейхенау приказал предать лейтенанта суду военного трибунала 10-й армии. Судьи пришли к выводу, что в действиях офицера не было военной необходимости, и приговорили его за убийство гражданских лиц к 2 годам тюрьмы; солдаты и унтер-офицеры, принимавшие участие в инциденте, к ответственности не привлекались. – *Прим. науч. ред.*

поэтому не следует опасаться угрозы тылам фланга 8-й армии. Однако мы все же предполагали, что южнее Вислы, между Лодзью и Варшавой, в общей сложности находятся еще около 10 дивизий противника.

Следует вспомнить, что группа армий намечала силами 10-й армии преградить путь на Варшаву сосредоточенной, по нашим данным, в районе Лодзи крупной группировке противника (5–6 дивизий), в то время как 8-я армия одновременно должна была нанести удар по этой группировке с запада. При этом первоначальная задача этой армии, заключавшаяся в том, чтобы обеспечить весь ход операции на северном фланге глубоко эшелонированным построением, естественно, оставалась в силе.

По-видимому, однако, взгляды штаба 8-й армии были больше обращены на выполнение первой из поставленных задач, чем на защиту северного направления. Во всяком случае, утром 10 сентября из штаба армии поступило донесение о том, что входившая в ее состав 30-я дивизия неожиданно подверглась с севера нападению значительно превосходящих сил противника. Ситуация на этом участке фронта быстро приняла кризисный характер. Попытки армии восстановить положение с помощью контратаки не принесли успеха. Однако командование армии надеялось, что ему удастся остановить противника, – это были, безусловно, крупные силы, переброшенные в основном из Познанского воеводства, – и для этого приказало обоим своим корпусам занять оборону фронтом на север. Тем не менее, командование армии просило срочно перебросить в его распоряжение танковый корпус, чтобы не допустить прорыва противника в южном направлении на Лодзь, которая 9 сентября была занята без боя.

Штаб группы армий, однако, ни в коей мере не собирался восстанавливать положение 8-й армии путем подброски ей подкреплений. Пусть здесь даже и возник бы – возможно, даже тяжелый – локальный кризис, с оперативной точки зрения он не имел никакого значения. Наоборот, он давал нам в руки шанс превратить его в большую победу. Ведь теперь крупные силы противника были втянуты в бой западнее Вислы, и сражение могло закончиться только их поражением, если, конечно, немецкая сторона будет действовать правильно.

Итак, штаб группы армий отклонил просьбу командования 8-й армии передачи ей в качестве подкрепления танкового корпуса. Вместо этого начала осуществляться операция по окружению противника. С запада в это время как раз подходили обе дивизии, находившиеся в резерве группы армий и следовавшие за 8-й армией. Они были брошены против западного фланга противника, атаковавшего 8-ю армию с севера. Для этой же цели была выделена одна легкая дивизия, участвовавшая в подходившем к концу сражении у Радома. Главной же задачей, которую поставил перед собой штаб группы армий, было заставить противника перед фронтом 8-й армии вести бой с постоянно меняющимся фронтом. Для этой цели штаб группы армий отдал приказ штабу 10-й армии немедленно развернуть на запад стоящий под

Варшавой и южнее XVI танковый корпус, а также следующий за ним XI армейский корпус. Они получили задание вступить на восточном направлении в сражение, которое уже вели части 8-й армии. Сама же 8-я армия получила задачу отражать продолжающиеся атаки противника, а как только они начнут ослабевать, перейти в контрнаступление.

Впечатления, которые остались у генерал-полковника фон Рундштедта и у меня при посещении штаба 8-й армии в эти дни (в один из них здесь побывал также и Гитлер), вынудили штаб группы армий взять руководство этой операцией в свои руки. Действиями обоих наступающих с востока и юго-востока корпусов 10-й армии было поручено руководить лично генералу фон Рейхенау, в то время как за штабом 8-й армии оставалось руководство действиями двух его корпусов, сражавшихся фронтом на север, и охватом противника с запада. Наконец, для завершения окружения по просьбе командования группы армий из состава группы армий «Север», которая форсировала Вислу с севера в тылу противника, был

выделен также III армейский корпус. Когда в ходе сражения была выявлена попытка крупных сил противника отойти вдоль берега Вислы к крепости Модлин, штаб группы армий поставил перед XV моторизованным корпусом, действовавшим до того в районе Радома, задачу отрезать противнику и этот последний путь к отступлению.

После ожесточенных боев и попыток противника прорваться вначале на юг, затем на юго-восток и, наконец, на восток 18 сентября его сопротивление было окончательно сломлено. К 20 сентября 10-я армия захватила 80 000 пленных, 320 орудий, 130 самолетов и 40 танков. 8-я армия захватила 90 000 пленных и огромное количество военной техники. В этих боях было разгромлено 9 вражеских пехотных дивизий, 3 кавалерийские бригады и частично еще Юдивизий, следовательно, гораздо больше соединений, чем мы ожидали.

Сражение на Бзуре явилось самой большой самостоятельной операцией польской кампании, ее кульминационным, если не решающим моментом. С оперативной точки зрения этим решающим моментом был уже глубокий охват всей польской армии группой армий «Север» с севера и 14-й армией с юга. Продиктован ли был этот единственный крупный контрудар польской армии надеждой изменить ход сражения в Висленской дуге или он преследовал только одну цель – пробить находившимся южнее Варшавы польским войскам путь на Варшаву, – в судьбе польской армии он уже не мог ничего изменить.

Если сражение на Бзуре и не может сравниться по своим результатам со сражениями на уничтожение окруженного противника, проводившимися позже в России, оно является самым большим сражением подобного рода, имевшим место до этого. Это сражение не могло планироваться заранее как результат прорыва фронта противника силами крупных танковых соединений, оно возникло в результате нанесения контрударов, проводившихся с немецкой стороны в обстановке, которая вследствие действий противника неожиданно создала для нас большие возможности.

Воспоминания

Штаб группы армий для обеспечения общего руководства операциями 10-й и 8-й армий был переведен в Кельце. И для генерал-полковника фон Рундштедта, и меня места, где теперь разворачивались операции обеих армий, были знакомыми краями. Генерал-полковник во время Первой мировой войны был одно время офицером Генерального штаба при Варшавском генерал-губернаторстве и поэтому знал почти всю Польшу. Я же поздней осенью 1914 г. участвовал в качестве старшего адъютанта 2-го гвардейского резервного полка в наступлении из Верхней Силезии на Вислу, в тяжелых боях под Ивангородской крепостью (ныне Демблин) и в отступлении к границе Верхней Силезии. Населенные пункты, за которые вела бои 10-я армия, горы в районе Лыса-Гура и долины Вислы остались в моей памяти.

Когда мы теперь ехали из Люблинца в Кельце, мы проезжали через поле боя вблизи Котовице, где в ночь на 17 ноября 1914 г. я был тяжело ранен и спасен только благодаря помощи моих храбрых товарищей. Это был довольно-таки необычный случай. 1-я гвардейская резервная дивизия, в которую входил наш полк, действовавшая в составе корпуса [генерал-]фельдмаршала [Ремуса] фон Войрша, после отхода от берегов Вислы заняла оборону у границы Верхней Силезии. Мы ожидали наступления наседающих на нас, обладающих подавляющим превосходством сил противника. Перед фронтом только нашего полка были обнаружены части двух кавказских корпусов⁶².

В этой обстановке вечером 16 ноября 1914 г. неожиданно поступило известие о победе Макензена под Кутно. Одновременно были перехвачены русские радиogramмы, согласно которым противник, по-видимому, вследствие нанесенного удара намеревается начать отход

⁶² В этом районе в ноябре 1914 г. могли действовать только части одного III Кавказского армейского корпуса. – *Прим. науч. ред.*

и на нашем фронте. По приказу командира дивизии в каждом полку был создан отряд преследования силой до батальона с задачей еще в течение ночи начать преследование противника, якобы намеревающегося начать отход. Я попросил у моего командира разрешения принять участие в операции в должности адъютанта спешно сформированного батальона. Обладавший несколько ворчливым характером полковник фон Крамер очень неохотно дал свое согласие. К сожалению, обстоятельства сложились иначе, чем мы ожидали. Перехваченные радиogramмы оказались ложными. Русские совсем не думали об отходе. Поэтому наш батальон у Котовиц наткнулся на оборонительную позицию, которую мы, полагая, что имеем дело с арьергардом, попытались атаковать. Когда мы уже достигли вражеских окопов, командир батальона, всеми нами глубоко уважаемый майор фон Бассевиц, я и знаменосец с развернутым знаменем шли впереди – навстречу нам поднялись русские. Но не с поднятыми руками, а с криками «Ура!» и со штыками наперевес. В рукопашной схватке меня поразила пуля, и я упал. Мой противник упал на меня. Но прежде чем он успел прикончить меня, один из наших гвардейцев, спешивших на помощь, убил лежавшего на мне врага. Еще одна пуля попала мне в колено. В это время Бассевиц крикнул мне, что он тоже ранен. Два гвардейца подняли его и понесли назад, но всех троих по пути насмерть поразили пули! Знаменосец же со знаменем исчез! Как я узнал позже, он, будучи также тяжело раненным, вместе со знаменем свалился в русский окоп. Унтер-офицер фон Хахт, один из моих бывших рекрутов, спас потом знамя, достав его из окопа.

Я услышал об этом еще до того, как два товарища – я уже не в состоянии был двигаться – унесли меня. Когда я утром прибыл в штаб нашего полка, командир встретил меня ободряющими словами: «Вот что получилось из вашей затеи!» Когда теперь – 25 лет спустя – я увидел знакомое мне поле боя днем, эти воспоминания всплыли в моей памяти. Картина атакующего батальона, развевающегося знамя, яркие вспышки выстрелов, неприятный звук от рвущихся вблизи вражеских снарядов... Прежде всего, однако, я вспомнил о товарищах, которые, рискуя своей жизнью, помогли мне, о деснице того, кто защитил меня в тот час!

Еще один случай произошел со мной во время этой или какой-то другой поездки. При проезде через Ченстохову генерал-полковник фон Рундштедт и я посетили церковь, в которой установлена знаменитая «Черная Мадонна», по-видимому, самая почитаемая в Польше икона⁶³. Яркий свет бесчисленных свечей, их тонкий медовый аромат, роскошный, отделанный золотом алтарь, а перед ним коленапреклоненная, истово молящаяся толпа. Время от времени из полутьмы раздавался мистический крик молящегося, просящего о помощи! Здесь народ молился за победу, матери за своих сыновей, так же, как это делал и наш народ, и мы все!

В Кельце наш штаб разместился в бывшем дворце польского князя⁶⁴. Хотя он и долго служил в качестве здания администрации воеводства; освященный временем бюрократизм не смог уничтожить остатки былой роскоши. Толстые стены с глубокими оконными нишами, из которых открывался вид на город, раскинувшийся вокруг старинного дворца, красивые потолки, своды и каминные порталы говорили еще о тех временах, когда здесь царили блеск и роскошь.

В маленьком зале, который мы избрали для столовой оперативного отдела нашего штаба, в качестве символа новой Польши висел большой написанный масляными красками портрет, изображавший преемника Пилсудского, маршала Рыдз-Смиглы. В величественной позе, держа в руке серебряный маршальский жезл, которая венчала круглая голова, напоминающая средневековые булавы, маршал стоял на фоне идущей в атаку польской кавалерии. Самоуверенно и высокомерно он взирал на нас сверху вниз. О чем думал этот муж в тот

⁶³ Имеется в виду чудотворная Ченстоховская икона Божьей Матери, написанная, по преданию, евангелистом Лукой. Название «Черная Мадонна» она получила из-за темного оттенка лика. Икона хранится в монастыре паулинов Ясна-Гура в Ченстохове. – *Прим. науч. ред.*

⁶⁴ Имеется в виду дворец Краковских епископов в Кельце. – *Прим. науч. ред.*

самый момент? Судьба возглавляемой им армии уже была решена, во всяком случае, она решалась как раз в эти дни сражения на Бзуре. Государство, которым он фактически правил, находилось на пороге катастрофы! Он сам, однако, как это вскоре выяснилось, не был героем. Он оставил свою армию на произвол судьбы и бежал в Румынию, не забыв предварительно переправить туда же свое движимое имущество (как мы узнали позже в Варшаве)! Sic transit gloria mundi!⁶⁵

Взятие Варшавы

После уничтожения в битве на Бзуре самой сильной из всех противостоявших нам группировок противника и боев, развернувшихся в лесистой местности южнее Люблина, с войсками противника, пытавшимися пробиться из Модлинской крепости на Варшаву, войска группы армий приступили к операции по захвату Варшавы. Однако часть соединений группы армий уже была переброшена на запад, где французы и англичане, к нашему удивлению, пассивно наблюдали за уничтожением своего польского союзника.

Можно было предвидеть, и об этом штаб группы армий доложил ОКХ, что подготовка к наступлению на Варшаву не может быть завершена до 25 сентября. Ведь для этого наступления мы хотели подтянуть всю имевшуюся в нашем распоряжении тяжелую артиллерию, в т. ч. артиллерию находившейся в Галиции 14-й армии. Однако после того как Советский Союз 17 сентября объявил войну Польше⁶⁶, и Висла была намечена в качестве демаркационной линии между ними и нами, Гитлер стал очень спешить с занятием Варшавы. Он приказал захватить город к 30 сентября. То, что политическое руководство требует от генералов достижения победы, это понятно. Но то, что оно устанавливает еще и срок, когда победа должна быть одержана, это, безусловно, нечто из ряда вон выходящее.

Штаб группы армий преследовал цель добиться победы по возможности с наименьшим количеством жертв. В его намерения не входило нести ненужные жертвы ради определенной даты. Это наступление стало вообще необходимым потому, что противник занял в городе оборону, сосредоточил в нем армию, состоящую из остатков многочисленных соединений, и потому, что главнокомандующий польской армией заявил, что город будет держаться до последнего.

Для штаба группы армий было ясно, что внезапное наступление на город при существовавших условиях не обещает успеха. Однако, штаб ни в коем случае не желал – по каким бы причинам этого от него ни требовали – ввязываться в затяжные бои в самом городе. Такое сражение потребовало бы от наступающих частей также неминуемо, как и от населения, огромных человеческих жертв.

Поэтому штаб группы армий приказал 8-й армии, на которую была возложена задача взятия Варшавы, в ходе наступательной операции обеспечить создание вокруг Варшавской крепости плотного сплошного кольца, примерно по линии окружавшей город кольцевой дороги. Вслед за тем город должен был быть принужден к сдаче массированным артобстрелом, бомбардировками с воздуха, а если этого будет недостаточно, то в результате нехватки продовольствия и воды. Здесь следует заметить, что наш штаб успешно противодействовал желанию Гитлера подвергнуть город бомбардировке в более раннее время, т. к. считал, что атаки с воздуха тогда не находились бы в непосредственной связи с военными действиями и не принесли бы ощутимых результатов.

⁶⁵ Так проходит мирская слава (лат.). – *Прим. науч. ред.*

⁶⁶ Формально СССР войну Польше не объявлял. В ноте НКВД СССР от 17 сентября 1939 г. в т. ч. говорилось: «...Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей... Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». – *Прим. науч. ред.*

25 сентября немецкая артиллерия открыла огонь по внешним фортам, опорным пунктам и важнейшим базам снабжения города. Одновременно войска провели серию атак, стремясь выйти на намеченную линию блокады. 26 сентября над городом были сброшены листовки, в которых сообщалось о предстоящих бомбардировках города и содержалось требование сдать Варшаву. Так как польские войска продолжили оказание ожесточенного сопротивления, вечером 26 сентября начался методичный обстрел самого города.

27 сентября днем генерал-полковник фон Рундштедт и я во время посещения 18-й пехотной дивизии, которой я раньше командовал, узнали, что только что захвачены два внешних форта и противник согласился на капитуляцию⁶⁷. Огонь был немедленно прекращен.

28 сентября акт о капитуляции был подписан командующим польскими войсками и командующим 8-й армией генералом Бласковицем. В нем содержались положения о немедленном оказании помощи населению, а также раненым солдатам противника. Вообще условия этой капитуляции полностью отвечали требованиям уважения чести армии, несмотря на поражение, показавшей себя храбрым противником. В акте было предусмотрено, что офицерам сохраняется холодное оружие, что унтер-офицеры и солдаты будут задержаны в плену на короткое время с тем, чтобы после выполнения необходимых формальностей вернуться по месту жительства.

По сведениям польского уполномоченного, в Варшаве капитулировали 120 000 человек!

При подписании акта капитуляции польский генерал сказал: «Колесо вертится». Он оказался прав, хотя, если учесть то положение, в котором суждено было позже оказаться его родине, вряд ли в том смысле, который он имел в виду.

В то время как в ходе сражения на Бзуре и в результате взятия Варшавы главные силы противника, действовавшие западнее Вислы, были уничтожены, в районе действий 14-й армии в Восточной Галиции и по ту сторону нижнего течения Сана происходило еще много подчас тяжелых боев с отдельными группами противника, которым до этого момента удалось избежать уничтожения. Один корпус 10-й армии также в это время форсировал Вислу у Демблина и севернее его, нанося удар на Люблин. В ходе этих боев неожиданно поступило указание Верховного главнокомандования передать СССР Лемберг, который только что капитулировал в результате действий 14-й армии, и отойти по всему фронту, занимаемому группой армий, на линию, согласованную между фон Риббентропом и руководством Советского Союза. Она проходила от перевала Ущок к Прёмзелю и затем вдоль Сана и Вислы до пункта, расположенного севернее Варшавы. Таким образом, все бои по ту сторону Сана и Вислы для группы армий были бесполезными и вели только к выгоде для СССР! Отход за Сан привел к прекращению боя с группировкой противника, насчитывавшей 2–3 дивизии и 1–2 кавалерийские бригады, которая с достойной восхищения храбростью, но без всякого учета общей обстановки в свою очередь перешла в наступление и попыталась отрезать VII и VIII армейским корпусам пути отхода за Сан. И здесь снова возникли тяжелые бои, которые явились лишь следствием политических маневров между германским и советским правительствами. Это лучше всего подтверждается тем фактом, что 1 октября снова произошло изменение демаркационной линии. Теперь мы снова должны были занять Люблинское воеводство. XIV моторизованный корпус, таким образом, опять форсировал Вислу. Ему сдалась последняя группировка противника, отходившая под натиском советских войск на Вислу.

⁶⁷ За эту операцию первыми из немецких офицеров [27 октября 1939 г.] получили Рыцарский крест сражавшиеся в составе 51-го мотопехотного полка: [командир 2-й роты] обер-лейтенант [Дитрих] Штейнхардт и [командир взвода 10-й роты] лейтенант [Йозеф] Штольц. – *Прим. автора.*

Польская кампания была окончена. Группа армий «Юг» в ходе боев захватила 523 136 пленных, 1401 орудие, 7600 пулеметов, 274 самолета, 96 танков и огромное количество другой военной техники. Человеческие жертвы, понесенные противником, ожесточенно сражавшимся с величайшей храбростью даже в безнадежном положении, были, безусловно, очень большими.

Потери группы армий составляли: офицеры – 505 убитыми, 759 ранеными, 42 пропавшими без вести; унтер-офицеры и солдаты – 6049 убитыми, 19 719 ранеными, 4022 пропавшими без вести.

Памяти погибших

В связи с приведенными мною данными о потерях, которые по сравнению с одержанными нами во время этой кампании успехами кажутся незначительными, хотя это и не уменьшает нашей скорби, я позволю себе почтить память трех человек, гибель которых для меня лично имела особенно большое значение. Ведь эта книга не должна быть посвящена только описанию военных операций, она должна наряду с этим, пусть в скромных масштабах, содержать и описание личных переживаний.

Под Варшавой погиб бывший главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник барон фонфрич, человек, руководивший созданием новой немецкой армии в 1934–1938 гг., благородный офицер, который не мог ответить на дьявольскую интригу подлых людей, стремившихся сместить его, лозунгом *Acorsaire, corsaire et demi*⁶⁸. Воспитанному на прусских традициях офицеру чувство долга не позволяло направить созданную им армию против государства. Позже я слышал, что генерал-полковник фон Фрич, прощаясь в начале войны со своим бывшим начальником Генерального штаба генерал-полковником Беком, уходя, коротко, вполголоса заявил: «Я не могу выдержать такой жизни». Этому молчаливому отчаянию соответствовали также его последние слова, обращенные к адъютанту, тщетно пытавшемуся перевязать огнестрельную рану на бедре, в результате которой была перебита артерия: «Оставьте, не имеет смысла».

В Польше в сентябре, во время сражения под Радомом, погиб и мой старый друг, полковник Вильгельм Дитрих фон Дитфурт, командир стрелкового полка. В его лице для меня погиб человек, который прошел вместе со мной весь жизненный путь, начиная с ранней юности. Нам было двенадцать лет, когда мы, кадеты Плёнского корпуса, подружились. Дико, как его звали ближайшие друзья, остался затем вместе с принцем Оскаром Прусским в Плене, а я был переведен в главный кадетский корпус в Берлине-Лихтерфельде. Четыре года спустя судьба свела нас – уже лейтенантов – в 3-м гвардейском полку⁶⁹. Мы были инструкторами по подготовке рекрутов в одном и том же батальоне, следовательно, на службе и еще чаще в свободное время были вместе. В эти дни наша дружба, начавшаяся в Плене, стала еще более прочной. Я сохранил эту дружбу и после его смерти и сохраню ее до конца моих дней.

Дитфурт был одним из любезнейших и обходительнейших людей, которых я когда-либо знал. Он был высокого роста, умен и восприимчив ко всему красивому и хорошему. Уже в своей юности он обладал исключительно уравновешенным характером. На его примере можно было увидеть, какой неопределимый вклад может сделать живущая в атмосфере любви и гармонии семья в дело воспитания детей, вклад, сохраняющий свое значение на всю жизнь. Находиться в гостях у его родителей, братьев или сестер доставляло большую радость. Через несколько лет судьба нас снова разделила. Супруга кайзера избрала его для

⁶⁸ Французская пословица, дословно «Если ты живешь среди пиратов, поступай как пират», т. е. аналог русскому варианту «С волками жить, по-волчьи выть». – *Прим. науч. ред.*

⁶⁹ Имеется в виду 3-й гвардейский пеший полк (3. Garde-Regiment zu Fuss). – *Прим. науч. ред.*

воспитания своего младшего сына, причинявшего ей много хлопот⁷⁰. Однако мы продолжали поддерживать связь, часто обмениваясь письмами.

В 1913 г. Дитфурт, к моей радости, снова возвратился в полк, и мы вместе поступили в Военную академию. Но вскоре его снова отозвали на пост старшего адъютанта полка, — доказательство того, что начальники высоко ценили его как высокоодаренного офицера. Тем не менее, мы продолжали оба служить вместе в Берлине. Война снова разделила нас. Дитфурт начал войну на посту старшего адъютанта кадрового, а я — запасного полков. Судьбе было угодно, чтобы мы, как это иногда бывает в жизни, опять сошлись вместе во время сражения на Сомме в штабе 1-й армии на должностях штабных офицеров. Летом 1917 г. Дико снова отозвали. Чета кайзера вспомнила о его замечательных способностях как воспитателя и пожелала, чтобы он посвятил себя воспитанию сыновей кронпринца. На этот пост нельзя было подобрать человека, который бы лучше справился с этими обязанностями. Для самого Дитфурта это было, однако, тяжелым ударом — во время войны вдруг возвращаться на родину. Придворным он так никогда и не стал. И после революции, с которой его задача потеряла первоначальный смысл, он остался верен этой своей задаче. После окончания воспитания принцев он поступил в услужение к кронпринцу. Когда он решил, что кронпринц больше не нуждается в нем, он сейчас же последовал велениям своего сердца и снова стал солдатом. Еще несколько мирных лет ему суждено было провести на должности инструктора вначале своего батальона, а затем своего полка. Вражеская пуля настигла его, когда он шел во главе своих гвардейцев в первых рядах, стреляя из винтовки.

Смерть не пощадила и моей семьи. Во время польской кампании старший брат моей жены, ротмистр запаса Конрад фон Лёш, был тяжело ранен в позвоночник. Это было 9 сентября во время сражения на Бзуре. Он служил в разведывательном батальоне. Ему принадлежало бывшее имение его отца в Лорцендорфе (Силезия); он был женат на графине Цедлиц и имел трех детей. Даже такой гений хирургии, как Зауербрух, не смог спасти его. Все же этот большой специалист своим искусством, а прежде всего своим сердечным отношением, смог несколько облегчить тяжелые страдания в последние месяцы жизни моего шурина. Он умер в возрасте 40 лет в марте 1940 г. в клинике Шарите в Берлине. Эта потеря была тяжелым ударом для нас всех, в особенности для моей жены, которая, будучи младше его всего на один год, росла вместе с ним. Этот человек, идеалист, очень любил своих детей, по-дружески относился к людям в своем имении, был страстным любителем верховой езды и солдатской профессии. Он останется в памяти не только своих близких.

5 октября Гитлер устроил парад Победы в Варшаве. На большой аллее, ведущей от Бельведера к дворцу⁷¹, дефилировали мимо него одержавшие победу дивизии, оказавшиеся теперь в Варшаве и ее окрестностях. Несмотря на участие в тяжелых боях и перенесенные тяготы военной жизни, войска производили прекрасное впечатление. В глазах молодых солдат сияла гордость, вызванная одержанной в этой «молниеносной кампании» победой.

К сожалению, парад окончился неприятным эпизодом, который одновременно пролил яркий свет на отношение Гитлера к офицерам сухопутных сил.

Было предусмотрено, что Гитлер, незадолго до своего вылета, на аэродроме⁷² будет побеседовать с командирами соединений, участвовавших в параде. Не без основания мы ожидали услышать от него несколько слов благодарности. В одном из ангаров был накрыт стол, за которым Гитлер должен был вместе с командирами отведать суп из полевой кухни.

⁷⁰ Имеется в виду принц Прусский и Германский Иоахим Гогенцоллерн (17.12.1890 — 18.7.1920). — *Прим. науч. ред.*

⁷¹ Парад проходил на Уяздовских аллеях (трибуна Гитлера была построена примерно напротив памятнику Ф. Шопену), которая идет от Бельведера до площади Тжех Кжижи (Трех крестов). — *Прим. науч. ред.*

⁷² Имеется в виду аэропорт Окенце: он был полностью уничтожен в годы войны, новый комплекс открыт в 1969 г. ныне он носит название — Варшавский международный аэропорт им. Фредерика Шопена (Port Lotniczy im. Fryderyka Chopina). — *Прим. науч. ред.*

Однако когда он вошел в ангар и увидел стол, накрытый белой скатертью и украшенный осенними цветами, он резко развернулся, подошел к полевой кухне, стоявшей рядом с ангаром, попробовал несколько ложек супа, поговорил с окружившими его солдатами и улетел. Очевидно, подобным отношением он хотел подчеркнуть свою «близость народу». Я, однако, сомневаюсь, что наши brave гвардейцы действительно одобрили его поведение. Они, вероятно, вполне бы поняли, если бы глава государства, после таких побед, отдав дань уважение командирам, выказал свою признательность и самим войскам. По отношению к первым же его поведение было явной бесцеремонностью, которая в такой момент заставляла задуматься.

Польская кампания в то время получила название блицкрига⁷³. Действительно, эта кампания по скорости ее проведения и результатам являлась единственной в своем роде, пока впоследствии наступление немецких войск на Западе не явилось подобным же достижением, только в еще более широких масштабах.

Чтобы, однако, правильно оценить события, надо учесть сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей. Действительно, эта кампания должна была быть выиграна немцами, если учесть гораздо более благоприятную для них обстановку перед началом военных действий, а также их превосходство при наличии двух предпосылок:

- во-первых, немецкое командование должно было пойти на большой риск, оголив фронт на Западе, чтобы добиться необходимого перевеса в силах на Востоке;
- во-вторых, западные державы не должны были воспользоваться этими рискованными действиями, чтобы своевременно прийти на помощь полякам.

Не подлежит сомнению, что события могли развиваться совсем иначе, если бы западные державы начали наступление на Западе как можно раньше. Правда, польское командование должно было бы учесть этот факт и, проявив немного больше здравого смысла, не растрчивать с самого начала свои силы, стремясь удержать то, что сохранить было нельзя. Оно должно было бы, наоборот, с самого начала кампании сосредоточить все свои силы на наиболее важных участках, направив все свои усилия на то, чтобы выиграть время, и в конце концов ввергнуть немцев в пучину войны на два фронта. Храбрость, с которой польские солдаты сражались до последнего, давала польскому командованию возможность продержаться до того момента, пока союзники, выйдя на Рейн, не заставили бы командование вермахта раньше времени прервать операции Польской кампании. Таким образом, как однажды выразился граф Шлиффен, побежденные и на этот раз внесли свою лепту в дело победы, одержанной противником.

С другой стороны, необходимо, однако, признать, что быструю и решительную победу, одержанную в Польской кампании, следует все же приписать не только благоприятной оперативной обстановке, но и достигнутому благодаря большому риску численному превосходству вермахта, лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов ведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений, также поддержка авиации, сразу же добившейся подавляющего превосходства в воздухе. Однако решающим фактором, наряду с неоднократно доказанной отвагой немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, можно также назвать наступательный порыв, который овладел немецкими штабами и войсками. Насколько очевидно, что высокий уровень технического оснащения армии в значительной степени объяснялся энергией Гитлера, настолько же ясно, что

⁷³ Блицкриг (Blitzkrieg) – «молниеносная война». – *Прим. науч. ред.*

одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить столь быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот небольшой рейхсвер, на который многие в свое время смотрели с пренебрежением, сумел спасти костяк армии после поражения в Первой мировой войне и возродить великие традиции Германии в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия – вермахт – была детищем этого рейхсвера. Можно сказать, что она была единственной армией, которая сумела преодолеть вырождение военных действий в затяжную «окопную войну» или, как выразился генерал Фуллер, характеризуя боевые действия в последний период Второй мировой войны⁷⁴, в «торговлю железом». Германской армии удалось с помощью новых видов вооружения вновь овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность, какую в такой степени не имели командиры никакой другой армии – вплоть до унтер-офицеров и рядовых пехотинцев – вот в чем всегда состоял секрет успеха немецкой армии. И это наследство опять-таки сберег и передал вермахту рейхсвер. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Верховное командование сухопутных войск (ОКХ) пока еще могло действовать без вмешательства со стороны. Командующие еще имели в своих руках всю полноту власти. Войска еще могли проводить операции чисто военного характера, и поэтому они пока еще велись по законам традиционной войны.

3 октября генерал-полковник фон Рундштедт был назначен главнокомандующим на Востоке. В качестве высшего руководителя гражданской администрации оккупированных областей Польши, часть из которых затем были переданы в состав рейха, ему должен был помогать имперский министр [Ганс] Франк. Штаб группы армий, в составе которого был образован теперь также отдел этапно-транспортной службы, остался в подчинении главнокомандующего на Востоке в качестве его военного штаба. Штаб группы армий «Север» был переброшен на Запад.

Такое решение генерал-полковник фон Рундштедт и чины его штаба, естественно, восприняли с горечью. Ведь группа армий «Юг» принимала самое активное участие в боевых действиях во время Польской кампании. Теперь нас оставили в Польше без каких-либо перспектив, в то время как группа армий «Север» получила новые важные задачи. Кроме того, нам казалось мало привлекательным исполнять роль оккупационных властей в тесном сотрудничестве с администрацией, во главе которой стоял один из руководителей партии.

Руководитель гражданской администрации

Еще перед началом наступления на Варшаву штаб группы армий был переведен в расположенный несколько западнее города небольшой дворец Хеленув⁷⁵. Это было чудесное небольшое здание в стиле рококо, к которому вели тенистые аллеи. Дворец стоял посреди красивого парка с большими прудами. Здесь через несколько дней после падения Варшавы нас навещил будущий глава гражданской администрации Польши. Стол был накрыт к обеду. Генерал-полковник и его штаб ожидали гостя. Когда от назначенного времени прошел час, Рундштедт в бешенстве сказал: «Начинаем! Без него!» Мы как раз закончили обедать, когда перед нашим маленьким дворцом остановилась кавалькада автомашин. Из первой появилась фигура в серо-голубом костюме, сплошь отделанном золотом; при других обстоятельствах мы бы приняли этого человека за кубинского адмирала. Но это был г-н Франк. К нашему ужасу, из других машин вылезла многочисленная свита, мундир за мундиром, целая куча народа. К такому скоплению людей наш повар, в распоряжении которого был ограниченный

⁷⁴ Скорее всего автор имел в виду не Вторую, а Первую мировую войну. – Прим. науч. ред.

⁷⁵ Дворцово-парковый комплекс Хеленув (*Helenow*) был возведен по проекту Генрика Маркони в 1860 г. До 1936 г. он принадлежал графам Потоцким. – Прим. науч. ред.

военный рацион, был совершенно не готов. Тем не менее, стол был накрыт. В главном мясном блюде – гуляше – было очень много соуса, но совсем мало мяса. Нас развеселило то, что г-н Франк тщательно выуживал кусочки мяса, предоставляя своей свите довольствоваться соусом. Это была наглядная демонстрация лозунга: «Общественное благо выше личного». Затем г-н Франк поднялся и пожелал сфотографироваться на фоне дворца с генерал-полковником, для этого он принял важную позу, а затем заявил, что его время истекло, он, мол, должен возвратиться в Берлин к фюреру, влез в машину, свита поспешила в другие машины, и они исчезли. Генерал-полковник фон Рундштедт молча посмотрел им вслед. Сопровождение, посвященное задачам гражданской администрации, так и не состоялось. Оно вообще никогда не было проведено.

Вскоре после этого мы переселились в Лодзь⁷⁶, где должна была располагаться постоянная штаб-квартира главнокомандующего на Востоке. Я предложил выбрать для нашей Ставки бывшую загородную резиденцию российских императоров дворец Спала. Она была расположена среди прекрасных лесов, вблизи самого города. Но фон Рундштедт предпочитал находиться в Лодзи. Вероятно, он думал, что здесь он сможет интереснее проводить время. Ему пришлось горько разочароваться. Правда, устроились мы сносно в бывшем здании штаба польского корпуса, но город был переполнен людьми; их было здесь столько, сколько мне никогда еще в жизни не приходилось видеть. Было совершенно исключено, чтобы командующий появлялся в этой сутолоке. Не оставалось ничего иного, как, отчаявшись, избрать местом для прогулок и приятной беседы кладбище – единственное место, где ему вообще можно было еще появляться.

Так как наш новый глава гражданской администрации не считал нужным появиться и в Лодзи, а администрацию нужно было создавать, мы направили к Франку начальника этапно-транспортного отдела генерала Крювеля⁷⁷. Крювель некоторое время разыскивал Франка по всей стране, пока не обнаружил его в принадлежавшем ему имении на одном из озер в Верхней Баварии. Генералу удалось склонить Франка к поездке в Лодзь. Я был свидетелем довольно холодной беседы между главнокомандующим и Франком. В ходе этой беседы фон Рундштедт заявил, что он ни в коем случае не потерпит у себя создания филиала учреждений рейхсфюрера СС⁷⁸. Он попросил Франка самым серьезным образом учесть это. Последний безоговорочно согласился с главнокомандующим и закончил беседу, торжественно заявив: «Г-н генерал-полковник, Вы знаете, что я сторонник законности⁷⁹!» После этих красивых слов г-н Франк несколько поспешно сказал, что его время истекло, ему нужно в Берлин к фюреру... и исчез, как в свое время в Хеленуве. Мы его больше не видели. Он приехал в Польшу только тогда, когда наш штаб уже покинул ее, и вместо роли начальника гражданской администрации при штабе группы армий он получил пост могущественного генерал-губернатора.

Заключение

Между тем три армейских штаба покинули нас, уйдя на Западный фронт. Вместо командующих армиями были созданы ведомства командующих войсками военных округов

⁷⁶ После оккупации Польши город Лодзь был переименован в Литцманштадт, в честь генерала времен Первой мировой войны (и позже члена НСДАП) Карла Литцмана. – *Прим. науч. ред.*

⁷⁷ На тот момент Людвиг Крювель был полковником, в генерал-майоры он был произведен 1 декабря 1939 г. – *Прим. науч. ред.*

⁷⁸ На самом деле между Гансом Франком и рейсфюрером СС Генрихом Гиммлером отношения были крайне натянутые и не очень ясно, почему свои возвращения Рундштедт адресовал Франку, в компетенцию которого контроль за СС не входил. – *Прим. науч. ред.*

⁷⁹ Пафос данной фразы заключался в том, что Ганс Франк был ведущим юристом нацистской партии – руководителем Национал-социалистической лиги юристов, имперским руководителем по вопросам права и главой Имперского юридического управления НСДАП. – *Прим. науч. ред.*

гов, которые получили фактически чисто территориальные задачи. Большая часть войск, за исключением небольшого количества оккупационных подразделений, ничтожного по сравнению с советскими войсками, находившимися в Восточной Польше, была переброшена на Запад. О том, что Гитлер планирует там в скором времени начать наступление, было известно и нам. Нам же отводилась задача всего лишь обеспечивать безопасности польской территории, проводить обучение дивизий, большая часть которых была сформирована совсем недавно, а также проводить подготовительные мероприятия к строительству линии укреплений на Востоке.

Уже во время парада в Варшаве генерал-полковник фон Рундштедт дал ясно понять главнокомандующему сухопутными войсками [генерал-полковнику Вальтеру фон Браухичу], что он воспринимает оставление его штаба для несения оккупационной службы в Польше как личную обиду. Я в том же духе высказался в беседе с генералом Гальдером. В конце концов, мне удалось убедить 1-го обер-квартир-мейстера Генерального штаба генерала [Карла Генриха] фон Штюльпнагеля в том, что наступление на Западе вряд ли можно будет вести под руководством одного штаба группы армий⁸⁰.

15 октября у нас появился полковник [Адольф] Хойзингер из Оперативного отдела [Генерального штаба] ОКХ и принес нам радостное известие о том, что и наш штаб в конце октября будет переведен на Западный фронт. Наше место должен был занять армейский штаб во главе с генерал-полковником Бласковицем. Вскоре после этого я и сам получил приказ 21 октября прибыть в Цоссен, где размещались службы ОКХ, для получения указаний о проведении наступательных операций на Западе.

18 октября я покинул Лодзь, чтобы успеть также навестить мою семью и моего тяжело раненного шурина [Корнада фон Лёша], находившегося на лечении в Бреслау⁸¹.

Затем я приступил к выполнению новых задач.

⁸⁰ Скорее всего автор имел в виду не «одного», а «двух»: на тот момент на Западе находилось уже два штаба групп армий – еще была группа армий «Ц» Вильгельма фон Лееба. – *Прим. науч. ред.*

⁸¹ Бреслау был столицей провинции Нижняя Силезия. После Второй мировой войны эти земли были переданы Польше, ныне это город Вроцлав. – *Прим. науч. ред.*

Часть вторая Кампания на западе

*Итак, преобразило солнце Йорка
В благое лето зиму наших смут.*

Уильям Шекспир. «Ричард III»

Обрадованные тем, что отделались от неблагодарной повинности играть роль оккупационных властей в Польше, 24 октября 1939 г. мы с нашим штабом прибыли на Западный фронт, чтобы принять командование образованной там группой армий «А». Дивизии первого эшелона, входившие в состав подчиненных ей армий (12-й и 16-й), были расположены вдоль границ Южной Бельгии и Люксембурга; они эшелонировались в глубину на восток до правого берега Рейна. Штаб группы армий был расположен в Кобленце.

Мы расположились в отеле *Riesen-Furstenhof*, на берегу Рейна. Этот отель казался мне, когда я был еще фенрихом⁸² в кадетском корпусе, расположенном недалеко от Кобленца в городке Энгерсе, верхом элегантности и кулинарного искусства. Теперь ограничения военного времени не прошли бесследно и мимо этого широко известного отеля. Наши рабочие помещения были расположены в старинном, когда-то роскошном здании вблизи казарм *Deutsches Eck*, служивших до войны местом расквартирования кобленцкой дивизии⁸³. Красивые комнаты в стиле рококо превратились теперь в пустые мрачные кабинеты.

На маленькой площадке, окруженной старыми деревьями, вблизи дома, стоял довольно интересный обелиск. На нем красовалась высокопарная надпись, свидетельствующая о том, что он был сооружен французским комендантом Кобленца в 1812 г. в честь переправы через Рейн отправившейся в поход на Россию «Великой армии» Наполеона. Под этой надписью, однако, была выбита другая, гласившая примерно следующее: «Принято к сведению и одобрено». Под ней стояла подпись русского генерала, который в 1815 г. стал комендантом города!⁸⁴

Жаль, что Гитлер не видел этого монумента!

Оперативная группа нашего штаба по моей рекомендации получила ценное пополнение: помощником начальника Оперативного отдела был назначен старый штабист, подполковник [Хенниг] фон Тресков, который позже, в июле 1944 г., стал одним из руководителей заговора против Гитлера и затем покончил с собой. Тресков еще в мирное время работал вместе со мной в управлении 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба. Это был высокоодаренный офицер и пламенный патриот. Ум, образованность и умение держать себя в обществе придавали ему особый шарм. Прекрасную пару этому элегантному, аристократического вида человеку составляла его настолько же умная, как и красивая, жена, дочь бывшего военного министра и начальника Генерального штаба [Эриха] фон Фалькенгайна. В

⁸² Относившийся к категории унтер-офицерских званий чин фенриха не считался офицерским и присваивался кандидатам на присвоение первого обер-офицерского звания. – *Прим. науч. ред.*

⁸³ Имеется в виду 34-я пехотная дивизия, штаб-квартира которой размещалась в Кобленце. – *Прим. науч. ред.*

⁸⁴ Надпись, сделанная французами в 1812 г., гласила: «MDCCCXII – Memorable par la campagne contre les Russes – sous le Prefecture de Jules Doazan», т.е. «Год MDCCCXII – В память о кампании 1812 г. против русских – супрефект Жюль Доазан». Ниже было выбито: «Vu et approuve par nous – Commandant russe de la ville de Coblenz – Le 1er Janvier 1814», т.е. «Прочитанное подтверждено нами – Русский комендант города Кобленц, 1 января 1814 г.». Манштейн же снова ошибся с датировкой, подписи коменданта также не было. – *Прим. науч. ред.*

то время в берлинских офицерских кругах не было, пожалуй, более красивой супружеской четы, чем Тресковы.

С Тресковым у меня со времени совместной работы в Оперативном отделе установились отношения взаимного доверия и, я бы даже сказал, дружбы. И теперь, в Кобленце, он стал одним из самых ценных моих помощников в борьбе за осуществление отстаивавшегося штабом группы армий плана наступления на Западе. Когда я позже был назначен командиром танкового корпуса, а затем командующим армией, я оба раза просил к себе Трескова начальником штаба. Мои просьбы отклонялись с оригинальным обоснованием: мне якобы «не нужен такой умный начальник штаба». Когда затем весной 1943 г. мне предложили Трескова на должность начальника штаба группы армий, я не мог предпочесть его моему испытанному во многих совместных боях начальнику Оперативного отдела генералу [Теодору] Буссе, к тому же бывшему в одних со мной годах, и попросил этого генерала на должность начальника штаба. Я упомянул об этом только потому, что один господин, близко знакомый с Тресковым, распространял версию, что я тогда отклонил кандидатуру Трескова якобы потому, что он не был убежденным национал-социалистом. Каждый, кто меня знает, скажет, что я выбирал себе коллег, конечно же, не по этому признаку.

Наряду с исключительными способностями генштабиста, Тресков был остроумным собеседником, и его всегда охотно принимали в узком кругу у командующего, когда мы коротали долгие вечера. Правда, когда он однажды захотел доставить командующему и нам всем особое удовольствие и распорядился поставить на стол во время завтрака большую миску съедобных улиток, Рундштедт в ответ на его экстравагантность только покачал головой.

Если тем месяцам в Кобленце суждено было стать «зимой наших смут», то это объясняется прежде всего странным и неясным положением, в котором мы оказались зимой 1939/40 гг. в результате *Seltsamer Krieg*, или *La drole de guerre*⁸⁵, как ее называли французы. Нам было бы значительно легче, если бы мы точно представляли задачу операции, которую нам предстояло осуществить весной, с тем, чтобы планомерно готовить к ней находящиеся в подчинении штаба группы армий войска. Но, как известно, Гитлер собирался начать наступление поздней осенью 1939 г., а когда выяснилось, что это невозможно, – в течение зимы. Каждый раз, когда его «предсказатели погоды» – метеорологи ВВС – обещали хорошую погоду, он отдавал приказ о выдвижении в районы сосредоточения для наступления. И каждый раз этим предсказателям приходилось признавать свои ошибки, т. к. либо проливные дожди делали местность непроходимой, либо сильный мороз и снегопад ставили под вопрос возможность успешных действий танков и авиации. И так вновь и вновь то отдавался приказ о наступлении, то трубили отбой, – положение довольно безрадостное как для войск, так и для командиров. При этом довольно ярко проявилось недоверие Гитлера к тем донесениям штабов, что не соответствовали его представлениям. Когда штаб группы армий послал очередное донесение о том, что длительные дожди в настоящее время делают начало наступления невозможным, Гитлер послал к нам своего адъютанта Шмундта с заданием на месте убедиться в состоянии местности. Тут Тресков оказался как раз на месте. Он без всякой жалости таскал целый день своего бывшего товарища по полку, Шмундта, по почти непроходимым дорогам, по размякшим распаханым полям, мокрым лугам и скользким склонам гор, пока тот, совершенно обессиленный, вечером снова не появился в нашем штабе. С тех пор Гитлер отказался от подобного неуместного контроля наших донесений о погоде.

Естественно, больше всего страдал от этих постоянно меняющихся решений и связанной с этим непродуктивной работы нашего штаба наш командующий, генерал-полковник фон Рундштедт, вообще не отличавшийся особой терпеливостью. Правда, вскоре на наш штаб стал обрушиваться поток бумаг, обычно захлестывающий в спокойной обстановке вой-

⁸⁵ Оба термина – первый с немецкого, второй – французского, означают «Странная война». – *Прим. науч. ред.*

ска и штабы. Однако в немецкой армии издавна существовала хорошая традиция избавлять старших командиров от всяческих мелочей, этот поток бумаг практически полностью миновал генерал-полковника. Поэтому он каждое утро совершал продолжительную прогулку по набережной Рейна, во время которой я часто его сопровождал. Ведь и мне нужно было немного размяться. Даже во время морозной зимы, когда воды Рейна были прочно скованы льдом, Рундштедт надевал только тонкий прорезиненный плащ. На мое замечание, что так можно простудиться и умереть, он ответил, что у него еще никогда не было зимнего пальто и что он и на старости лет не собирается его приобретать! Так это было и на самом деле! В этом пожилом человеке все еще чувствовалось спартанское воспитание кадетского корпуса. О моем собственном пребывании в кадетском корпусе он мне напоминал еще и кое-чем иным. Когда генерал-полковник после прогулки сидел за письменным столом и ожидал, когда к нему явлюсь я или кто-либо из офицеров штаба для доклада, он с интересом читал захватывающий детективный роман. Интересно, что детективные романы читают очень многие, даже выдающиеся люди, охотно прибегающие к ним, чтобы отключиться от серьезных дел. Однако наш уважаемый командующий все же немного стеснялся, когда его заставляли за чтением подобных книг. Поэтому он клал романы в открытый ящик письменного стола, который он быстро задвигал, когда кто-либо входил к нему для доклада. Также делали и мы, кадеты, когда в часы работы в нашу комнату входил воспитатель!

Моя попытка развлечь генерал-полковника в один из длинных вечеров посещением одного из фронтовых кинотеатров потерпела крушение. Геббельсовская кинохроника вызвала у него крайнее недовольство, и я был рад, что его замечания слышал только я один.

Бывали, однако, и веселые происшествия. Однажды на улице мы встретили егеря из австрийской горнострелковой дивизии. Хороший мальчик, он, видно, совсем недавно стал солдатом, и мундир, который был ему слишком велик, а также посылки, которыми он был изрядно нагружен, придавали ему весьма живописный вид – он очень отдаленно напоминал солдата. К тому же ремень он надел не на талию, а использовал его, сдвинув значительно ниже, как опору для своего животика. Весь вид этого егеря был настолько причудливым, что я его остановил и велел поправить ремень. Дружески улыбаясь, бравый парень ответил: «Большое спасибо, г-н полковой врач!», как будто я ему по секрету указал на другой неполадок в его туалете. Мне ничего не оставалось, как от души рассмеяться.

Бумажная война также один раз доставила нам повод повеселиться. Как ни мало готовности проявляло ОКХ – я позже остановлюсь на этом – принять наши планы операции, однажды мы все же по второстепенному вопросу неожиданно добились победы. Следует вспомнить, что офицеры носили тогда португею. Генерал Хейе в свое время ввел эту совершенно излишнюю принадлежность, чтобы «украсить» форму рейхсвера. Младшие офицеры вскоре стали называть португею по имени широко разрекламированного бюстгальтера «Гаутана». «Гаутана» стала пользоваться особенно дурной славой, когда партия и ее организации также стали ее широко использовать в своей униформе. Попытки добиться ее отмены были безуспешными вследствие сопротивления Управления вещевого снабжения. После того, однако, как в Польской кампании были отмечены сравнительно большие потери среди офицерского состава, ОКХ отдало приказ, запретив в боевой обстановке всем офицерам до штаба полка включительно носить португею в связи с тем, что по ней на большом расстоянии можно определить офицера.

Так как в результате этого офицеры высших штабов стали, как и «тыловые крысы», отличаться от фронтовиков, штаб группы армий ходатайствовал об отмене ношения португеи для всех офицеров. Наше ходатайство, однако, не было удостоено никаким ответом. Затем мы доложили наверх, что отдали приказ в районе, занимаемом группой армий, отменить ношение португеи для всех офицеров. Но чтобы не предвосхищать решения ОКХ, доносили мы, штаб группы армий приказал чиновникам, приравненным по чину к офи-

церам, продолжать носить португеи. Это произвело желаемый эффект. В течение трех дней «Гаутана» была окончательно отменена. Надо избрать лишь правильный путь, чтобы добраться до цели!

Наше плохое настроение в ту зиму, однако, лишь отчасти объяснялось описанной мной выше частой сменой решений Гитлера и возникшей в связи с этим неблагоприятной обстановкой для подготовки войск, которые постепенно могли начать сомневаться в разумности постоянно отменявшихся приказов. Я уже не говорю о том, что эта постоянная смена решений значительно затрудняла систематическое обучение, особенно необходимое дивизиям, лишь недавно прошедшим стадию формирования и нуждавшимся в постоянной работе по взаимодействию личного состава.

Настоящая причина нашего плохого настроения, или, вернее, беспокойства, основывалась на двух главных факторах.

Первый заключался в том явлении, которое я не могу назвать иначе как «лишением Верховного командования сухопутных войск власти». Это явление я переживал особенно остро, т. к. еще зимой 1937/38 гг., будучи на посту 1-м обер-квартирмейстером Генерального штаба и помощником Фрича и Бека, я боролся за то, чтобы ОКХ заняло подобающее ему место в системе управления войсками во время войны.

Второй фактор заключался в том, что штаб группы армий в течение всей зимы тщетно пытался добиться от ОКХ, чтобы оно приняло его план операций, который – по крайней мере, по нашему мнению, – представлял собой единственную возможность добиться решительной победы на Западе. В конце концов, этот план только после личного вмешательства Гитлера был положен в основу плана наступления на Западном фронте, правда, уже после того, как я сам – безусловно, как следствие нашей настойчивости – был смещен ОКХ с поста начальника штаба группы армий.

Оба эти фактора – «лишение Верховного командования сухопутных войск власти» и «борьба за план наступательной операции на Западе» – в значительной мере представляют собой предысторию кампании на Западе, которой посвящена эта часть книги. Дальнейшее развитие кампании сейчас уже настолько хорошо известно, что нет необходимости еще раз на нем останавливаться. Я буду описывать из этого периода только те события, которые я лично пережил, будучи командиром армейского корпуса.

Так или иначе «зима наших смут» все-таки сменилась «благим летом»!

Глава 4 Лишение ОКХ власти

Переброска штаба группы армий «Юг» на Запад. – Впечатления о позиции ОКХ по вопросу о наступлении на Западе. – Гитлер – фон Браухич – Гальдер. – ОКХ намеревается после победы в Польше придерживаться оборонительного характера военных действий. – Гитлер приказывает наступать. – Конфликт между Гитлером и фон Браухичем. – Речь Гитлера 23 ноября 1939 г. – Могли ли мы на Западе продолжать придерживаться оборонительного характера военных действий? – Когда можно было раньше всего начать наступление? – Планы противника. – Союзники планируют начать наступление только после достижения явного превосходства, не ранее 1941 г., пока же хотят вести войну на истощение. – Надежда на переворот в Германии, который даст возможность союзникам раньше начать наступление. – Могло ли ОКХ отстаивать свою позицию, выступая против Гитлера?

Считают, что ОКХ и Генеральный штаб сухопутных войск были отстранены от решающего влияния на ведение войны на суше, начиная с того момента, когда Гитлер, после отставки генерал-фельдмаршала фон Браухича, сам взял на себя руководство не только вооруженными силами в целом, но и сухопутными войсками⁸⁶. В действительности же это лишение ОКХ власти, а также отстранение Генерального штаба практически, хотя еще и не формально, началось уже в те недели, которые непосредственно следовали за Польской кампанией.

Когда я 21 октября 1939 г. получил в Цоссене⁸⁷ для группы армий «А», как теперь именовалась бывшая группа армий «Юг», «Директиву о развертывании "Гельб"» для намеченного наступления на Западе, я сделал в своем дневнике запись: «Комментарии Гальдера, Штюльпнагеля и Грейфенберга производят довольно угнетающее впечатление». Генерал [Карл Генрих] фон Штюльпнагель был тогда 1-м обер-квартирмейстером и правой рукой начальника Генерального штаба Гальдера, полковник фон Грейфенберг – начальником Оперативного отдела Генштаба.

Из высказываний этих трех человек можно было ясно понять, что эта директива о развертывании представляла собой план ведения военных действий, навязанный ОКХ Гитлером. Было очевидно, что эти руководители ОКХ, как и сам главнокомандующий сухопутными войсками, относились к мысли о наступлении немцев на Западе совершенно отрицательно. Они считали, что такой план не является правильным путем завершения войны. Кроме того, из их высказываний можно было заключить, что они не верят в то, что германская армия будет в состоянии одержать решительную победу на Западе. Это впечатление нашло затем подтверждение при ознакомлении с директивой о развертывании, о чем пойдет речь дальше, а также усилилось впоследствии при неоднократных посещениях главнокомандующего сухопутными войсками и начальника Генштаба штаба группы армий.

Было ясно, что можно было придерживаться различных точек зрения по вопросу о целесообразности и перспективах успеха наступления немцев на Западе, особенно в тот период – поздней осенью или зимой 1939 г. Ужасное впечатление произвел на меня тот факт, что роль ОКХ в руководстве операциями сухопутных войск в значительной степени умень-

⁸⁶ Т.е. после провала наступления под Москвой – 19 декабря 1941 г. – *Прим. науч. ред.*

⁸⁷ В районе Вюнсдорф в Цоссене с 1936 по 1945 г. размещался комплекс зданий главной квартиры Верховного командования сухопутных войск (в т. ч. и Генерального штаба). – *Прим. науч. ред.*

шилась. И это после только что одержанной победы в одной из самых блистательных кампаний немецкой истории!

Правда, Гитлер еще раньше, во время Судетского кризиса⁸⁸, не посчитался с мнением ОКХ. Но тогда речь шла о совершенно иных вещах. Тогда решался вопрос не о руководстве военными действиями, а о политической проблеме. Основой разногласий между Гитлером и ОКХ – в первую очередь начальником Генерального штаба генерал-полковником Бекон – являлся не вопрос о руководстве операциями сухопутных войск, а о том, приведет ли вторжение в Чехословакию к вмешательству западных держав и тем самым к войне на два фронта, к чему германская армия была абсолютно не готова. Решение этого вопроса было, в конечном счете, делом политического руководства, которое могло принять политические меры, для того чтобы избежать войны на два фронта. Таким образом, если тогда главнокомандующий сухопутными войсками признал примат политики, то он тем самым взял на себя в военном отношении тяжелую ответственность, но не отказался отданной ему прерогативы в своей узкой области.

Во время Польского кризиса подобных разногласий между Гитлером и ОКХ не возникло. Во всяком случае, мы, третьи лица, не замечали ничего подобного. Я думаю, что ОКХ тогда – после того как Гитлер в случае с Чехословакией оказался прав в отношении оценки позиции западных держав – надеялось, что то же случится и во время событий осени 1939 г. Во всяком случае, я предполагаю, что ОКХ, точно так же, как и мы в группе армий «Юг», в те решающие дни в конце августа до конца считало, что все окончится политическим урегулированием, как это в свое время было сделано в Мюнхене. Впрочем, во время Польской кампании Гитлер не вмешивался в действия ОКХ, если не говорить о его предложениях относительно развертывания сил германской армии в Восточной Пруссии, с чем ОКХ согласилось.

Теперь, однако, дело обстояло совсем иначе. Правда, нельзя оспаривать то, что вопрос о продолжении войны после поражения Польши и о методах ее ведения был вопросом общего руководства военными действиями: окончательное решение должен был принимать Гитлер как глава государства и Верховный главнокомандующий вооруженными силами. Но когда предстояло решить вопрос о методах проведения наступления сухопутных войск на Западе, для этого было необходимо установить, смогут ли они решить поставленную задачу, а также когда и где должно проводиться наступление. В этих трех вопросах примат ОКХ был несомненным.

Во всех этих трех вопросах Гитлер, однако, поставил ОКХ перед совершившимися фактами, известив 27 сентября главнокомандующих тремя видами вооруженных сил без предварительного согласования этого решения с главнокомандующим сухопутными войсками, что он решил начать наступление на Западе еще осенью 1939 г., нарушив нейтралитет Голландии, Бельгии и Люксембурга. Это решение нашло вскоре свое отражение в директиве Верховного командования вермахта (ОКВ) от 9 октября 1939 г.

Как я понял из высказываний упомянутых выше трех человек, при получении «Директивы о развертывании "Гельб"» 21 октября 1939 г.

ОКХ примирилось с этим *capitis diminutio*⁸⁹. Оно отдало директиву о наступлении, с которым по-прежнему было несогласно. Во всяком случае, в серьезный успех руководители ОКХ не верили. Здесь следует заметить, что сомнения в этом отношении, если учесть соот-

⁸⁸ Имеются в виду события 2-й половины сентября 1938 г. в населенной преимущественно немцами входившей в состав Чехословакии Судетской области. 13 сентября пронацистская Судетская немецкая партия подняла мятеж, а 26 сентября Гитлер заявил, что начнет войну, если чехословацкое правительство не выполнит безоговорочно его требований. 29 сентября 1938 г. Великобритания, Франция, Германия и Италия подписали Мюнхенское соглашение, в соответствии с которым Германия ввела свои войска в Судетскую область и присоединило ее к рейху. 30 сентября чехословацкое правительство заявило, что подчиняется соглашению. – *Прим. науч. ред.*

⁸⁹ Римское (латинское) юридическое выражение, означавшее умаление правоспособности римского гражданина в зависимости от изменения его состояния (status). – *Прим. науч. ред.*

ношение сил на Западном фронте, не были лишены основания. Из всего этого я только мог сделать вывод, что ОКХ в данном случае отказалось от своей руководящей роли как инстанции, ответственной за ведение войны на суше, и примирилось с ролью технического, исполнительного органа. По меньшей же мере, случилось то, что в свое время стремились предотвратить генерал-полковник Бек и я нашими предложениями о разумном урегулировании вопроса об организации верховного командования во время войны. Мы предлагали тогда создать одну инстанцию, которая должна была объединить как руководство всеми действиями вооруженных сил, так и руководство операциями на суше, являясь единственным ответственным консультативным органом главы государства в вопросах ведения войны, во всяком случае, до тех пор, пока не будет одержана победа на континенте. Либо главнокомандующий сухопутными войсками должен был взять на себя одновременно руководство действиями всех вооруженных сил, либо начальник Имперского Генерального штаба, ответственный за руководство действиями всех вооруженных сил, должен был одновременно руководить операциями сухопутных войск. Ни при каких обстоятельствах, однако, нельзя было допустить, чтобы два Генеральных штаба – вооруженных сил и сухопутных войск – вмешивались в руководство операциями последних. По-видимому, создалось именно такое положение. Гитлер со своим ОКВ принимал решение о том, какую операцию следует проводить сухопутным войскам, а также, когда и где. ОКХ оставалась разработка соответствующих приказов даже в том случае, если то, что оно должно было теперь делать, не отвечало его точке зрения. Главнокомандующий сухопутными войсками был низведен с поста военного советника главы государства до одного из трех командующих видами вооруженных сил, обязанных лишь исполнять приказы. В самом ближайшем времени это нашло свое яркое подтверждение в создании «театра военных действий ОКВ в Норвегии».

Если задать себе вопрос, как получилось, что ОКХ было подобным образом отодвинуто на задний план, то ответ следует искать как в области личных взаимоотношений, так и в постановке вопроса о том, как следовало вести войну после победы над Польшей.

Гитлер – фон Браухич – Гальдер

Основная причина описанных выше событий заключалась в личности Гитлера, в его необузданной жажде власти и в переоценке им своих возможностей, чему способствовали его несомненные политические успехи, лизоблюдство видных партийных деятелей, а также некоторых окружавших его лиц. Это было также в значительной мере следствием того, что он по отношению к несогласным с ним военным деятелям был не только главой государства, но и Верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами, т. е. их высшим прямым начальником. К тому же он блестяще умел в споре со своими военными партнерами бросать на чашу весов политические и экономические аргументы, которые последним нелегко было опровергнуть, ибо для их оценки решающее слово также имели не военные, а государственные деятели. Главную роль, однако, в узурпации роли не только главы государства и политического вождя, но и верховного полководца сыграла, очевидно, жажда власти. В этой связи мне на многое раскрыла глаза беседа с Гитлером, состоявшаяся в 1943 г. Это был один из тех случаев, когда я пытался побудить Гитлера к разумному урегулированию вопроса о руководстве военными операциями, т. е. практически добиться от него отказа от руководства ими в пользу облеченного всей полнотой власти начальника Генерального штаба. Гитлер во время этой беседы заявил, что он совсем не заинтересован в том, чтобы «играть роль полководца» (хотя его, безусловно, привлекала связанная с этим слава). Он подчеркнул, что решающее значение в этом вопросе играет власть, и что он один обладает достаточным авторитетом для того, чтобы добиться выполнения своих решений. Он верил только во власть и считал, что она нашла свое высшее выражение в его воле. Наряду с этим не следует отвергать мысль о том, что он после Польской кампании боялся, что заслуги генералов могут умалить

его авторитет в глазах народа, в связи с чем он с самого начала в вопросе о ведении войны на Западе занял такую диктаторскую позицию.

Этому человеку с его необузданной жаждой власти, не останавливавшемуся при этом ни перед чем и обладавшему большими умственными способностями, противостояли генералы фон Браухич и Гальдер. Им пришлось иметь дело с человеком, не только утвержденным в своей должности главы государства волей народа, но и одновременно являвшегося их высшим прямым начальником.

Борьба с самого начала априори была неравной, даже если бы противниками Гитлера в армии были бы другие люди. Будущий генерал-фельдмаршал фон Браухич был очень способным военным. Правда, во время инспекторских и ознакомительных поездок офицеров Генштаба, в которых я участвовал под руководством генералов барона фон Хаммерштейна и Адама, он проявил себя не в такой степени, как генералы барон фон Фрич, Бек, фон Рундштедт, фон Бок и фон Лееб. Однако его можно было, во всяком случае, после них, назвать в числе первых, и, как показали дальнейшие события, он вполне справлялся с руководством сухопутными войсками.

Что касается его характера, то его благородство не подлежит сомнению. Нельзя отрицать и наличия у него силы воли, хотя, по моим впечатлениям, ее проявления носили скорее отрицательный характер, ибо она выливалась в некое упрямство, а не в конструктивные действия. Он охотнее выслушивал чужие решения вместо того, чтобы принимать их самому и добиваться их осуществления. Иногда он вообще избегал принимать их, чтобы избежать борьбы, к которой он не считал себя подготовленным. Браухич во многих случаях смело отстаивал интересы армии, например, когда он добивался от Гитлера публичной реабилитации генерал-полковника барона фон Фрича, хотя он знал, что этим навлекает на себя недовольство Гитлера⁹⁰. Приказ по армии, который он отдал в связи с гибелью фон Фрича, был признаком мужества. Но в прямом смысле этого слова его нельзя было назвать борцом. Приложить все свои силы для осуществления своего решения – это была не его стихия. Во всяком случае, генерал-полковник Бек как-то с горечью сказал мне, что Браухич во время Судетского кризиса отстаивал точку зрения ОКХ без особой энергии и предоставил Беку одному вести борьбу. С другой стороны, тем, кто упрекает фон Браухича в нерешительности при постановке вопроса о насильственном свержении Гитлера, как, например, бывший посол в Риме фон Хассель, необходимо иметь в виду следующее: одно дело вынашивать, как это свойственно политическим деятелям, планы государственного переворота за письменным столом, не чувствуя за собой никакой ответственности (как в свое время г-н фон Хассель), и совсем другое, находясь во главе армии, осуществить такой переворот, который в мирное время чреват опасностью возникновения гражданской войны, а во время войны – победой внешнего врага.

Фельдмаршал фон Браухич, элегантный мужчина подчеркнуто аристократической наружности, вел себя весьма достойно. Он был корректен и вежлив, даже любезен, хотя его любезность не производила на собеседника впечатления теплого отношения. Также, как в его внешности, ничто не напоминало борца, внушающего своему противнику уважение или, по крайней мере, осторожность, так в ней нельзя было обнаружить и энергии, способной увлечь всех, и созидательного начала. Он производил, в общем, впечатление холодного в обращении и сдержанного человека. Часто казалось, что он как-то скован; он,

⁹⁰ В январе 1938 г. барон Вернер фон Фрич был на основе фальсифицированных материалов обвинен в гомосексуализме. 26 января Гитлер потребовал у Фрича подать в отставку, от чего тот отказался, потребовав, в свою очередь, разбирательства в Суде чести. В тот же день он был отправлен в отпуск и 4 февраля 1938 г. заменен фон Браухичем. Суд чести признал все обвинения против Фрича ложными, и генералитет потребовал от Гитлера реабилитации Фрича. Гитлер отказался сделать публичное заявление и объявил о том, что обвинения ложные на закрытой встрече с высшим командным составом. – *Прим. науч. ред.*

безусловно, был очень щепетильным. Этими свойствами своего характера он завоевал авторитету своих ближайших подчиненных, которые уважали его как «джентльмена», но их было недостаточно, чтобы обеспечить ему полное доверие войск, которым располагал, например, генерал-полковник барон фонфрих. Такому человеку, как Гитлеру, ему также трудно было импонировать. Правда, генерал фон Сект был еще более холодным в общении и даже неприступным, но все чувствовали внутренний огонь, бушевавший в этом человеке, железную волю, делавшую его «повелителем». Этими свойствами характера генерал-фельдмаршал фон Браухич не был наделен, у него не было также той непосредственности солдата, которая помогла его предшественнику, генерал-полковнику барону фон Фричу, не говоря уже о его больших военных способностях, завоевать сердца солдат.

Если теперь перейти к взаимоотношениям между генерал-фельдмаршалом фон Браухичем и Гитлером, то я убежден, что фельдмаршал истощил все свои силы в борьбе с этим готовым на все волевым человеком. Его склонности, происхождение и воспитание не позволяли ему бороться с Гитлером тем же оружием, которое тот, находясь на посту главы государства, не задумываясь, применял. Браухич подавлял в самом себе свое недовольство и возмущение, тем более, что он уступал Гитлеру в словесной дуэли. Он подрывал свои внутренние силы, пока болезнь сердца не вынудила его, наконец, подать в отставку, которая Гитлеру пришлось весьма кстати.

Справедливости ради необходимо добавить, что Браухич с самого начала находился в значительно менее благоприятном положении по отношению к Гитлеру, чем его предшественники. После ухода Бломберга Гитлер сам занял пост главнокомандующего вермахтом и т. о. сделался не только главой государства, но и прямым вышестоящим начальником для всех военнослужащих вермахта. Когда военный министр фон Бломберг предложил Гитлеру взять на себя руководство всеми вооруженными силами, он нанес последний удар армии, хотя, по всей видимости, Гитлер и без предложения Бломберга сделал бы этот шаг.

Но, прежде всего, важно то, что к моменту вступления Браухича в должность Гитлер по сравнению с предшествующими годами уже изменил совсем позицию по отношению к армии, и, прежде всего к ОКХ. В первый период после прихода к власти Гитлер, безусловно, еще проявлял к военным руководителям чувство уважения и ценил их авторитет. Это отношение он до конца сохранил к генерал-фельдмаршалу фон Рундштедту, хотя во время войны дважды отстранял фельдмаршала с занимаемых постов.

Два фактора в первую очередь привели Гитлера к изменению его позиции по отношению к армии еще в течение последних мирных лет.

Первый состоял в том, что армия при генерал-полковнике бароне фон Фриче (как и при фон Браухиче) настаивала на своих традиционных понятиях простоты и рыцарства в обращении, а также на солдатском понимании чести. Хотя Гитлер и не мог упрекнуть армию в нелояльности по отношению к государству, было все же ясно, что она не собирается выбросить за борт свои традиции в обмен на «национал-социалистские идеи». Также ясно было и то, что именно эти традиции создают армии популярность среди народа. Если Гитлер в начале отвергал подозрения по отношению к руководителям рейхсвера, исходившие из партийных кругов, то травля армии, в которой по-видимому, главную роль играли такие личности, как Геринг, Гиммлер и Геббельс, в конце концов, принесла свои плоды. Военный министр фон Бломберг – хотя, очевидно, и невольно – в свою очередь способствовал пробуждению недоверия у Гитлера, слишком усердно подчеркивая свою задачу «приблизить армию к национал-социализму». Результаты этой травли хорошо видны из бесстыдной речи, которую Геринг в качестве «старшего офицера вооруженных сил» весной 1939 г. произнес перед высшим генералитетом. В этой речи он взял на себя смелость упрекать сухопутные войска, противопоставляя их двум другим видам вооруженных сил, в том, что они сохраняют свои традиции, не соответствующие идеям национал-социалистского государства. Такую

речь присутствовавший при этом генерал-полковник фон Браухич ни в коем случае не должен был оставить без последствий.

Второй фактор, довлевший над отношениями между ОКХ и Гитлером, заключался, во-первых, в том, что он позже называл «вечными сомнениями генералов», а иногда и более обидными словами. Здесь речь, прежде всего, идет о позиции ОКХ по вопросу о темпах перевооружения, которые оно стремилось замедлить, поскольку их чрезмерное ускорение отражалось на качестве подготовки войск. Во-вторых, Гитлер утверждал, что он всегда одерживал свои политические победы вопреки сопротивлению генералов, которые всегда были слишком боязливыми. По этому поводу следует заметить, что генерал-полковник барон фон Фрич, а, следовательно, и ОКХ, как это вытекает из книги генерала Хоссбаха *Zwischen Wehrmacht und Hitler* («Между вермахтом и Гитлером»), ни во время введения всеобщей воинской повинности, ни при занятии Рейнской демилитаризованной зоны не возражали против намерений Гитлера. То же можно сказать и о позиции генерала Бека (генерал-полковника фон Браухича не было тогда в Берлине) по вопросу о решении Гитлера ввести свои войска в

Австрию. Военный министр фон Бломберг вначале по внешнеполитическим соображениям возражал против введения всеобщей воинской повинности, но затем вскоре снял свои возражения. Тот же Бломберг в связи с оккупацией Рейнской зоны – без ведома руководства сухопутных войск – советовал Гитлеру вернуть войска, находившиеся уже на левом берегу Рейна, когда французы объявили частичную мобилизацию. Тот факт, что Гитлер уже собирался последовать его совету и что лишь рекомендации министра иностранных дел фон Нейрата сохранять спокойствие удержали его от этого шага. Возможно, именно воспоминания о проявленной им когда-то слабости, имели своим следствием значительное усиление открытой неприязни Гитлера по отношению к генералитету. Если ОКХ в годы перевооружения армии часто подчеркивало, что вермахт еще ни в коей мере не готов к войне, то оно при этом руководствовалось своим прямым долгом.

Гитлер – по крайней мере, официально – всегда соглашался с этой точкой зрения. Но, возможно, что эти предостережения усилили его неприязнь к ОКХ. Первое категорическое возражение внешнеполитические планы Гитлера встретили на том совещании с министром иностранных дел и главнокомандующими тремя видами вооруженных сил 5 ноября 1937 г., на котором Гитлер впервые заявил о своих намерениях в отношении Чехословакии. Тогда он впервые натолкнулся на сопротивление со стороны министра иностранных дел фон Нейрата, а также военного министра фон Бломберга и главнокомандующего сухопутными войсками барона фонфрича. Гитлер принял это во внимание и при первом удобном случае избавился от тех, кто стоял у него на пути.

Теперь часто можно услышать мнение, что согласие генералитета на уход в отставку генерал-полковника барона фон Фрича показало Гитлеру, что он теперь якобы может делать с ОКХ все, что угодно. Я оставляю в стороне вопрос о том, сделал ли тогда Гитлер подобный вывод. Если он его сделал, то он, во всяком случае, заблуждался относительно мотивов, которыми руководствовался генералитет. Позиция генералитета объяснялась в то время не слабостью, а была следствием незнания подоплеку этой интриги, невозможности для честных солдат предположить, что высшие руководители государства ведут подобную игру, или своевременно разгадать ее, а также практической невозможности при существовавших обстоятельствах и в связи с этой причиной осуществить государственный переворот. Не подлежит никакому сомнению, что Гитлеру, помимо этого, упомянутые выше высокопоставленные партийные деятели и другие лица прожужжали все уши о «вечных сомнениях генералов в отношении наших великих целей».

Таким образом, ясно, что генерал-полковник фон Браухич с самого начала находился в сложном положении, строя свои взаимоотношения с Гитлером. Роковую роль кроме того сыг-

рало, безусловно, и то, что он при вступлении в должность согласился с рядом изменений в вышестоящем руководстве вермахта, в частности, на совершенно неоправданную отставку имевших большие заслуги генералов и назначением начальником Управления кадров сухопутных войск брата генерала Кейтеля. Это был первый шаг Браухича к пропасти.

Уничтожающий удар авторитету ОКХ в глазах Гитлера был затем нанесен после того, как выяснилось, что сомнения ОКХ по поводу уступчивости западных держав во время Судетского кризиса оказались беспочвенными, и он оказался прав. То, что генерал-полковник Браухич в связи с этим пожертвовал начальником Генерального штаба Беком, конечно, не могло усилить его позиции по отношению к Гитлеру, а наоборот, только еще больше ослабило ее.

Вторым человеком, занимавшим видное положение в ОКХ и после отставки Бека оказавшимся в оппозиции к Гитлеру, был будущий генерал-полковник Гальдер, который благодаря своим военным способностям был достойным помощником генерал-фельдмаршала фон Браухича. Во всяком случае, они испытывали друг к другу в своей совместной деятельности полное доверие. Мне кажется, что Браухич всегда соглашался с предложениями Гальдера о проведении операций не по долгу службы, а по убеждению. Как большинство офицеров, вышедших из баварского Генерального штаба, Гальдер прекрасно знал работу различных отделов Генштаба. Он был неутомимым работником. Слова Мольтке «Гений – это прежде всего труд» (*Genie ist Arbeit*), очевидно, служили ему девизом. Но вот священный огонь, который должен сжигать сердце истинного полководца, вряд ли пылал в его груди. О присущем ему чувстве большой ответственности свидетельствует то, что перед Восточной кампанией он получил 1-му обер-квартирмейстеру генералу Паулюсу и начальникам штабов групп армий разработать планы операций. Но главная концепция плана кампании должна ведь, по-видимому, рождаться в голове того, кто будет ею руководить. Гальдеру не хватало такта фон Браухича, а его высказывания отличались предельно деловым характером. Я сам был свидетелем того, с какой настойчивостью он отстаивал свою точку зрения перед Гитлером. При этом было весьма показательным, как горячо Гальдер отстаивал интересы действующей армии, как остро он переживал навязанные ему неверные решения. Но одна трезвая деловитость не была тем качеством, которое могло бы импонировать Гитлеру. Горячая любовь к армии на него не производила впечатления.

Гальдер, по моему мнению, потерпел, в конце концов, фиаско из-за двойственности своего положения. Когда он стал преемником Бека, он уже был явным противником Гитлера. Как пишет Вальтер Гёрлиц («Германский Генштаб. История и структура»), Гальдер, вступая в должность, заявил генерал-полковнику фон Браухичу, что он это делает только для того, чтобы вести борьбу с военной политикой Гитлера. По имеющимся сведениям, он не раз лелеял планы свержения Гитлера, как бы ни обстояло дело с практической осуществимостью этих планов.

С другой стороны, Гальдер, однако, был начальником немецкого, а затем и гитлеровского Генерального штаба – т. е. после того, как Гитлер взял в свои руки и непосредственное командование сухопутными войсками. Может быть, политический деятель и в состоянии играть двойную роль ответственного чиновника и заговорщика. Солдаты же обычно не годятся для подобной двойной игры. Главная же причина состоит в том, что по немецким традициям начальник Генерального штаба немислим без доверительных отношений со своим командующим. Даже если (что для Германии до того времени было совершенно немислимым) в связи с деятельностью Гитлера признать, что для начальника Генерального штаба существовала возможность в мирное время готовить свержение главы государства и Верховного главнокомандующего, то во время войны выбор между ролями заговорщика и начальника Генерального штаба становился неразрешимой дилеммой. Долг Гальдера как начальника Генерального штаба состоял в том, чтобы всеми силами обеспечивать победу

германским сухопутным войскам, за руководство которыми, а, следовательно, и за успех планов своего командующего он, наряду с другими, нес ответственность. В своей второй роли, однако, он не мог желать этой победы. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что генерал-полковник Гальдер разрешил эту дилемму, приняв решение в пользу своего воинского долга, и приложил все свои силы для того, чтобы верно служить немецкой армии в этой тяжелой борьбе. С другой стороны, его вторая роль требовала, чтобы он при любых обстоятельствах оставался на своем посту, для того чтобы, как он надеялся, сохранить возможность в один прекрасный день свергнуть Гитлера. Для этого, однако, он вынужден был подчиняться его решениям в области ведения войны и в тех случаях, когда он с ними не был согласен. Он оставался на этом посту в первую очередь потому, что полагал, будто его выжидательная тактика на посту начальника Генерального штаба избавит армию от последствий военных ошибок Гитлера. Но за это он был вынужден платить исполнением приказов Гитлера, с которыми он по своим убеждениям как военный специалист не мог согласиться. Это противоречие должно было подорвать его внутренние силы и, наконец, привести его к краху. Ясно только, что генерал-полковник Гальдер так долго оставался на посту начальника Генерального штаба в интересах дела, а не в своих личных интересах.

Я попытался охарактеризовать тех двух генералов, при которых осенью 1939 г. произошли события, которые вряд ли можно назвать иначе, чем «лишение ОКХ власти». Из сказанного понятно, что оба эти солдата, сами по себе обладавшие массой положительных качеств, не могли успешно вести борьбу с таким человеком, как Гитлер. Во всяком случае, то, что снижение роли ОКХ и ее превращение в чисто исполнительную инстанцию произошло как раз после блестящих побед вермахта в Польше, и явилось причиной постановки Гитлером и ОКХ вопроса о принципах дальнейшего ведения войны.

До начала войны и в ее первый период было естественным, что немецкая сторона придерживалась на Западе оборонительной тактики. Кто мог ожидать, что западные державы так позорно оставят Польшу, которой они дали все гарантии, на произвол судьбы! Их наступление небольшими силами, приведшее к вклиниванию в полосу обеспечения «Западного вала», в Саарской области, за которым последовал отход на территорию Франции, не могло служить даже намеком на предположение о том, что они готовят в будущем наступление крупными силами.

Если бы можно было с полным основанием ожидать подобного наступления, то оставалось бы лишь ждать: удастся ли остановить это наступление на рубеже «Западного вала» или, если бы оно велось, например, через Люксембург и Бельгию в направлении на Рурскую область, нанести после высвобождения сил из Польши контрудар. Но в настоящее время пассивность западных держав создавала совершенно иную обстановку. Если учесть методы ведения войны французским командованием и неповоротливость англичан, то уже нельзя было ожидать, что они перейдут в наступление после падения Польши и возникновения возможности использования всей германской армии для ведения войны на Западе. Судьба Польши стала, однако, ясной самое позднее 18 сентября, когда решился исход сражения на Бзуре и после того как советские войска накануне перешли восточную границу Польши.

Именно тогда и не позже должен был начаться обмен мнениями между Гитлером и главнокомандующим сухопутными войсками по вопросу о ведении военных действий на Западе. Тем не менее, как можно судить по опубликованным документам (в первую очередь по книгам генерала [Бернгарда] фон Лоссберга, бывшего 1-го офицера Генштаба⁹¹ в Штабе оперативного руководства ОКВ, и министра-председателя [Гельмута] Грейнера, ведавшего журналом боевых действий ОКВ), этого не произошло.

⁹¹ В штабах вермахта 1-й офицер Генштаба возглавлял важнейший Оперативный (или Командный) отдел. – *Прим. науч. ред.*

Можно предположить, что реакция на блестящую победу в Польше, как и на неожиданную пассивность западных держав, со стороны Гитлера и со стороны руководящих деятелей ОКХ была совершенно различной. Тот факт, что англо-французская армия на Западе не перешла в наступление, Гитлер, безусловно, расценивал как признак слабости, который позволяет ему в свою очередь перейти на этом фронте в наступление. Блестящий успех Польской кампании, кроме того, привел его к убеждению, что вермахт вообще может решать любую задачу. ВОКХ имели несколько другую точку зрения, как мы это покажем ниже. Из пассивности западных держав можно было, с другой стороны, заключить, что они, возможно, вступили в войну только для того, чтобы спасти свою честь. Поэтому, вероятно, с ними все же еще можно договориться. Генерал Гальдер, по-видимому, также думал о том, что такое соглашение можно будет заключить и помимо Гитлера. В этом случае немецкое наступление на Западе в такой момент было бы совершенно неуместным.

Как бы то ни было, ОКХ могло исходить в своих предположениях из того, что Гитлер до этих пор никогда еще, даже после разгрома Польши, не ставил на обсуждение вопрос о наступлении на Западе. В этом отношении я получил неопровержимое доказательство зимой 1939/40 гг. Когда Гитлер в очередной раз отдал приказ о выдвижении в районы сосредоточения для перехода в наступление на Западе, ко мне прибыл командующий воздушным флотом, с которым группа армий «А» должна была взаимодействовать – генерал [Гуго] Шперрле – и заявил, что его соединения не могут стартовать с размытых дождями аэродромов. В ответ на мое замечание о том, что за минувшие месяцы было достаточно времени для создания бетонированных взлетных полос, Шперрле заявил, что Гитлер в свое время категорически запретил проводить всякие работы, предназначенные для подготовки к наступлению. То же относится, впрочем, и к производству боеприпасов, которое осуществлялось не в том объеме, который был необходим в случае, если бы планировалось наступление на Западе.

Очевидно, в ОКХ считали, что это решение Гитлера непоколебимо, и тем самым ошиблись в оценке его характера. Как сообщает Грейнер, ОКХ в течение второй половины сентября, когда события в Польше подходили к концу, дало задание генералу Карлу Генриху фон Штюльпнагелю разработать план дальнейшего развития военных операций на Западе. Штюльпнагель пришел к выводу, что вермахт до 1942 г. не будет располагать необходимой материальной частью для прорыва линии Мажино⁹². Возможность ее обхода через Бельгию и Голландию он не рассматривал, т. к. германское правительство незадолго до этого обещало этим странам уважать их нейтралитет. На основе этого вывода и упомянутой выше позиции Гитлера ОКХ, по-видимому, пришло к убеждению, что на Западе по-прежнему военные действия будут носить оборонительный характер. В соответствии с этим после окончания Польской кампании ОКХ отдало приказ об усилении обороны сухопутных войск на Западе, очевидно, не поинтересовавшись предварительно мнением Гитлера.

В совершенно новой обстановке, создавшейся в результате сокрушительного разгрома Польши, такой образ действий означал не что иное, как предоставление Гитлеру инициативы в решении вопроса о дальнейших планах военной кампании. Подобный путь для военного руководства, конечно же, не был правильным, если оно предполагало и в дальнейшем оказывать влияние на ход войны, какой бы характер она ни приобрела. Кроме того, упомянутая выше записка Штюльпнагеля не могла рассматриваться как решение вопроса о дальнейшем характере войны. Если бы мы стали ждать до 1942 г., чтобы прорвать линию Мажино, западные державы, по всей видимости, успели бы за это время ликвидировать отставание

⁹² Название линии Мажино (*La Ligne Maginot*) носила система французских фортификационных сооружений на франко-германской границе от Бельфора до Лонгююна. Эта линия, в основном построенная в 1929–1934 гг., имела длину около 400 и глубине 90 – 100 км и получила название в честь одно из инициаторов ее строительства военного министра Андре Мажино. В состав системы входили 5600 долговременных оборонительных укреплений, 70 бункеров, 500 артиллерийских и пехотных блоков, 500 казематов, а также блиндажи и наблюдательные пункты. – *Прим. науч. ред.*

в области вооружения. Помимо этого даже успешный прорыв линии Мажино не мог ни в коем случае развить в крупномасштабную операцию, которая могла бы решить исход войны. Имея против себя, по меньшей мере, 100 дивизий, которыми располагал противник еще в 1939 г., подобным образом нельзя было добиться решающего успеха. Даже если бы противник выделил для обороны линии Мажино крупные силы, он всегда мог бы оставить в качестве оперативного резерва 40–60 дивизий, которых было бы достаточно для того, чтобы вскоре остановить войска, прорвавшиеся через линию укреплений даже на широком фронте. Можно было прогнозировать, что в этом случае боевые действия приняли бы форму затяжной позиционной войны без преимущества той или другой стороны. Подобную цель перед собой немецкое командование ставить не могло.

Естественно, нельзя было предполагать, чтобы генерал-полковник фон Браухич и его начальник Генштаба собирались на продолжительный срок ограничиться исключительно оборонительными действиями. По-видимому, они все же надеялись на то, что с западными державами будет заключено соглашение или же, что последние сами перейдут в наступление. В первом случае принятие решения находилось вне сферы их компетенции. Надежда же на наступление западных держав была призрачной, что и подтвердилось в скором времени. В действительности обстановка складывалась так, что с военной точки зрения весна 1940 г. была, пожалуй, одновременно и самым ранним, и самым поздним сроком, когда для вермахта сохранялась возможность успешного развития наступления на Западе.

Гитлеру, по словам Грейнера, правда, не была представлена записка генерала фон Штюльпнагеля, однако он, безусловно, должен был быть в курсе, что ОКХ намерено продолжать придерживаться на Западе оборонительного характера военных действий. Таким образом, вместо своевременного обмена мнениями по вопросу о дальнейшем ведении войны, который должен был состояться не позже середины сентября, Гитлер поставил главнокомандующего сухопутными войсками своим решением от 27 сентября и последовавшей за ним директивой ОКВ от 9 октября перед *fait accompli*⁹³. Без предварительных консультаций с главнокомандующим сухопутными войсками он отдал при этом не только приказ о переходе к наступательным действиям на Западе, но и решил одновременно вопрос о том, когда и каким образом будет осуществляться наступление, т. е. принял решение по вопросам, которые он никоим образом не должен был разрешать безучастия главнокомандующего сухопутными войсками.

Гитлер требовал начать наступление как можно раньше, во всяком случае, еще осенью 1939 г. Вначале он, по словам генерала фон Лоссберга, назначил срок – 15 октября. Этот срок, даже если бы он был достаточным для переброски войск по существующим коммуникациям, должен был исходить из той предпосылки, что танковые соединения и авиация должны были начать перебрасываться из Польши не позже дня окончания сражения на Бзуре, что само по себе было возможным. Далее, Гитлер заранее установил, как должна была осуществляться наступательная операция: в обход линии Мажино, через Бельгию и Голландию.

Главнокомандующему сухопутными войсками оставалось только технически осуществить операцию, по поводу которой его мнение не было выслушано и в отношении успеха которой он, во всяком случае, осенью 1939 г. был настроен крайне пессимистично.

Если задаться вопросом, как могло так получиться, что главнокомандующий сухопутными войсками, примирясь с планами Гитлера, допустил подобное *capitis deminutio*, то ответ можно, по моему мнению, найти в книге Грейнера⁹⁴. Он считает, что генерал-полковник фон Браухич придерживался того мнения, что прямыми возражениями он ничего не добьется. Ту же точку зрения высказывал на основании личного знакомства с Гитлером и

⁹³ Совершившимся фактом (франц.). – Прим. науч. ред

⁹⁴ Helmut Greiner. Die Oberste Wehrmachtführung 1939–1945. Wiesbaden, 1951.

его тогдашней позицией генерал фон Лоссберг. Генерал-полковник, очевидно, надеялся, что проявив в тот момент добрую волю, он сможет в дальнейшем отговорить Гитлера от осуществления этого плана. Он, по-видимому, считал также, что погодные условия практически сделает невозможным проведение наступления поздней осенью или зимой. Если бы под этим предлогом удалось бы отложить решение о начале операции до весны, то, возможно, нашлись бы пути для окончания войны путем дипломатических переговоров.

Если главнокомандующий сухопутными войсками и его начальник Генштаба рассуждали подобным образом, то относительно погодных условий они оказались правы. Что же касается планов «отговорить» Гитлера от такого принятого им принципиально важного решения, даже с привлечением генерала фон Рейхенау, которого ОКХ вскоре направило к Гитлеру с подобной миссией, то эти попытки были, по моему мнению, заранее обречены на провал – если только не допустить, что ОКХ смогло бы найти другое, лучшее, импонирующее Гитлеру решение.

С другой стороны, возможности окончить войну в тот период путем мирных переговоров не просматривалось. Предложение о заключении мира, направленное Гитлером западным державам после окончания Польской кампании, встретило резкий отпор⁹⁵. Впрочем, Гитлер вряд ли согласился бы на разумные условия урегулирования Польского вопроса, которое сделало бы возможным соглашение с Западом. Не говоря уже о том, что подобное урегулирование было трудно осуществимо на практике после того, как Советский Союз уже включил в свой состав восточную часть Польши. Весьма сомнительной является и идея о том, что в случае устранения Гитлера Германия могла действительно добиться почетного мира. Как можно было тогда свергнуть Гитлера? Если бы генерал Гальдер в октябре 1939 г. даже и вновь попытался бы осуществить военный демарш против Берлина, то я по этому поводу могу лишь сказать, что он нашел бы после побед в Польше гораздо меньше последователей, чем осенью 1938 г.

Таким образом, генерал-полковник фон Браухич был вынужден мириться с планами Гитлера, а ОКХ работало над Директивой о развитии «Плана "Гельб"» в соответствии с полученными от Гитлера указаниями. Затем, 27 октября, главнокомандующий сухопутными войсками при поддержке своего начальника Генерального штаба, как сообщает Грейнер, попытался, ссылаясь на соображения военного характера, добиться от Гитлера переноса начала наступления на более благоприятное время года – весну 1940 г. Такое же предложение было сделано, как также сообщает Грейнер, за несколько дней до этого генералом фон Рейхенау – очевидно, по желанию генерал-полковника фон Браухича. Главнокомандующий сухопутными войсками мог рассчитывать в этом отношении на поддержку всех командующих Западного фронта. Хотя Гитлер и не отверг решительно все аргументы, которые ему были представлены, он оставил в силе установленную им еще 22 октября дату для начала наступления – 12 ноября.

5 ноября главнокомандующий сухопутными войсками снова сделал попытку переубедить Гитлера. Это был день, когда – при условии, что наступление действительно должно было начаться 12 ноября, – ожидался приказ о выдвигании войск в районы сосредоточения. Во время этой беседы, проходившей с глазу на глаз (Кейтель, по словам Грейнера, был приглашен на нее позже), – результаты ее, тем не менее, впоследствии стали известны, – произошел окончательный разрыв между Гитлером и генерал-полковником фон Браухичем. Последний, как пишет Грейнер со слов Кейтеля, зачитал Гитлеру меморандум, в котором были сформулированы все причины, говорившие против начала наступления. Наряду с без-

⁹⁵ 6 октября 1939 г. Гитлер выступил с речью перед депутатами Рейхстага, заявив что он стремится к миру, не имеет претензий к Франции и хочет дружбы с Англией. Он призвал создать международную конференцию по обсуждению будущего Польши. Франция 7 октября, а Великобритания 12 октября отвергли его предложения. – *Прим. науч. ред.*

условно неоспоримыми доводами против начала наступления осенью (погодные условия, незавершенность курса обучения вновь сформированных соединений и т. д.) генерал-полковник назвал одну причину, которая привела Гитлера в ярость. Это была критика действий немецких войск в ходе Польской кампании. Он выразил мнение, что пехота не проявила такого наступательного порыва, какой был в 1914 г., и что вообще подготовка войск в смысле дисциплины и выносливости в связи со слишком поспешными темпами перевооружения не всегда была достаточной. Если бы генерал-полковник Браухич высказал эту точку зрения в кругу военных специалистов, он бы встретил поддержку. Правда, упрек в том, что пехота не отличалась таким же наступательным порывом, как в 1914 г., во всяком случае в таком обобщенном виде был несправедливым. Он объясняется недооценкой изменений, которые тактика действий пехоты претерпела за это время. Принципы атаки 1914 г. были теперь просто немыслимы. С другой стороны, нельзя было отрицать, что – как это бывает в начале войны с еще не обстрелянными войсками – наши войска на отдельных участках, особенно в боях за населенные пункты, проявляли признаки нервозности. Высшие штабы также были иногда вынуждены принимать резкие меры против явлений недисциплинированности. Это не удивительно, если принять во внимание, что рейхсвер в течение нескольких лет вырос с 100 000 человек в миллионную армию и что значительная часть соединений была сформирована вообще только в ходе мобилизации. Все это, однако, перед лицом побед германской армии в Польской кампании еще не давало оснований прийти к выводу о том, что армия по этой причине не в состоянии вести наступление на Западе. Если бы генерал-полковник Браухич ограничился ясным заявлением о том, что вновь сформированные дивизии в связи с недостаточной выучкой и

спаянностью еще не подготовлены – да и не могли быть подготовлены – к ведению наступления и что нельзя вести наступление только испытанными кадровыми дивизиями, то его аргументы нельзя было бы опровергнуть, так же как и нельзя было опровергнуть довод о неблагоприятном времени года. Вышеупомянутые же аргументы в таком общем виде как раз меньше всего следовало бы приводить Гитлеру, т. к. он чувствовал себя создателем новой армии, которую теперь называли недостаточно подготовленной. При этом Гитлер был прав в том, что без проявленной им решительности в области политики, без той энергии, с которой он осуществил перевооружение, а также без вызванного к жизни национал-социалистским движением пробуждения военного духа также и среди тех слоев населения, которые во времена Веймарской республики отвергали его, вермахт не обладали бы такой мощью, как в 1939 г. Гитлер, однако, упорно игнорировал при этом тот факт, что наряду с его заслугами такие же заслуги в этой области принадлежали рейхсверу. Ибо без его идеологической и материальной подготовки, без самоотверженного труда пришедших из него офицеров и унтер-офицеров Гитлер не получил бы вооруженных сил, которые он теперь рассматривал как «свое детище», одержавших такие замечательные победы в Польше.

Сомнениями, которые высказал Гитлеру генерал-полковник фон Браухич, он добился от этого диктатора, зашедшего уже довольно далеко в своем самомнении, как раз обратного тому, к чему он стремился. Гитлер отбросил все серьезные аргументы командующего в сторону, выразил возмущение по поводу критики, которую генерал-полковник осмелился высказать в адрес его – Гитлера – творения, и грубо оборвал беседу. Он настаивал на начале наступления 12 ноября. Тут, к счастью, вмешался бог погоды и вынудил к переносу срока наступления – к этой мере только до конца января 1940 г. пришлось прибегать 15 раз!

Итак, если ОКХ подобным образом и оказалось правым в отношении возможного срока начала наступления, в результате описанных выше событий возник кризис в руководстве вооруженными силами, результаты которого оказали очень пагубное влияние на дальнейший ход войны. Во-первых, он проявился в том, что Гитлер и Браухич больше не виделись. Во всяком случае, начальник Оперативного управления, будущий генерал Хойзингер,

18 января 1940 г. сказал мне, что Браухич с 5 ноября не был больше у Гитлера. Это положение было совершенно нетерпимым при создавшейся обстановке. Следующим результатом встречи 5 ноября была речь, которую произнес Гитлер 23 ноября перед собравшимися в Имперской канцелярии командующими группами армий и армиями, командирами корпусов и начальниками их штабов. Я могу обойтись без подробного изложения содержания этой речи, т. к. оно известно из других источников⁹⁶. Наиболее существенным было то, что Гитлер подчеркнул свое непоколебимое решение в самое ближайшее время начать наступательные действия на Западе, причем одновременно он высказал сомнение в том, как долго еще будет обеспечен тыл Германии на Востоке. Аргументы Гитлера в пользу насущной необходимости наступления на Западе носили деловой характер, были продуманы и, по моему мнению, убедительны (за исключением вопроса о сроке начала операции). В остальном его речь представляла собой сплошные нападки на ОКХ и на генералитет сухопутных войск в целом, который все время стоял на пути его смелых предприятий. В этом отношении речь Гитлера была лишена всякой позитивной основы. Главнокомандующий сухопутными войсками сделал единственно возможный вывод и подал в отставку. Гитлер, однако, отклонил его прошение. Само собой разумеется, что кризис в руководстве армии ни в коей мере не был ликвидирован. Во всяком случае, дело обстояло так, что ОКХ вынуждено было готовить наступление, с которым оно не было согласно. Главнокомандующий сухопутными войсками по-прежнему был отстранен от обсуждения решений по вопросу о ведении военных операций и низведен до положения простого исполнителя.

Если исследовать причины, которые привели к подобного рода взаимоотношениям между главой государства и ОКХ и, тем самым, к лишению последнего властных полномочий, то станет ясно, что решающую роль в этом сыграло стремление Гитлера к неограниченной власти, его все увеличивавшееся самомнение, подогреваемые нападками на генералитет со стороны таких людей, как Геринг и Гиммлер. Но необходимо также сказать, что ОКХ в значительной степени облегчило Гитлеру свое отстранение от руководства сухопутными войсками в связи с той позицией, которую оно заняло по вопросу о дальнейшем ведении военных действий после окончания Польской кампании. ОКХ своим решением продолжать придерживаться на Западе оборонительных действий само передало Гитлеру инициативу! И это несмотря на то, что, безусловно, в обязанности ОКХ в первую очередь входило представлять главе государства предложения о планах на будущее, тем более после того, как в Польше сухопутными войсками при эффективной поддержке авиации была в такой короткий срок одержана решительная победа.

ОКХ, без сомнения, было право, когда оно осенью 1939 г. придерживалось той точки зрения, что время года и недостаточная подготовленность вновь сформированных соединений в тот момент делали начало наступления нежелательным. Но такой вывод и распоряжения об усилении обороны на Западе еще ни в коей мере не давали ответа на то, как следует с военной точки зрения наиболее успешно завершить войну. На этот вопрос должно было дать ответ ОКХ, если оно хотело сохранить свое влияние на общее руководство военными действиями!

Естественно, полным правом главнокомандующего сухопутными войсками было рекомендовать путь дипломатических переговоров с западными державами. Но что же необходимо было предпринять, если перспектив таких переговоров пока не просматривалось? Именно такому человеку, как Гитлеру, было необходимо – хотя наступление на Западе в то время еще казалось нецелесообразным, – чтобы ОКХ уже тогда показало ему, что нужно сделать в военном отношении для окончания войны.

⁹⁶ Например, см.: Тейлор А. Дж. Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. – *Прим. науч. ред.*

Для выбора этого пути после окончания Польской кампании необходимо было рассмотреть три вопроса:

– во-первых, можно ли было добиться благоприятного окончания войны, если придерживаться оборонительного характера военных действий, или этого можно было достичь только путем победоносного наступления на Западе?

– во-вторых, когда в этом случае можно было развернуть такое наступление с перспективой на решающий успех?

– в-третьих, как его следовало проводить, чтобы добиться решающего успеха в Европе?

В отношении первого вопроса были возможны два решения. Первое заключалось в том, чтобы Германия после победы в Польше достигла соглашения с западными державами. Возможность достижения успеха на этом пути ОКХ должно было рассматривать с самого начала весьма скептически: с одной стороны, учитывая национальный характер англичан, который допускал лишь весьма малую долю вероятности компромисса, с другой стороны, поскольку вряд ли можно было рассчитывать, что Гитлер после победы в Польше согласится на урегулирование вопроса о германо-польской границе в духе взаимных уступок. В конце концов, это объясняется тем, что Гитлер – ради достижения соглашения с Западными державами – не мог восстановить Польшу в прежних границах, после того как он уже отдал ее восточную часть СССР. Это положение не смогло бы изменить и никакое другое германское правительство, пришедшее к власти в случае свержения Гитлера.

Вторая возможность успешно окончить войну, придерживаясь по-прежнему оборонительного характера военных действий на Западе, могла возникнуть в том случае, если бы западные державы со своей стороны все же приняли решение о наступлении. Тогда для немецкого командования возникла бы перспектива перейти в контрнаступление и победоносно завершить кампанию на Западе. Эта мысль нашла свое отражение в «Беседах с Гальдером», а именно, в его словах об «ответной операции». Однако по сообщению генерала Хойзингера, такая операция стала играть некоторую роль в планах ОКХ лишь несколько позже, примерно в декабре, а не в решающий для судьбы ОКХ период – в конце сентября и начале октября.

Безусловно, идея «ответной операции» имеет в себе много благоприятных факторов. Предоставить противнику преодолевать все трудности наступления через укрепления «Западного вала» или дать ему навлечь на себя клеймо нарушителя нейтралитета Люксембурга, Бельгии, а возможно и Голландии было бы весьма заманчивым. Но разве речь в этом случае шла – по крайней мере, на ближайшее время – не о пустых мечтаниях, осуществление которых казалось более чем маловероятным? Западные державы не отваживались на наступление в тот момент, когда главные силы германской армии были связаны в Польше. Можно ли было ожидать, что они начнут наступление, когда им противостояла вся германская армия?

Я думаю – и придерживался этой точки зрения и в тот период, – что предпосылок для «ответной операции» вермахта в тот момент не существовало. Это мнение нашло убедительное подтверждение в «плане военных действий», разработанном в тот период по заданию главнокомандующего войсками союзников генерала Гамелена и попавшем позже в руки немецкой армии. Основными положениями этого «плана военных действий» были следующие:

– вооруженные силы союзников до весны 1941 г. не достигнут еще такого уровня, который позволил бы им начать наступательные действия против Германии на Западном фронте; для достижения численного превосходства в личном составе сухопутных войск необходимо привлечь на свою сторону новых союзников;

– англичане не готовы принять участие в крупномасштабном наступлении до 1941 г.; исключение составляет лишь вариант с внутривнутриполитическим падением режима в Германии (это замечание, явно рассчитанное на возможность государственного переворота, показывает, чего нам следовало ожидать в случае его осуществления);

– главная задача западных держав в 1940 г. должна состоять в том, чтобы обеспечить неприкосновенность французской территории, а также в том, чтобы в случае немецкого нападения немцев на Бельгию и Голландию оказать этим странам помощь;

– наряду с этим следует стремиться к тому, чтобы создать новые театры военных действий и тем самым истощить Германию. В качестве таковых называются скандинавские страны и в случае нейтралитета Италии – Балканы; естественно, необходимо продолжать усилия по привлечению на сторону в качестве союзников Бельгии и Голландии;

– наконец, необходимо попытаться лишить Германию жизненно необходимого ей экспорта, как путем упомянутого выше создания новых театров военных действий, так и путем замыкания кольца блокады в результате оказания политического давления на нейтральные государства.

Из этого «плана военных действий», следовательно, ясно вытекает, что западные державы хотели вести войну на истощение по возможности на других театрах военных действий до тех пор, пока они не достигнут явного превосходства в силах, которое позволило бы им – никак не раньше 1941 г. – начать наступление на Западе. Хотя ОКХ в то время еще не могло знать об этом плане союзников, слишком очевидным все же было то, что западные державы будут вести войну в описанном выше направлении.

Надежда на то, что народам может надоесть эта «странная война», при учете огромных человеческих жертв, с которыми был связан возможный штурм «Западный вал», не могла стать основой, на которой ОКХ строило бы планы дальнейшего развития войны.

Каким бы заманчивым ни казалось предоставить противнику инициативу в начале крупномасштабного наступления, такой план не имел под собой реальной основы. Германия не могла ни в коем случае ждать, пока противник, продолжая вооружаться (причем заранее необходимо было учитывать возможность предоставления помощи американцами – в связи с позицией, занятой Рузвельтом), получит преимущество и на земле, и в воздухе. Этого тем более нельзя было делать в связи с позицией, занятой Советским Союзом! После того как он получил от Гитлера все, чего мог ожидать, его не связывали с рейхом никакие жизненно важные интересы. Чем больше усиливались западные державы, тем опаснее становилось положение Германии, имевшей в своем тылу такую державу, как Советский Союз.

Для дальнейшего планирования военных действий, таким образом, после окончания войны в Польше необходимо было сделать следующие выводы.

На первый вопрос о том, можно ли, придерживаясь по-прежнему оборонительной тактики военных действий на Западе и успешно завершить войну, следовало ответить отрицательно. Исключение составляла возможность достижения политическим руководством компромисса с западными державами. То, что главнокомандующий сухопутными войсками имел право, учитывая хотя бы риск, связанный с продолжением войны для армии, посоветовать Гитлеру стать на путь компромисса, бесспорно. Естественно, что при этом некоторое ограниченное время пришлось бы придерживаться на Западном фронте выжидательной тактики. Независимо от этого оставаться ближайшим советником Гитлера по военным вопросам было важнейшей задачей, а также правом ОКХ. Оно должно было представить ему разработки, что необходимо предпринять в военной области, если нельзя было разрешить конфликт политическими средствами!

План, содержащий военную альтернативу, – т. е. что необходимо предпринять, если возможность политического компромисса с западными державами, на которую, очевидно, надеялся и Гитлер, будет исключена, – должен был быть представлен ОКХ главе государства.

Нельзя было ни допускать, что Гитлер по-прежнему будет отказываться от наступления на Западе, после того как была одержана победа над Польшей, ни ожидать, пока он сам примет решение о дальнейшем характере военных действий.

Предложение по плану дальнейших операций не могло сводиться к тому, чтобы по-прежнему придерживаться на Западе оборонительной тактики военных действий. Исключение могло бы составить предположение нанести поражение Великобритании посредством воздушной и подводной войны. Однако такое предположение было лишено всяких оснований.

Поэтому с военной точки зрения, – если бы политическое соглашение оказалось неосуществимым, – можно было предлагать на Западе только наступательную тактику военных действий. При этом ОКХ, однако, должно было оставить за собой инициативу в области принятия решения о сроках и планах наступления.

Что касается вопроса о сроках, то ОКХ придерживалось единой точки зрения со всеми командующими Западного фронта, а именно: проведение наступления поздней осенью (или зимой) 1939 г. не принесет решающего успеха. Важнейшей причиной подобной уверенности было время года. Осенью и зимой германская армия могла лишь в очень ограниченных масштабах применить два своих главных козыря: подвижные (танковые) соединения и авиацию. Кроме того, меньшая продолжительность дня в это время года, как правило, не позволяет в течение одного дня добиться даже тактического успеха, что резко снижает скорость проведения операций.

Другая причина заключалась в недостаточном уровне подготовки соединений, сформированных в начале войны. Осенью 1939 г. по-настоящему подготовленными к ведению наступления были только кадровые дивизии. Все остальные соединения страдали недостатками в области слаженности действий и огневой подготовки, а также внутреннего взаимодействия. Кроме того, еще не был завершен процесс пополнения танковых соединений новой техникой, начатый после завершения Польской кампании. Если имелись планы начать наступление на Западе еще осенью 1939 г., то следовало бы раньше высвободить танковые дивизии, находившиеся в Польше. Но об этом не подумал и Гитлер. В люфтваффе также имелись проблемы, которые необходимо было решить.

Таким образом, было совершенно ясно, что нельзя взять на себя ответственность за начало наступления на Западе до весны 1940 г. То, что при этом можно было выиграть время для ликвидации конфликта политическими средствами, с военной точки зрения было желательным, хотя подобная позиция для Гитлера, после того как в начале октября его предложение о мире было отклонено, не могла играть какой-либо роли.

Т.к. вопрос о планах наступления, т. е. о стратегических основах наступления на Западе, составит содержание следующей главы, здесь останавливаться на них излишне. Хочу лишь сделать одно предварительное замечание. План наступления, навязанный Гитлером 9 октября ОКХ, был половинчатым. Он не был нацелен на достижение решающего успеха в Европе, а преследовал, по крайней мере, на первом этапе, лишь единственную частную цель. Это как раз и был тот момент, который должно было разъяснить Гитлеру ОКХ, показав, что его военные советники располагают лучшим планом, чем половинчатое решение вопроса, ради которого не имеет смысла проводить эту операцию. Предпосылкой для этого является, конечно, то, что ОКХ само должно было верить в то, что предлагаемое им наступление будет иметь решающий успех!

Причины, которые побудили руководство ОКХ в те решающие недели после окончания Польской кампании занять пассивную позицию в вопросе о дальнейшем ведении войны на Западе, что фактически передало в руки Гитлера право принимать решения по военным вопросам, до сих пор не известны. Они, возможно, основывались на справедливом желании побудить его искать политический компромисс. Они могли состоять также в том, что

ОКХ справедливо не хотело повторного нарушения нейтралитета Бельгии и т. д. Однако в те дни, наблюдая за ситуацией со стороны, можно было прийти к выводу, что руководство ОКХ вообще считало успех немецкого наступления, по меньшей мере, сомнительным. Как бы то ни было, ОКХ предоставило тогда Гитлеру инициативу в области решения военных вопросов. Подчиняясь, кроме того, воле Гитлера и издавая приказы о проведении операции, с которой руководство ОКХ внутренне не было согласно, оно практически отказалось от своей роли инстанции, решающей вопросы о ведении войны на суше. Возможность, так сказать, путем контрудара восстановить свои утраченные позиции, которую предоставили ему вскоре сделанные штабом группы армий «А» предложения о новом плане ведения военных действий, ОКХ не использовало. Когда затем успех наступления на Западе, достигнутый в ходе реализации этого плана, превзошел даже первоначальные ожидания Гитлера, ОКХ стало для него инстанцией, через голову которой он считал себя в силах действовать также и в оперативных вопросах.

Гитлер принял на себя функции, которые, по Шлиффену, в наш век может иметь только триумвират: король – государственный деятель – полководец. Теперь он узурпировал и роль полководца. Но пала ли действительно «капля мирры Самуила», которую Шлиффен считал необходимой, по крайней мере, для одного из членов этого триумвирата, на его голову?

Глава 5

Борьба вокруг плана войны

Оперативный план ОКХ. – Возражения. – Намеченное наступление не может привести к решающему успеху. – Шла ли речь о новом варианте плана Шлиффена? – Какие возможности имело командование противника? – План штаба группы армий «А». – Задача: решающий успех. – Главный удар должен наноситься не на северном, а на южном фланге. – Наступление танковых соединений через Арденны. – Оборона в случае возможного контр-наступления противника должна носить активный характер. – Тщетная борьба за осуществление «нового плана». – Неоднократные обращения штаба группы армий «А» в ОКХ. – Частичные изменения, но не коренной пересмотр. – Инцидент с самолетом. – Автора смещают с его поста. – После доклада Гитлеру принимается решение в пользу предложений группы армий «А». – В какой мере они были выполнены?

Только после окончания войны широким кругам общества стало кое-что известно о появлении плана, который вместо действовавшей ранее Директивы ОКХ о плане развертывания «Гельб» от 19–29 октября 1939 г. был принят за основу нашего наступления на Западе; плана, в результате осуществления которого в Западной Европе был достигнута быстрая и полная победа над англо-французской армией, а также вооруженными силами Бельгии и Голландии. Вероятно, первым о возникновении «нового плана» сообщил английский военный писатель Лиддел Гарт, связавший его с моим именем на основании высказываний генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, моего командующего, и генерала Блюментритта, нашего 1-го офицера Генштаба в тот период.

Вследствие этого я считаю правильным попытаться теперь в качестве главного участника, на основании данных, которыми я располагаю, воссоздать картину возникновения этого оперативного плана, которому суждено было сыграть некоторую роль. Действительно, мысли, положенные в основу этого плана, принадлежат мне. Я сам составил те памятные записки, которые были направлены штабом группы армий в ОКХ.

Мы хотели добиться принятия плана наступления, который отвечал бы нашим взглядам и один был в состоянии обеспечить решающий успех на Западе. Наконец, в феврале 1940 г., уже после моего ухода с должности начальника штаба группы армий «А», у меня была возможность во время беседы с Гитлером доложить ему о планах, принятия которых штаб группы армий так долго тщетно добивался. Несколько дней спустя ОКХ издало новую директиву о наступлении, которая базировалась на наших планах и предложениях!

Я хочу, однако, однозначно заявить, что мой командующий генерал-полковник фон Рундштедт, как и мои помощники Блюментритт и Тресков, всегда соглашались с моими предложениями, кроме того, фон Рундштедт скреплял их своей подписью и отстаивал при наших обращениях в ОКХ.

И для офицера, и для историка, изучающих историю войны, было бы, по-видимому, полезно ознакомиться с историей этой борьбы за оперативный план во всех ее деталях. Но я не хотел бы затруднять читателя изложением всех наших обращений в ОКХ и, что при этом было бы неизбежным, повторением уже описанных событий. Эти обращения содержат, кроме того, аргументы и требования, которые сегодня, естественно, уже не представляют интереса, т. к. они относились к определенному периоду, и указания на то, чего можно было добиться в тот момент. Для тех, кто хочет подробнее изучить предысторию наступления на

Западе, в книге приложены директивы ОКХ (наиболее важные разделы), а также письма штаба группы армий, с которыми он обращался в ОКХ⁹⁷.

Я, следовательно, ограничусь тем, что вначале остановлюсь на основных положениях, лежащих в основе директив ОКХ. Затем я объясню, по каким причинам я считаю стратегическую концепцию ОКХ (или, вернее сказать, концепцию Гитлера, на основании которой она возникла) неудовлетворительной. После этого я изложу важнейшие положения, на которых основывалась стратегическая концепция, отстаивавшаяся штабом группы армий, сравнивая ее с оперативным планом ОКХ. Наконец, я кратко опишу, как после долгой тщетной борьбы все же удалось добиться того, что – безусловно, по указанию Гитлера – первоначальный оперативный план был изменен в духе тех положений, которые отстаивал штаб группы армий.

Оперативный план ОКХ/Гитлера

Сначала я хочу попытаться на основе директив ОКХ, которыми я располагаю, охарактеризовать основную стратегическую идею ОКХ (и Гитлера) для намечавшегося наступления. Она состояла в следующем.

В соответствии с указаниями Гитлера от 9 октября ОКХ намечало нанести усиленным правым флангом германского фронта удар в направлении на Голландию и Северную Бельгию и разгромить находящиеся в Бельгии англо-французские войска вместе с бельгийской и голландской армиями. Следовательно, эта сильная фланговая группировка имела задачу добиться решающего успеха. Она была создана в составе армейской группы «Н» и группы армий «Б» (командующий – генерал-полковник фон Бок) и развертывалась в нижнем течении Рейна и Северном Эйфеле. Группа армий «Б» состояла из трех армий. Всего в состав северного группировки входило 30 пехотных дивизий и большая часть подвижных соединений (9 танковых и 4 мотопехотные дивизии). Таким образом, здесь была сосредоточена почти половина из общего числа 102 дивизий, находившихся на Западном фронте.

В то время как на долю армейской группы «Н» выпадала задача вывести Голландию из войны, три армии группы армий «Б» должны были осуществить наступление севернее и южнее Льежа и далее через Северную Бельгию. При этом танковые дивизии должны были сыграть главную роль при прорыве позиций противника на широком фронте (задачу группы армий «А» см. ниже).

29 октября эта первая директива, изданная 19 октября, была изменена с тем, чтобы на первом этапе Голландия осталась бы в стороне от главного удара. Возможно, что это было сделано по рекомендации ОКХ. Теперь группа армий «Б» должна была наносить удар двумя армиями (4-й и 6-й) в первом и двумя (18-й и 2-й) во втором эшелоне – по обе стороны от Льежа. Позже, однако, Голландия вновь была включена в зону военных действий, причем задача вывести ее из войны выпала на долю 18-й армии.

Операция группы армий «Б», преследующая цель добиться решающего успеха, должна была обеспечиваться с юга группой армий «А». Она состояла из двух армий (12-й и 16-й), в которых насчитывалось 22 дивизии (но не было подвижных соединений), и должна была наносить удар через Южную Бельгию и Люксембург. Войска группы армий развертывались в Южном Эйфеле и в Гунсрюке.

12-я армия, следуя уступом влево, должна была, так сказать, сопровождать наступление группы армий «Б», чтобы при ее дальнейшем продвижении обеспечивать ее фланг на случай активизации противника.

16-я армия после марша через Люксембург должна была повернуть на юг, чтобы обеспечивать глубокий фланг всей операции, заняв оборону, которая проходила в основном непо-

⁹⁷ Данное приложение в книге не приводится. – Прим. науч. ред.

средственно севернее западного фланга линии Мажино между Сааром и Маасом, восточнее Седана.

Задачей группы армий «Ц», куда входило 18 пехотных дивизий, разделенных между двумя армиями, было осуществлять оборону «Западного вала» от люксембургской до швейцарской границы.

В резерве ОКХ оставалось еще 17 пехотных и 2 мотопехотные дивизии.

Целью этой операции, согласно пункту 1 Директивы от 19 октября (на основе указания Гитлера, содержавшегося в Директиве ОКВ от 9 октября), сформулированной в разделе «Общие намерения», являлся «...разгром по возможности крупных сил французской армии и ее союзников и одновременно захват возможно большего пространства на территории Голландии, Бельгии и Северной Франции как плацдарма для успешного ведения воздушной и морской войны с Англией и как широкой полосы обеспечения для Рурской области».

ОКХ в пункте 2 той же Директивы определило в качестве ближайшей задачи наступления, которое должно было проходить под руководством главнокомандующего сухопутными войсками, для обеих групп армий: «...Сковав голландскую армию, разгромить возможно большую часть бельгийской армии в районе пограничных укреплений и быстрым сосредоточением крупных – особенно подвижных – соединений создать предпосылки для безостановочного продолжения наступления крупной группировкой северного фланга и для быстрого овладения морским побережьем Бельгии».

В связи с уже упомянутым изменением директивы, которое было произведено 29 октября, ОКХ расширило задачу группы армий «Б», изменив формулировку «Общих намерений» следующим образом: «Вынудить по возможности крупные силы французской армии принять сражение на территории Северной Франции и Бельгии и разбить их, создав тем самым более благоприятные предпосылки для продолжения войны на суше и в воздухе против Англии и Франции».

В пункте «Группировка сил и задачи» ОКХ поставило перед группой армий «Б» следующую цель: «Уничтожить объединенные силы союзников в районе севернее Соммы и выйти на побережье Ла-Манша».

Группа армий «А» получала прежнюю задачу оборонительного характера – обеспечивать действия группы армий «Б», однако, и она была несколько расширена. 12-я армия, действовавшая на правом фланге, должна была теперь быстро форсировать Маас в районе Фуме и южнее его и нанести удар через укрепленную французскую пограничную зону в общем направлении на Лаон.

Лучше всего можно объяснить оперативный план, лежащий в основе обеих директив, вероятно, так: мощный правый кулак должен был разбить англо-французские войска, которые, по нашим данным, находились в Бельгии, в то время как слабый левый фланг должен был прикрывать этот удар. Целью операции в отношении территориальных задач был выход на побережье Ла-Манша. Что должно было произойти после этого первого удара, из директивы понять было нельзя.

Возражения

Первая реакция на изложенный в обеих директивах оперативный план возникла у меня не сознательно, а скорее интуитивно. Оперативные замыслы ОКХ в основных чертах напоминали знаменитый план Шлиффена 1914 г. Мне показалось довольно удручающим то, что наше поколение не могло придумать ничего иного, как использовать старый рецепт, даже если он исходил от такого человека, как Шлиффен. Что могло получиться из того, что из шкафа доставали военный план, который противник уже однажды проштудировал вместе с нами и к повторению которого он должен быть подготовлен! Ведь любой военный специалист должен был представить себе, что немцы в 1939 г. не хотят и не могут нанести удар

по линии Мажино в еще большей степени, чем в 1914 г. по укрепленному району Верден – Туль – Нанси – Эпиналь.

При этой первой, скорее интуитивной реакции я, правда, был несправедлив по отношению к ОКХ. Во-первых, потому, что план исходил от Гитлера, и, во-вторых, потому, что речь совсем не шла о повторении плана Шлиффена. Широко распространенное мнение о том, что эти два плана совпадают, верно лишь в двух пунктах. Во-первых, в 1939 г., как и в 1914 г., главный удар наносился северным флангом. Во-вторых, в обоих случаях он наносился через Бельгию. В остальном же планы 1914 и 1939 гг. были совершенно различными.

Прежде всего, была совершенно иная обстановка. В 1914 г. можно было еще, как это сделал Шлиффен, рассчитывать на оперативную внезапность, если и не в полной мере, что относится вообще к удару через Бельгию, то все же в отношении сосредоточения главных сил германской армии на крайнем северном фланге. В 1939 г. подобные намерения не могли остаться неизвестными противнику.

Далее, в 1914 г. можно было – как сделал Шлиффен – надеяться на то, что французы любезно окажут нам «услугу», предварительно начав наступление в Лотарингии. В 1939 г., однако, такой «услуги» от противника ожидать было нечего. Он, очевидно, предполагал заранее бросить навстречу нашим наступающим войскам, наносящим удар через Бельгию (по другому плану – также через Голландию), крупные силы, с которыми нам, в отличие от 1914 г., придется вести фронтальные бои. Вместо же преждевременного французского наступления в центре фронта мог быть нанесен сильный ответный контрудар по южному флангу наших главных сил, наступающих через Бельгию. Поэтому план Шлиффена нельзя было просто повторить.

Кроме того, мне стало ясно, что ни ОКХ, ни Гитлер не думали о том, чтобы взять за основу план Шлиффена во всем величии его замысла. Шлиффен составил свой план в расчете на полный и окончательный разгром всей французской армии. Он хотел, так сказать, «протянуть руку», охватить ею противника с севера, очистив, таким образом, всю Северную Францию с тем, чтобы, нанеся удар западнее Парижа, прижать, в конце концов, всю французскую армию к линии Мец – Вогезы – швейцарская граница и вынудить ее к капитуляции. При этом он учитывал риск встречных ударов в Эльзасе в начале наступления, а также то, что противник своим наступлением в Лотарингии в свою очередь поможет немцам одержать в их большой операции по охвату французской армии решительный успех.

В оперативном же плане 1939 г. не содержится замысла полного уничтожения противника. Ясно выраженной целью всей операции является локальная победа над находящимися в Северной Бельгии войсками союзников. Одновременно преследовалась цель добиться территориальных приобретений, захватить побережье Ла-Манша и получить тем самым плацдарм для дальнейшего развертывания военных действий. Возможно, что генерал-полковник фон Браухич и начальник Генштаба при составлении директив о проведении операции вспомнили слова Мольтке, написанные им во введении к трудам Генерального штаба о войне 1870–1871 гг.: «Никакой оперативный план не может с уверенностью определить ход операции, за исключением первого столкновения с главными силами противника. Только профан может предположить, что течение операции последовательно отражает заранее принятый, продуманный во всех деталях и проводящийся до конца первоначальный замысел».

Если это положение лежало в основе планов ОКХ, то последнее, очевидно, решило, что и после достижения цели операции – локальной победы на северном фланге, в Бельгии и выход на побережье Ла-Манша – можно будет определить, будет ли она продолжаться и в каком направлении. Но то, что я слышал при получении директивы о наступлении в Дюсселе, дало мне основание полагать, что ОКХ не считало, что существует возможность одержать полную победу на французском театре военных действий, во всяком случае, оно считало ее крайне сомнительной. Впоследствии это впечатление после частых посещений нашего

штаба главнокомандующим сухопутными войсками и начальником Генерального штаба еще более усилилось. Неоднократные замечания штаба группы армий о том, что полную победу одержать возможно, ОКХ никогда по-настоящему не рассматривало. Я также думаю, что и Гитлер не верил тогда в возможность вывести Францию из войны в ходе этой операции. Он скорее вспоминал в первую очередь тот факт, что мы в 1914 г. вследствие неудачи нашего наступления не имели даже базы, необходимой для ведения подводной войны против Англии. Поэтому получению такой базы – т. е. овладению побережьем Ла-Манша – он уделял такое большое внимание.

Теперь было совершенно ясно, что нельзя в рамках одной операции, как это предусматривал план Шлиффена, добиться полного разгрома Франции. Предпосылок для этого в связи с описанной выше изменившейся обстановкой больше не существовало. Если, однако, предполагать после того как будет одержана локальная победа, к которой стремилось ОКХ, развить дальнейшее наступление с перспективой выведения Франции из войны, тогда первая операция ведь должна была быть организована с учетом этой конечной цели! Она должна была преследовать цель разгромить северный фланг противника для того, чтобы в результате этого получить решающее превосходство для нанесения второго удара, который должен был обеспечить уничтожение остальных сил западных держав во Франции. С другой стороны, эта операция должна была создать для этого второго удара благоприятную оперативную обстановку. Выполнение этих обоих условий для очевидно намечавшегося второго удара, который должен был принести окончательную победу, по моему мнению, в плане первой операции не было предусмотрено.

Ударная группа немецких войск – группа армий «Б» с ее 43 дивизиями – при вторжении в Бельгию встретила бы с 20 бельгийскими, а если в войну была бы втянута и Голландия, то еще и с 10 голландскими дивизиями. Пусть эти силы по своим боевым качествам и уступали немецким, но они могли противопоставить им мощные укрепления (по обе стороны от Льежа и вдоль канала Альберта), а также естественные препятствия (в Бельгии – удлиненный до крепости Антверпен оборонительный рубеж канала Альберта и др., на юге – укрепленный рубеж реки Маас с опорным пунктом Намюр, в Голландии – многочисленные водные рубежи), которые создавали бы им благоприятные возможности для оказания сопротивления. Но через несколько дней на помощь этим силам пришли бы английские и французские войска (причем все танковые и моторизованные дивизии), уже стоявшие наготове на случай германского вторжения в Бельгию у франко-бельгийской границы. Таким образом, немецкие войска, наступавшие на фланге, не могли бы получить возможность внезапно совершить оперативный обход крупными силами. С подходом англо-французских сил они должны были бы действовать против равного им по численности противника в лоб. Успех этого первого удара должен был, следовательно, решаться в тактических рамках. Он не был подготовлен оперативным замыслом наступления.

Если бы противник более или менее умело руководил операциями своих войск, ему удалось бы избежать в Бельгии решительного поражения. В случае, если бы он не мог закрепиться на укрепленной линии Антверпен – Льеж – Маас (или Семуа), следовало все же считаться с тем, что противник, сохранив в большей или меньшей степени боеспособность своих войск, мог бы переправиться через Сомму в ее нижнем течении и с помощью имеющихся на его стороне крупных резервов создать новую оборонительную позицию. Наступление немецких войск к тому времени уже перешло бы через свой кульминационный пункт. Что же касается группы армий «А», то она в связи со стоящей перед ней задачей и имеющимися в ее распоряжении силами не смогла бы предотвратить создания нового оборонительного рубежа, простирающегося от конечного пункта линии Мажино восточнее Седана до нижнего течения Соммы. Тем самым германская армия попала бы примерно в такое же положение, как в 1914 г., после завершения осенней кампании. Единственное ее преимущество

заклучалось бы в этом случае в том, что она обладала бы широким плацдармом на берегах Ла-Манша. И так, не были бы достигнуты ни разгром группировки противника в Бельгии, в результате которого было бы создано превосходство в силах, необходимое для достижения окончательной победы, ни обеспечение благоприятной оперативной обстановки для нанесения решающего удара. Намеченная ОКХ операция имела бы только локальный успех.

Если в действительности в 1940 г. благодаря умелым действиям группы армий «Б» противник был в Бельгии опрокинут на широком фронте и бельгийская и голландская армии были принуждены к капитуляции, то этот результат (отдавая при этом дань и немецкому командованию, и ударной силе наших танковых дивизий) все же никак нельзя назвать следствием заранее спланированной операции, исход которой был предрешен. Лучшее руководство войсками наших противников могло бы не допустить подобного исхода.

Полный разгром войск противника в Северной Бельгии следует объяснить, очевидно, тем, что вследствие последовавшего изменения оперативного плана силы противника, сражавшегося в Бельгии, в результате действий танковых соединений группы армий «А» были отрезаны от своих тыловых баз и оттеснены от Соммы.

Наконец, план ОКХ упустил из виду еще одно обстоятельство – оперативные возможности, которыми могло обладать командование противника при условии смелых и решительных действий с его стороны. Что противник не способен на такие действия, предположить было нельзя, т. к. генерал Гамелен пользовался у нас хорошей репутацией. Во всяком случае, он произвел на генерала Бека, посетившего его до начала войны, прекрасное впечатление.

При условии смелых действий командование противника имело бы возможность отразить ожидавшийся им удар немецких сил через Бельгию и в свою очередь перейти крупными силами в контрнаступление против южного фланга немецких сил, действовавших на северном фланге. Даже если бы оно перебросило в Бельгию силы, которые были предназначены для усиления бельгийской и голландской армий, оно могло, ослабив гарнизон линии Мажино, что было вполне возможно, сосредоточить для нанесения такого контрудара не менее 50–60 дивизий. Чем дальше за это время группа армий «Б» продвигалась бы на запад к Ла-Маншу и к устью Соммы, тем эффективнее был бы удар, нанесенный противником по глубокому флангу немецких сил, действовавших на северном фланге. Смогла ли бы группа армий «А» с ее 22 дивизиями отразить этот удар, было неясно. Следовательно, подобное развитие операций вряд ли могло создать благоприятную оперативную обстановку для одержания окончательной победы на западном театре военных действий.

План штаба группы армий «А»

Описанные выше соображения, возникшие у меня при изучении директив ОКХ, были положены в основу предложений, которые мы делали в наших неоднократных обращениях в ОКХ, надеясь убедить его в правильности наших оперативных замыслов. Естественно, многое в них повторялось. Поэтому я кратко изложу их здесь, противопоставляя их одновременно оперативным замыслам ОКХ.

1. Целью наступления на Западе должно было являться достижение решающей победы на суше. Стремление добиться локальной победы, лежащее в основе директив ОКХ, не было оправдано ни с политической (нарушение нейтралитета трех стран), ни с военной точки зрения. Ударная сила вермахта на континенте, в конечном счете, является для нас решающим фактором. Расходовать ее на достижение локальных целей недопустимо, если учесть хотя бы такой фактор, как Советский Союз.

2. Главный удар в нашей наступательной операции должна наносить группа армий «А», а не группа армий «Б». Если бы удар, как намечалось, наносила группа армий «Б», она встретила бы подготовившегося к нему противника, на позиции которого ей пришлось бы наступать фронтально. Такие действия привели бы вначале к успеху, однако, наши вой-

ска могли быть остановлены на Сомме. Реальные шансы группа армий «А» имела при условии нанесения ею внезапного удара через Арденны (где противник не ожидал применения танков ввиду ограниченной проходимости местности) в направлении на нижнее течение Соммы, чтобы отрезать переброшенные в Бельгию силы противника от Соммы с севера. Только таким путем можно было ликвидировать весь северный фланг противника в Бельгии, что являлось предпосылкой для достижения окончательной победы во Франции.

3. Однако в действиях группы армий «А» заключается не только главный шанс, но и главная опасность для немецкого наступления. Если противник будет действовать правильно, он попытается избежать неблагоприятного для него исхода сражения в Бельгии, отойдя за Сомму. Одновременно он может бросить все имеющиеся в его распоряжении силы для контрнаступления на широком фронте против нашего южного фланга с целью окружения главных сил немецкой армии в Бельгии или южнее Нижнего Рейна. Хотя от французского командования и нельзя было ожидать такого смелого решения и союзники Франции, вероятно, возражали бы против него, все же такой вариант нельзя было не учитывать.

По крайней мере, противнику в случае, если бы он смог остановить наше наступление через Северную Бельгию на Сомме, в ее нижнем течении, удалось бы с помощью резервов снова создать сплошной фронт. Он мог бы начинаться у северо-западной границы линии Мажино и проходить восточнее Седана, затем по течению Эн и Соммы до Ла-Манша. Чтобы помешать этому, необходимо было разбить войска противника, сосредоточивающиеся против нашего южного фланга, примерно в районе южнее и севернее реки Маас или между реками Маас и Уазой. Следовало, прежде всего, прорвать фронт в этом районе, чтобы иметь возможность осуществить позже обход линии Мажино.

4. Группа армий «А», которой предстояло наносить в этой операции главный удар, должна была получить вместо двух армий три, хотя по соображениям ширины фронта в составе группы армий «Б» могло действовать больше дивизий.

Одна армия должна была, как было намечено, наносить вначале удар через южную Бельгию и Маас, затем продвигаться в направлении на нижнее течение Соммы, чтобы выйти в тыл противнику, действующему перед группой армий «Б».

Другая армия должна была действовать в юго-западном направлении с задачей нанести удар по силам противника в случае их сосредоточения для контрнаступления на нашем южном фланге в районе западнее реки Маас.

Третья армия, как было намечено, должна была севернее линии Мажино на участке Сирк – Музон (восточнее Седана) обеспечивать глубокий фланг всей операции.

В связи с переносом направления главного удара, который теперь должна была наносить не группа армий «Б», а группа армий «А», было необходимо включить в состав последней еще одну армию, которая в связи с недостаточной шириной фронта наступления должна была войти в прорыв позднее, однако с самого начала должна была находиться в ее распоряжении, и крупные танковые соединения.

Таково было в общих чертах содержание замысла, который неоднократно повторялся в наших многочисленных обращениях в ОКХ.

Борьба за план группы армий «А»

Естественно, что тогда, в октябре 1939 г., у меня еще не было готового оперативного плана. Для того чтобы простой смертный добился поставленной цели, он всегда должен много трудиться и бороться. Его голова не может создать сразу готовое произведение искусства, как, например, голова Зевса произвела на свет Афины Палладу⁹⁸.

⁹⁸ В соответствии с наиболее распространенным мифом (приводимым Гесиодом) Зевс проглотил свою первую жену Метиду, когда та забеременела, чтобы предотвратить рождение ею после Афины сына, который должен был его свергнуть.

Тем не менее, уже первое обращение штаба группы армий в ОКХ (31 октября 1939 г.), содержащее предложение относительно плана операции в случае принятия решения о наступлении, заключало в себе основные положения «нового плана». Если говорить точнее, были направлены две записки. В первой, направленной командующим группой армий главнокомандующему сухопутными войсками, ставился принципиальный вопрос о проведении наступления в данной обстановке.

В начале записки командующий констатировал, что планируемое согласно директивам от 19 и 29 октября наступление не может достичь решающего для исхода войны успеха. Распределение сил по сравнению с распределением сил противника не дает гарантии окончательного разгрома его войск, решение о проведении фронтальной операции не дает возможности нанести удары во фланг и в тыл противнику. Операция, очевидно, закончится фронтальным сражением на Сомме. Далее, командующий указал на трудности, которые стоят на пути эффективного использования танков и авиации – наших главных козырей – поздней осенью и зимой. Несмотря на это, наступление должно проводиться, если его успех создаст предпосылки для действий военно-морских сил и авиации против Британских островов. Исходя из опыта Первой мировой войны, захват части побережья Ла-Манша для этого будет недостаточным – необходимо овладеть всем побережьем Северной Франции до Атлантического океана.

Растрачивать силы армии ради достижения локального успеха (а не для достижения полной победы) при учете такого фактора в нашем тылу, как Советский Союз, недопустимо. В Европе ударная сила вермахта является решающим фактором.

Советский Союз только до тех пор будет поддерживать с нами дружественные отношения, пока мы располагаем готовой к наступлению армией. Ударная сила ее пока заключается исключительно в кадровых дивизиях, т. к. вновь сформированные части еще не достигли необходимой степени подготовки и необходимой внутренней слаженности. С одними же кадровыми дивизиями нельзя провести наступления, ставящего перед собой задачу одержать решительную победу.

Возможно, однако, что в результате усиления воздушной войны против Англии Западные державы сами начнут наступление. Еще неизвестно достаточным ли будет боевой дух французской армии в случае, если в результате давления Англии будет предпринято наступление, сопровождающееся большими человеческими жертвами. Желательно, чтобы противник принял на себя всю тяжесть наступления на укрепленные позиции и ответственность, связанную с нарушением нейтралитета Бельгии (и Голландии). Впрочем, нельзя ждать до бесконечности, пока Англия восполнит пробелы в подготовке своих сухопутных войск и авиации.

С военной точки зрения война с Англией может быть выиграна только на море и в воздухе. На континенте же войну можно только проиграть, особенно если мы будем расходовать ударную силу нашей армии не для достижения полной победы. Записка, следовательно, имела своей целью предостеречь командование от преждевременного наступления (поздней осенью или зимой). В этом отношении ОКХ было одного мнения со штабом группы армий. По-другому обстояло дело с планом намечаемого немецкого наступления. В этом отношении командующий группой армий высказался против проведения такого наступления, которое было предусмотрено в директивах, т. е. без задачи одержать окончательную победу.

Вторая записка, направленная в ОКХ штабом группы армий 31 октября, дополняла положения, высказанные командующим группой армий, конструктивным предложением о том, как, по нашему мнению, должно вестись наступление. Это предложение уже содержало

основные идеи «нового плана», хотя и в еще не законченной форме. Оно подчеркивает необходимость:

- 1) перенесения направления главного удара на наш южный фланг;
- 2) использования крупных механизированных сил с таким расчетом, чтобы они вышли, нанеся удар с юга, в тыл находящимся в Северной Бельгии войскам союзников;
- 3) включения в состав группы армий «А» еще одной армии, на долю которой должно выпасть нанесение контрудара в случае контрнаступления крупных сил противника против нашего южного фронта.

Результатов рассмотрения этих предложений в связи с предстоящим 3 ноября посещением штаба группы армий главнокомандующим сухопутными войсками и начальником Генерального штаба вряд ли можно было еще ожидать. Однако это посещение позволяло мне (по поручению генерал-полковника фон Рундштедта) доложить наши соображения. Нашу просьбу о предоставлении дополнительных сил (еще одну армию и значительное количество танковых соединений) генерал-полковник фон Браухич, однако, отклонил, сказав: «Да, если бы у меня было для этого достаточно сил!» Это показывало, что он в то время не был настроен категорически против наших планов. Во всяком случае, он обещал нам из резерва ОКХ танковую дивизию и два мотопехотных полка.

К сожалению, это посещение вместе с тем дало нам ясно понять, что руководство ОКХ относится к намеченному наступлению и, особенно, к возможности одержать на Западе решающую победу с сильным предубеждением. Они, естественно, получали информацию от командующих армиями и командиров корпусов о состоянии их соединений. Но на самом деле то, как они относились к само собой разумеющимся многочисленным пробелам в подготовке вновь сформированных дивизий, приводило к выводу, что они сами не ожидали многого от намечаемого наступления.

Для того чтобы сгладить это впечатление, несколько дней спустя генерал-полковник фон Рундштедт собрал генералов группы армий и, обрисовав оперативный замысел штаба группы армий, показал, что на Западе вполне можно добиться решающего успеха, хотя наступление целесообразно провести только весной.

6 ноября мы использовали ответ на запрос ОКХ относительно наших планов в пределах данных нам директив для того, чтобы еще раз ходатайствовать о принятии изложенных выше предложений, однако безуспешно.

Между тем гитлеровские «предсказатели погоды» – метеорологи Министерства авиации – бодро карабкались вверх и вниз по своим лестницам. В результате, достаточно им было предсказать хотя бы на небольшой период хорошую погоду, как Гитлер давал приказ о выдвижении войск в исходные районы для сосредоточения перед началом наступления. Но каждый раз «предсказатели погоды» отказывались от своих прогнозов, и приходилось давать отбой.

12 ноября мы совершенно неожиданно получили следующую телеграмму:

«Фюрер отдал приказ: на южном фланге 12-й армии или в полосе наступления 16-й армии развернуть третью группу подвижных войск⁹⁹ с задачей наносить удар через открытую местность по обе стороны от Арлона, Тинтиньи и Флоренвиля в направлении на Седан и восточнее его. Состав группы: штаб XIX армейского корпуса, 2-я и 10-я танковые дивизии, одна мотопехотная дивизия, Лейбштандарт СС, полк "Великая Германия".

Перед этой группой ставятся следующие задачи:

- а) нанести поражение переброшенным в Южную Бельгию подвижные силы противника и облегчить тем самым 12-й и 16-й армиям выполнение поставленных перед ними задач;

⁹⁹ Две другие танковые группы действовали в составе группы армий «Б». – *Прим. автора.*

б) в районе Седана или юго-восточнее его внезапно форсировать Маас и создать тем самым благоприятные предпосылки для продолжения операций, в особенности в случае, если действующие в составе 6-й и 4-й армий танковые соединения не могут быть использованы». Затем последовало специальное дополнение к директиве ОКХ.

Из текста телеграммы вытекало, что передача XIX армейского корпуса в состав группы армий «А» была произведена по приказу Гитлера. Как он пришел к этому решению? Возможно, что Гитлера навел на эту мысль доклад командующего 16-й армией генерал-полковника Буша, который незадолго до этого был у него. Генерал Буш был посвящен в мои соображения по поводу «нового плана». Вероятно, он во время доклада Гитлеру упомянул о нашем желании получить танковые соединения для быстрого прорыва через Арденны. Может быть, Гитлер и сам пришел к этой мысли. Он обладал способностью разбираться в тактических возможностях и много времени посвящал работе с картами. Он мог увидеть, что легче всего форсировать Маас у Седана, в то время как дальше танковые соединения 4-й армии столкнутся со значительными трудностями. Возможно, он понял, что переправа через Маас у Седана создаст удобный плацдарм (для форсирования реки южным флангом группы армий «Б»), и захотел, как и всегда, добиться всех заманчивых целей сразу. На практике же, как ни рады были мы получению танкового корпуса, это означало дробление сил наших танковых соединений. Поэтому командир XIX танкового корпуса генерал Гудериан вначале не был согласен с этим новым планом использования своих подразделений. Ведь он всегда отстаивал ту точку зрения, что танки надо «сколачивать» на одном направлении. Только после того, как я ознакомил его с оперативным замыслом штаба группы армий «А» и нашим стремлением перенести направление главного удара всей операции на южный фланг, в район ответственности группы армий «А», когда он увидел заманчивую цель выхода к устью Соммы в тыл противника, он стал самым ярким поборником этого плана. Его энергия вдохновляла впоследствии наши танковые части, совершившие рейд в тыл противника до побережья Ла-Манша. Для меня, конечно, было большим облегчением то, что моя мысль о прорыве крупными силами танков через Арденны, несмотря на трудности, связанные с преодолением малодоступной местности, рассматривалась Гудерианом как вполне реальная.

Что же касается, однако, передачи в состав группы армий XIX танкового корпуса, то, по замыслу Гитлера, она преследовала, безусловно, только тактическую цель, достижение которой должно было облегчить форсирование Мааса и для группы армий «Б». И в присланном ОКХ дополнении к директиве нигде не упоминается об изменении общего замысла. Я имею в виду план достижения решающей победы путем охвата группировки противника силами группы армий «А» в направлении на устье Соммы или действий, направленных хотя бы на его подготовку. 21 ноября штаб снова посетили главнокомандующий сухопутными войсками и начальник Генштаба. На совещание в Кобленц были вызваны, кроме командующих армиями нашей группы армий, также и командующий группой армий «Б» генерал-полковник фон Бок и его командующие армиями. Это совещание имеет важное значение в связи со следующим обстоятельством. Генерал-полковник фон Браухич пожелал выслушать от присутствующих командующих группами армий и армиями их соображения, а также распоряжения по осуществлению директивы ОКХ. Когда, однако, после командующего группой армий «Б» и его командующих армиями очередь дошла до нас, Браухич заявил, что ему достаточно выслушать командующих армиями. Очевидно, он хотел предупредить возможность изложения командующим группой армий своих соображений, идущих вразрез с директивой. Нам не оставалось ничего иного, как еще раз передать руководству ОКХ наши соображения о том, как должно быть организовано наступление, в виде заранее составленной памятной записки. В ней были изложены, как и в двух предшествующих записках (от 31 октября и 6 ноября), и в четырех последующих (от 30 ноября, 6 декабря, 18 декабря и 12 января) уже упомянутые раньше основные положения, на которых был основан план штаба группы армий об орга-

низации операции в целом. Эти положения в отдельных записках видоизменялись и обосновывались различными аргументами, связанными со складывавшейся к соответствующему моменту обстановкой. Так как, однако, в принципе речь шла об одних и тех же оперативных планах и предложениях, которые уже были изложены, я откажусь от повторений.

В это время Гитлер, очевидно, рассматривал вопрос об использовании XIX танкового корпуса в составе группы армий «А», а также о том, следует ли вводить в прорыв вслед за ним другие силы и как это следует сделать в случае, если удар крупных танковых сил, действующих в составе группы армий «Б», не приведет к ожидавшемуся быстрому успеху. Во всяком случае, как пишет Грейнер – ответственный за ведение журнала боевых действий ОКВ, – в середине ноября Гитлер запросил ОКХ, следует ли усилить танковый корпус Гудериана и какие для этого можно выделить силы. По Грейнеру, примерно 20 ноября Гитлер дал указание, чтобы ОКХ приняло меры, в случае если это будет необходимо, для перенесения направления главного удара из района действий группы армий «Б» в район действий группы армий «А», если там «обозначится более быстрый и значительный успех, чем у группы армий «Б».

По-видимому, для выполнения этого указания ОКХ в конце ноября перебросило XIV моторизованный корпус, находившийся на восточном берегу Рейна, за район развертывания группы армий «А». Однако он продолжал числиться в резерве ОКХ, причем было предусмотрено, что в зависимости от обстановки он будет действовать в составе групп армий либо «Б», либо «А». Остается неясным, пришел ли Гитлер сам к мысли о возможности нанесения главного удара группой армий «А» или он к этому времени уже что-либо узнал о планах нашего штаба группы армий.

Через день после упомянутой ранее речи, которую Гитлер произнес 23 ноября в Берлине перед командующими объединениями трех видов вооруженных сил, он принял генерал-полковника фон Рундштедта с генералами Бушем и Гудерианом. Во время этого приема Гитлер, как рассказал мне Буш во время возвращения в Кобленц, проявил большой интерес к соображениям штаба группы армий. Если это действительно так, то речь, очевидно, шла в первую очередь об усилении танковых войск, входящих в состав группы армий, с целью выполнить задачу, поставленную Гитлером, – прорвать оборону на рубеже реки Маас у Седана для обеспечения действий группы армий «Б». То, что генерал-полковник фон Рундштедт доложил Гитлеру наш план операций, отличающийся от плана, содержащегося в директиве ОКХ, я считаю невозможным, учитывая те шаткие позиции, которые занимал в то время главнокомандующий сухопутными войсками. Кроме того, он бы информировал меня об этом.

Что касается слов Грейнера о том, что Гитлер уже в конце октября узнал о плане штаба группы армий от своего адъютанта Шмундта, то это кажется мне сомнительным, по крайней мере, в отношении даты. Шмундт, правда, был у нас по заданию Гитлера с целью проверки сообщений о том, что условия погоды и местность не позволяют начать наступление. Во время его посещения наш начальник Оперативного отдела полковник Блюментритт и подполковник фон Тресков в неофициальном порядке сообщили Шмундту, что штаб группы армий представил, по их мнению, лучший план наступления в ОКХ.

Блюментритт затем несколько дней спустя с моего согласия (генерал-полковник фон Рундштедт очень неохотно дал на это свою санкцию) послал копию последней составленной мной памятной записки полковнику Шмундту. Показал ли тот ее Гитлеру или хотя бы генералу Йодлю, мне неизвестно. Во всяком случае, Гитлер 17 февраля 1940 г. во время изложения мной, по его желанию, соображений о том, как должно быть организовано наступление на западе, ни словом не дал понять, что он знаком с одной из памятных записок, посланных нами в ОКХ.

Я допускаю, что Гитлер в конце ноября хотел оставить за собой возможность перенесения направления главного удара из района действий группы армий «Б» в район действий группы армий «А» уже в ходе осуществления операции. Однако это еще ни в коей мере не означало отхода от прежнего оперативного плана или принятия основных положений плана штаба группы армий «А». Несмотря на переброску XIV моторизованного корпуса в качестве резерва ОКХ за район развертывания нашей группы армий, прежняя директива полностью оставалась в силе. Успех по-прежнему должен был достигаться в первую очередь главными силами группы армий «Б» в Северной Бельгии, в то время как группа армий «А» по-прежнему должна была прикрывать наступающие войска. Только в том случае, если бы оказалось, что действия группы армий «Б» не оправдывают возлагавшихся на них надежд, или если в районе действий группы армий «А» обозначился бы в скором времени успех, Гитлер хотел иметь возможность перенести направление главного удара.

Это ясно вытекало также из ответа, который я получил от генерала Гальдера – первый раз отреагировавшего на наши предложения – на нашу очередную памятную записку в отношении оперативного плана от 30 ноября. В нем было сказано, что в настоящее время намечается избрать еще одно направление главного удара, а именно, в районе действий группы армий «А», которое в случае успешного прорыва через Арденны неизбежно приведет к предложенному нами расширению цели операции и к проведению всей операции в духе наших предложений.

Из ответа генерала Гальдера следовало, что большинство наших соображений совпадает с намерениями ОКХ. Между ними существовало и различие, заключавшееся в том, что отданные ОКХ до сих пор распоряжения (относительно XIX и XIV корпусов) не привели к выбору нового направления главного удара, а лишь давали возможность принятия подобного решения. Далее в ответе говорилось: «Образование направления главного удара в результате воздействия сил, находящихся вне сферы нашего влияния, превратилось в действительности из вопроса стратегического развертывания в вопрос руководства операцией во время ее осуществления». Из этого ответа можно было сделать два вывода. Первый состоял в том, что Гитлер оставил за собой право принимать важнейшие решения и в ходе самого наступления. Второй говорил о том, что он хочет поставить выбор направления главного удара в зависимость от хода самого наступления; важнее всего, однако, было то, что он не знал или не хотел принимать плана операции, предложенного штабом группы армий. Последнее впечатление укрепилось после телефонного разговора с генералом Гальдером 15 декабря.

6 декабря я еще раз написал личное письмо начальнику Генерального штаба, в котором я снова привел все соображения, говорившие в пользу нашего оперативного плана. В этом письме «новый план» излагался уже в форме законченного предложения о проведении операции. Когда я до 15 декабря не получил на него ответа от генерала Гальдера, я вызвал по телефону 1-го обер-квартирмейстера Генштаба генерала фон Штюльпнагеля и спросил его, будет ли ОКХ продолжать хранить молчание в отношении наших предложений. В ответ последовал телефонный звонок от Гальдера, о котором я упоминал выше. Он заверил меня, что они вполне разделяют нашу точку зрения, но имеют строгий приказ оставить в силе указание о нанесении главного удара силами группы армий «Б», в остальном же оставить этот вопрос открытым до обозначения успеха в ходе операции.

В соответствии с этим можно было бы считать, что ОКХ действительно приняло наши оперативные предложения и в какой-либо форме – от своего имени – сообщило о них Гитлеру. Однако в то же время заместитель Йодля генерал Варлимонт и 1-й офицер Генштаба в Штабе оперативного руководства ОКВ будущий генерал фон Лоссберг сообщили мне, что ОКХ никогда не обращалось к Гитлеру в духе наших предложений! Эта ситуация казалась нам весьма странной.

Судя по всему ОКХ только на словах разделяло нашу точку зрения, но, во всяком случае, мысль о том, чтобы принять решение о нанесении главного удара силами группы армий «А» только во время наступления, никак нельзя было отождествлять с нашими оперативными замыслами.

Наполеон оставил рецепт: *On s'engage partout et on voit*¹⁰⁰, и это изречение стало для французов почти аксиомой, особенно после того, как их наступление в Лотарингии провалилось. Эту аксиому в 1940 г. можно было, безусловно, отнести и к действиям командования союзников, которое хотело вынудить нас наступать и совершенно правильно делало бы, ожидая этого наступления. Оно должно было избегать генерального сражения в Бельгии, чтобы затем крупными силами нанести ответный удар по южному флангу нашей наступающей группировки.

Для нас же оттягивание того момента, когда мы пустим в ход наши козыри, и отсрочка решения о том, где это произойдет, были недопустимы, т. к. оперативный план штаба группы армий был основан на внезапности нанесения удара. Удара крупных сил танков через поросшие лесом Арденны, за которыми должна была последовать пехота, противник вряд ли мог ожидать. Этот удар, однако, мог вывести нас к цели операции – нижнему течению Соммы – только в том случае, если бы удалось разбить силы противника, которые могли быть переброшены в Южную Бельгию. Одновременно с остатками этих разбитых сил мы должны были переправиться через Маас, чтобы выйти затем в тыл армиям противника, расположенным в Северной Бельгии против фронта группы армий «Б». Точно так же попытка нанести удар по крупным резервам противника на нашем южном фланге, в районе между Маасом и Уазой, еще до того, как они успеют сосредоточиться, и создать тем самым благоприятную обстановку для нанесения «второго удара», преследующего цель уничтожения остальных сил противника, могла удалиться только в том случае, если бы мы обладали здесь численным превосходством. Ждать чтобы позже решить вопрос выбора направления главного удара, смотреть «куда бежит заяц» – означало бы не что иное, как отказ от шанса нанести противнику решающий удар в Северной Бельгии путем обхода его с юга. Это означало бы одновременно, что противнику предоставлялась возможность развернуть свои крупные резервы для такого контрудара по нашему южному флангу, который мог принести ему победу. Однако командование войск противника не смогло использовать этот шанс.

Идею о том, чтобы подождать с включением необходимых сил в состав группы армий «А» и поставить выбор направления главного удара в зависимость от того, добьемся ли мы внезапного успеха с недостаточными силами, можно охарактеризовать словами Мольтке: «Ошибка в плане развертывания для нанесения первого удара непоправима».

Итак, нельзя было выжидать, как будет развиваться наше наступление, будут ли разгромлены силы противника в Северной Бельгии в результате массированного удара группы армий «Б» или одинокий XIX танковый корпус достигнет Седана. Необходимо было в случае, если бы был принят план группы армий, включить в ее состав с самого начала достаточное количество танковых соединений и три армии (даже в том случае, если третью армию можно было бы ввести в прорыв позже, после выхода на оперативный простор). В связи с этим в записке от 6 декабря я требовал для группы армий вместо двух армий с 22 пехотными дивизиями и только одним танковым корпусом три армии в составе примерно 40 дивизий, а также два подвижных корпуса. (Такой состав, впрочем, и был утвержден после принятия нашего оперативного плана, для чего потребовалось вмешательство Гитлера.)

Борьба штаба группы армий за отстаивавшийся ею оперативный план, следовательно, должна была продолжаться. Теперь речь шла главным образом о том, чтобы с самого начала операции в составе группы действовал бы не только XIX танковый корпус, но вместе с ним

¹⁰⁰ «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет» (франц.). – Прим. науч. ред.

и XIV моторизованный корпус, которые бы имели задачу нанести удар через Арденны, форсировать Маас в районе Седана и ниже его и затем наступать в направлении на нижнее течение Соммы. Далее, мы боролись, чтобы нам с самого начала была передана еще одна армия для нанесения контрудара в случае наступления противника на наш южный фланг западнее Мааса. Если бы удалось добиться и того, и другого, тогда – независимо от того, соглашалось ли ОКХ с нашим главным замыслом или нет – неизбежно речь шла бы о наступлении, целью которого являлся бы полный разгром противника, на котором мы настаивали.

Конечно, и наш оперативный план, говоря словами Мольтке, не выходил за рамки первого столкновения с главными силами противника, но только в том случае, если бы наступление из-за недостатка сил захлебнулось на своей начальной фазе.

Однако Мольтке там же говорит, что полководец должен, планируя первые столкновения с противником, «всегда иметь в виду свою главную цель». Этой целью, по нашему мнению, могла быть только решительная победа на континенте. С учетом этой цели должно было быть организовано наступление германской армии в том случае, если бы эту победу можно было завоевать только во второй фазе. Указанный выше рецепт Наполеона, которым в конечном счете объясняется осторожная позиция Гитлера в выборе направления главного удара, в другой обстановке мог бы явиться лучшим решением. Для нас он означал отказ от полной победы.

Так как мое письмо начальнику Генерального штаба от 6 декабря не привело к желаемым результатам, 18 декабря я представил генерал-полковнику фон Рундшtedту основанный на нашем оперативном замысле «Проект директивы о наступлении на Западном фронте». Этот документ должен был послужить для него основой для доклада главнокомандующему сухопутными войсками и, в случае его одобрения, также для доклада Гитлеру. 22 декабря этот проект был доложен Браухичу, однако он не был доложен Гитлеру. Кроме того, копия проекта была послана в ОКХ. Я надеялся, что конкретная форма, в которую был облечен наш оперативный замысел в этом документе, возможно, произведет более убедительное впечатление, чем наши теоретические рассуждения, что, может быть, оперативное управление теперь согласится с нашими планами. Как я узнал уже после войны, Оперативный отдел, однако, не получил от генерала Гальдера наших памятных записок о наступлении на Западе.

Во второй половине декабря состояние погоды исключало всякую мысль о наступлении. Кроме того, нам казалось целесообразным сделать перерыв в наших усилиях добиться изменения оперативного плана. Мы уже представили достаточно материалов для размышления. Поэтому мне удалось провести рождественские праздники дома. Во время моего возвращения из Лигница в Кобленц я заехал в ОКХ в Цоссен, чтобы узнать, не изменилось ли за этой время отношение к нашему проекту операции. Генерал фон Штюльпнагель вновь сказал мне, что они в ОКХ в основном согласны с нашими планами, что ОКХ связано приказом Гитлера о том, чтобы решение о выборе направления главного удара оставалось открытым. По-прежнему было неясно, говорил ли вообще главнокомандующий сухопутными войсками о нашем плане с Гитлером. Это казалось маловероятным, т. к. тогдашний начальник 1-го отделения Оперативного отдела подполковник Хойзингер сообщил, что генерал-полковник фон Браухич с 5 ноября перестал бывать у Гитлера.

С началом нового года гитлеровские «предсказатели погоды» снова оживились. Сильный мороз обещал наступление хорошей погоды, которая была бы благоприятной для действий авиации. Но холод сопровождался сильным снегопадом, в результате чего Эйфель и Арденны покрылись толстым слоем снега, что отнюдь не благоприятствовало действия танковых соединений. Гитлер, тем не менее, снова отдал приказ о занятии исходных районов.

Несмотря на это, штаб группы армий 12 января снова направил в ОКХ памятную записку, озаглавленную «Наступление на Западе», в которой опять излагались так часто повторявшиеся нами положения о проведении операции, которая должна была иметь своей

целью достижение полной победы. Хотя в тот момент нельзя было и думать об изменении директивы, штаб все же надеялся, что его замысел, так или иначе, выступит на первый план при проведении операции в рамках происходящей подготовки к наступлению. К тому же приказ о наступлении отменялся уже так часто, что можно было ожидать его отмены и на этот раз, а затем снова представилась бы возможность коренного изменения оперативного плана.

Но если мы хотели, чтобы эта возможность появилась, мы должны были устранить тормоз, который до сего времени мешал принятию нашего оперативного плана. Где же он находился? Согласно тому, что мы слышали до сих пор от ОКХ, это была точка зрения Гитлера. ОКХ неоднократно подчеркивало, что оно в значительной степени согласно с нашими предложениями, но что оно связано приказом Гитлера о выборе направления главного удара в зависимости от успеха операций. Но докладывало ли ОКХ наш план Гитлеру, план, который так сильно отличался от разработанной им директивы? Может быть, если представить Гитлеру план операций, который преследует не только локальные цели, но и с самого начала создает возможность достижения решающего успеха на Западе, его можно будет убедить в правильности последнего? (В эту возможность, по нашему мнению, по-настоящему не верили ни Гитлер, ни руководство ОКХ.)

Для того чтобы выяснить этот вопрос, письмо, подписанное генерал-полковником фон Рундштедтом, приложенное к памятной записке «Наступление на Западе», оканчивалось следующим предложением: «В связи с тем, что из приказа ОКБ группе армий стало известно, что фюрер и Верховный главнокомандующий оставил за собой решение о выборе направления главного удара при проведении операции и тем самым и руководство этой операцией, а также в связи с тем, что ОКХ не свободно при решении оперативных вопросов, я прошу доложить это предложение (имелась в виду упомянутая выше памятная записка) фюреру. Рундштедт».

Конечно, эта просьба, с которой я предложил генерал-полковнику обратиться в ОКХ и которую он с готовностью согласился скрепить своей подписью, в некоторой мере противоречила традициям германской армии. Согласно им только главнокомандующему сухопутными войсками или по его поручению начальнику Генерального штаба дозволялось обращаться с предложениями к главе государства. Однако если ОКХ действительно было согласно с нашими соображениями, оно могло всегда от своего имени доложить этот план Гитлеру. Таким образом, оно, может быть, получило бы возможность поднять свой вес в его глазах и тем самым снова вернуть себе функции высшей инстанции для руководства действиями сухопутных войск. Этот результат никто бы не мог больше приветствовать, чем я, т. к. в свое время, еще, будучи на посту обер-квартирмейстера Генерального штаба, вместе с генерал-полковником фон Фричем и генералом Бекком я так много боролся за то, чтобы ОКХ занимало подобное положение¹⁰¹.

Если бы ОКХ уже докладывало Гитлеру свои соображения, которые совпадали с нашими, и не добилось результата, то представление такого оперативного плана, исходящего от генерал-полковника фон Рундштедта, мнение которого Гитлер очень ценил, означало бы для ОКХ существенную поддержку. Может быть, тогда все же удалось бы отговорить Гитлера от того, чтобы ставить выбор направления главного удара в зависимость от успеха операций. А это, насколько мы могли судить на основании заявлений ОКХ, было главным, что стояло на пути принятия нашего оперативного замысла.

¹⁰¹ То, что штаб группы армий совсем не претендовал на афиширование своего авторства в отношении нового плана операции, явствует из того, что оно выявилось только после войны в результате бесед генерал-фельдмаршала фон Рундштедта и генерала Блюментритта с английским военным писателем Лиддел Гартом. – *Прим. автора.*

Ответ, который мы получили на эту памятную записку, разочаровал нас. В нем было сказано, что наша точка зрения о том, что ОКХ стремится только к локальным целям, неверна. Последующая задача будет поставлена своевременно. Рассматривается вопрос о том, чтобы включить в состав группы армий дополнительные силы, а также еще один штаб армии. Срок передачи этих сил будет определен главнокомандующим сухопутными войсками. Окончательное решение о выборе направления главного удара будет принято Гитлером по представлению главнокомандующего сухопутными войсками. Направлять Гитлеру нашу памятную записку, поскольку главнокомандующий сухопутными войсками с ней в основном согласен, не представляется необходимым.

Хотя в этом ответе и было сказано, что главнокомандующий сухопутными войсками в основном согласен с нашей памятной запиской, это не могло, тем не менее, скрыть от нас, что он не собирается докладывать Гитлеру о коренном изменении оперативного плана в духе наших предложений. Наоборот, прежняя директива остается в силе. Решающий удар в Бельгии должна была наносить фронтально группа армий «Б». Она, по крайней мере, в первой фазе операций, должна была действовать на направлении главного удара. Группа армий «А» по-прежнему должна была прикрывать войска, участвующие в этой операции. Ее задача не была расширена в плане нанесения удара в направлении на нижнюю Сомму в тыл войскам противника, атакованным в Северной Бельгии с фронта группой армий «Б».

Перенос направления главного удара в зону ответственности группы армий «А», как и раньше, был поставлен в зависимость от развития операций. Группа армий «А» по-прежнему не получила танковых соединений, включение которых в ее состав с самого начала операции являлось в соответствии с «новым планом» предпосылкой для достижения внезапности в Южной Бельгии и нанесения затем удара в тыл противнику в направлении на устье Соммы. Группа армий также не была уверена в усилении ее еще одной армией, которая была бы необходима для отражения удара перешедшего в контрнаступление противника. Таким образом, «ошибка в плане развертывания для нанесения первого удара», которую Мольтке считал непоправимой, не была устранена. Не желало ОКХ также решиться на шаг, который, по словам генерала Йодля, сказанным им в феврале 1940 г., «представляет собой контрабандную операцию, при которой рискуешь быть схваченным богом войны».

Очевидно, командование германской армии, как и командование союзников, не сознавая этого, пришли к общему выводу о том, что надежнее действовать друг против друга фронтально в Северной Бельгии, чем брать на себя риск смелой операции: с немецкой стороны – в случае принятия плана штаба группы армий «А»; со стороны союзников – в случае уклонения от решающего сражения в Бельгии и нанесения мощного контрудара по южному флангу наступающих немецких войск.

Между тем произошло событие, которому позже многие стали придавать решающее значение в произошедшем вслед за ним коренным изменением плана операции в духе предложений нашей группы армий.

1-й офицер Генштаба штаба 7-й авиадивизии по ошибке совершил посадку на бельгийской территории. При этом в руки бельгийцев попали, по меньшей мере, выдержки из плана использования 2-го воздушного флота во время предстоящей операции. В этой связи следовало считаться с тем, что западные державы будут информированы Бельгией о существовавшем оперативном плане¹⁰².

¹⁰² 10 января 1940 г. самолет «Мессершмитт» Bf.108, на котором находился офицер штаба 7-й авиадивизии майор Гельмут Рейнбергер, совершая перелет из Мюнстера в Кёльн, после отказа мотора совершил аварийную посадку на бельгийской территории, рядом с городом Мехелен. Рейнбергер сразу же попытался сжечь находившиеся при нем секретные документы, но ему помешал бельгийский патруль жандармов. В результате союзникам достались наполовину сожженные документы. Однако спецслужбы союзников посчитали это специально подстроенной дезинформацией. – *Прим. науч. ред.*

В действительности же этот инцидент не привел к изменению оперативного плана, хотя и можно было подумать, что он позже способствовал принятию Гитлером и ОКХ предложения штаба группы армий. Совещание, проведенное главнокомандующим сухопутными войсками с командующими группами армий «А» и «Б» и командующими подчиненными им армиями, состоявшееся 25 января в Кобленце и в Бадесберге, также показало, что основные положения плана ОКХ остались неизменными. Это совещание было проведено намного позже упомянутого выше инцидента. Задачи групп армий «А» и «Б» остались без изменений. Была только несколько расширена задача группы армий «Б», 18-я армия которой теперь должна была захватить всю территорию Голландии (а не часть территории страны, кроме района «крепости Голландия»¹⁰³, как было предусмотрено раньше). Для группы армий «А» все оставалось без изменений. Правда, штаб 2-й армии переводился в зону ответственности нашей группы армий, однако, и он, как и XIV моторизованный корпус, продолжил числиться в резерве ОКХ. Что касается XIV корпуса, то это решение осталось в силе, несмотря на мой доклад, который я составил по поручению командующего группой армий, о том, что нанесение удара через Арденны силами одного XIX танкового корпуса является половинчатой мерой. Он не обещает успеха под Седаном, т. к. противник за это время сосредоточил на Маасе крупные силы (2-я французская армия). Несмотря на эти замечания, генерал-полковник фон Браухич заявил, что он не может передать нам XIV моторизованный корпус. Это был признак того, что командование германской армии по-прежнему настаивало на том, чтобы поставить вопрос о переносе направления главного удара в район действий группы армий «А» в зависимости от хода операции. Это доказывает, однако, и то, что инцидент с попавшими в руки бельгийцев планами операции не побудил командование изменить существовавший план наступления.

Тем не менее, штаб группы армий 30 января направил в ОКХ еще одну памятную записку, дополняющую соображения, высказанные мной 25 января главнокомандующему сухопутными войсками, на основе поступивших за это время сведений о противнике. Штаб указал, что теперь следует считаться с возможностью переброски в Южную Бельгию, крупных сил противника, в частности подвижных соединений. При этих обстоятельствах нельзя рассчитывать на то, что XIX танковый корпус один будет в состоянии отразить нанесенный ими удар, он также не сможет один форсировать реку.

Это мнение подтвердилось на военно-штабных играх, проводившихся 7 февраля в Кобленце, во время которых проверялась готовность к наступлению XIX танкового корпуса и обеих армий, входивших в состав нашей группы армий. Штабные игры показали, насколько проблематичным является наступление изолированного XIX танкового корпуса. У меня создалось впечатление, что [начальник Генерального штаба сухопутных войск] генерал [Франц] Гальдер, присутствовавший на играх, наконец, начал понимать правильность нашего замысла.

В это время, однако, в моей жизни неожиданно произошли изменения. 27 января я получил сообщение, что назначен командиром XXXVIII армейского корпуса, который должен был в ближайшее время начать формироваться в тылу. Как сказал мне генерал-полковник фон Рундштедт, главнокомандующий сухопутными войсками [генерал-полковник Вальтер фон Браухич] предварительно сообщил ему о смене его начальника штаба 25 января на упомянутом выше совещании. Он объяснил это тем, что меня больше нельзя обходить при назначении на вакансии командиров корпусов, т. к. генерал [Ганс Георг] Рейнгардт, который имеет меньшую выслугу лет в своем чине, также получает корпус¹⁰⁴. Хотя мое назначение

¹⁰³ «Крепость Голландия» – около четверти территории Нидерландов, который по плану голландского Генштаба следовало удерживать силами голландской армии в случае вторжения немецких войск, границе «крепости» проходила западнее укрепленной линии «Греббе» и севернее реки Ваал (укрепленная линия «Пел»). – *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁴ Ганс Георг Рейнгардт был назначен 15 февраля 1940 г. командиром XLI танкового корпуса, назначение же Ман-

никак не могло рассматриваться как нарушение обычного порядка назначения на должности, в тот момент, когда предстояло большое наступление, такая смена начальников штабов выглядела очень странно. Вопрос о выслуге лет, который послужил предлогом для этого назначения, можно было разрешить и иначе. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что моя отставка с поста начальника штаба группы армий объяснялась желанием ОКХ отделиться от надоевшего ему настойчивого штабиста, который посмел противопоставить его оперативному плану свой.

После упомянутых выше военно-штабных игр, в руководстве которыми я еще принимал участие, генерал-полковник фон Рундштедт выразил мне в присутствии всех участников игр благодарность за мою деятельность на посту начальника штаба группы армий. В этих словах сказалось все благородное великодушие этого военачальника.

Большим удовлетворением было для меня также то, что командующие армиями, входившими в состав нашей группы, генералы Буш и Лист, а также генерал Гудериан не только выразили сожаление в связи с моей отставкой, но и высказали свое искреннее огорчение. 9 февраля я выехал из Кобленца и отправился сначала в Лигниц.

Между тем мои верные помощники, полковник Блюментритт и подполковник фон Тресков, не собирались складывать оружие и не считали, что с моей отставкой борьба за наш оперативный план должна закончиться. Я думаю, что не кто иной, как Тресков побудил своего друга Шмундта, главного адъютанта Гитлера, изыскать возможность для того, чтобы мы сами могли доложить Гитлеру наши соображения относительно плана наступления. Во всяком случае, 17 февраля я был вызван вместе со всеми остальными вновь назначенными командирами в Берлин для представления Гитлеру. После того как мы представились, был дан завтрак, во время которого, как обычно, главным образом говорил Гитлер. Помню, он показал поразительные знания новинок в области военной техники, а также армий противника. Донесение о нападении английского эсминца на пароход «Альтмарк» в норвежских территориальных водах¹⁰⁵ было использовано Гитлером для длинных рассуждений о том, что малые государства не в состоянии соблюдать нейтралитет.

Когда мы после завтрака стали прощаться с Гитлером, он пригласил меня в свой кабинет. Там он предложил мне изложить свою точку зрения об организации наступления на Западе. Знал ли он уже от своего главного адъютанта о нашем плане, и в какой мере он в этом случае был информирован, я не могу сказать. Во всяком случае, мне оставалось только удивляться тому, с какой поразительной быстротой он разобрался в той точке зрения, которую группа армий отстаивала в течение вот уже нескольких месяцев. Как бы то ни было, он вполне одобрил мои соображения. После этой беседы я сейчас же по памяти составил записку для штаба группы армий, текст которой хочу привести:

«Бывший начальник штаба группы армий "А" во время своего представления в связи с назначением на должность командира XXXVIII армейского корпуса 17 февраля 1940 г. имел возможность доложить фюреру соображения группы армий "А" относительно организации наступления на западе. Были доложены следующие соображения:

1. Задачей наступления на Западе должна явиться окончательная победа на суше. Для достижения частных целей, как они сформулированы в существующей директиве о наступ-

штейна официально состоялось 1 февраля. При этом Манштейн был произведен в генерал-лейтенанты 1 апреля 1938 г., в то время как Рейнгардт – 1 октября 1939 г. Надо сказать, что подобное заявление было всего лишь отговоркой, поскольку, например, командир 36-й пехотной дивизии Георг Линдемман получил назначение командиром корпусом лишь 1 октября 1940 г., при том, что в генерал-лейтенанты он был произведен всего лишь на 19 дней после Манштейна, т. е. опять-таки раньше Рейнгардта. – *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁵ Танкер «Альтмарк» [*Altmark*] был прикомандирован к немецкому рейдеру – тяжёлому крейсеру «Адмирал граф Шпее». После гибели «Шпее» смог прорваться в норвежские территориальные воды, имея на борту 302 пленных моряка с торговых судов. 16 февраля 1940 г. взят на abordаж моряками с британского эсминца; пленные были освобождены, а сам танкер вернулся в Германию. – *Прим. науч. ред.*

лении, например, разгром крупных сил противника в Бельгии, захват части побережья Ла-Манша, – использование вооруженных сил с политической и военной точки зрения нецелесообразно. Задача состоит в одержании окончательной победы на континенте.

При организации наступления, таким образом, с самого начала надо нацеливать войска на решающую победу во Франции, на то, чтобы сломить сопротивление французской армии.

2. Для этого необходимо, чтобы в противовес директиве главный удар наносился с самого начала на южном фланге группой армий "А", а не группой армий "Б", а также, чтобы вопрос о нем не оставался открытым. По существующему плану можно лишь в лучшем случае нанести фронтальный удар по перебрасываемым туда англо-французским войскам и отбросить их к Сомме, где наступление может быть остановлено.

В результате того, что теперь главный удар будет наносить действующая на южном фланге группа армий "А" имеющая задачей наступать через южную Бельгию и реку Маас в направлении на нижнее течение Соммы, крупные силы противника, находящиеся в северной Бельгии, после того как они будут отброшены фронтальным ударом группы армий "Б", будут отрезаны и уничтожены. Это станет возможным только в том случае, если группа армий "А" быстро нанесет удар в направлении на нижнее течение Соммы. В этом заключается первая часть кампании. За ней последует вторая часть: охват французской армии крупными силами, действующими на правом фланге.

3. Такая задача группы армий "А" требует включения в ее состав трех армий. Таким образом, на ее северном фланге необходимо развернуть еще одну армию.

2-я армия, расположенная на северном фланге группы армий, имеет задачу, форсировав Маас, нанести удар в направлении на нижнее течение Соммы, отрезав силы противника, отброшенные ударом группы армий "Б".

Южнее ее еще одна армия (12-я) должна форсировать Маас по обе стороны от Седана, затем повернуть на юго-запад и путем нанесения контрудара отразить попытки французской армии крупными силами перейти в контрнаступление западнее Мааса и разбить их.

Третья армия (16-я) должна будет вначале прикрывать участвующие в наступлении силы на их южном фланге, между Маасом и Мозелем.

Большое значение имеет нанесение авиаударов по развертывающимся для перехода в контрнаступление армиям противника, т. к. французы могут рискнуть бросить в это наступление крупные силы на фронте западнее Мааса или по обе стороны от него, возможно до Мозеля.

4. Удар одного XIX танкового корпуса в направлении на Маас у Седана является половинчатой мерой. Если противник выступит нам навстречу в Южной Бельгии крупными силами механизированных войск, то сил корпуса недостаточно, чтобы быстро разбить их и на плечах остатков разбитых войск форсировать Маас. Если противник ограничится удержанием рубежа реки Маас крупными силами, как об этом можно судить по группировке его сил в настоящее время, корпус один не сможет форсировать Маас.

Если принимать решение о том, чтобы бросить вперед механизированные соединения, то для этого в полосе наступления группы армий необходимо сосредоточить не менее двух корпусов, которые должны переправиться через Маас одновременно у Шарлевиля и Седана, независимо от наступления танков в направлении на Маас у Живе силами 4-й армии. Следовательно, XIV корпус с самого начала должен действовать вместе с корпусом Гудериана, и решение вопроса о его подчинении группе армий "А" или "Б" нельзя оставлять открытым».

Фюрер выразил свое согласие с этими соображениями. Через некоторое время была издана новая директива о наступлении. Этой окончательной директивы о наступлении я, к сожалению, не видел. Я знаю лишь, что она была составлена по указанию Гитлера 20 февраля. В общих чертах она содержала следующие положения, которые отвечали так долго отстаивавшимся нам требованиям:

1. Нанесение удара двумя танковыми корпусами (XIX под командованием генерала Гудериана и XIV под командованием генерала Витерсгейма) в направлении на Маас между Шарлевилем и Седаном и форсирование Мааса на этом участке.

2. Окончательное подчинение штаба 2-й армии (ранее находившейся в составе группы армий «Б») группе армий «А» и передача ему сил, необходимых для формирования еще одной армии. Тем самым было обеспечено немедленное введение ее в прорыв, как только это допустит ширина полосы наступления группы армий в результате поворота 16-й армии на юг.

3. Подчинение 4-й армии (раньше находившейся в составе группы армий «Б») группе армий «А», чтобы создать ей возможность маневра в направлении на нижнее течение Соммы. (Группа армий всегда настаивала на передаче ей, по крайней мере, корпуса, расположенного на южном фланге этой армии, для расширения полосы наступления. Министериальрат Грейнер утверждает, что эта армия была подчинена нам значительно раньше, в ноябре, однако это не соответствует действительности. Она была подчинена нам только в соответствии с новой директивой о наступлении.)

Эта новая директива ОКХ, таким образом, полностью отвечала соображениям, отставившимся штабом группы армий. Направление главного удара всей операции было перенесено на южный фланг, причем использовалась вся ширина фронта района, расположенного севернее линии Мажино, и существующая в нем сеть дорог. Несмотря на это, группа армий «Б» с ее тремя армиями оставалась достаточно сильной для успешного выполнения своей задачи в Северной Бельгии и Голландии.

Группа армий «А» получила теперь возможность нанести внезапный удар по противнику через Арденны и Маас в направлении на нижнее течение Соммы. Благодаря этому она могла отрезать силам противника, действовавшим в северной Бельгии, пути отхода через эту реку. Стало также возможно нанести успешный контрудар по войскам противника в случае, если бы они перешли крупными силами в контрнаступление против нашего южного фланга.

Что касается осуществления наступательной операции германской армии в мае 1940 г., я хотел бы заметить следующее.

Наступление группы армий «Б» принесло благодаря превосходству немецких войск, в особенности танковых соединений, большие результаты, чем этого можно было ожидать при неизбежном фронтальном характере наступления и необходимости преодолевать мощные укрепления на бельгийской границе. Тем не менее, решающее значение для полного разгрома сил союзников в Северной Бельгии имел удар, внезапно нанесенный через Арденны и Маас в направлении на устье Соммы и, наконец, на порты в Ла-Манше. Наряду с энергичным руководством войсками со стороны стремившегося осуществить этот замысел генерал-полковника фон Рундштедта этот успех в первую очередь, пожалуй, следует приписать несокрушимой воле, с которой генерал Гудериан проводил в жизнь оперативный план группы армий.

Победа в Северной Бельгии оказалась не такой полной, какой она могла бы быть. По данным, приведенным Черчиллем, противнику удалось эвакуировать из Дюнкерка 338 226 человек (в т. ч. 26 176 французов), хотя он и потерял свое тяжелое вооружение и всю другую технику. Это объясняется вмешательством Гитлера, дважды задержавшего наступающие танковые соединения: в первый раз во время их продвижения к побережью, во второй раз перед Дюнкерком. В обоснование последнего приказа, построившего английской армии золотой мост через Ла-Манш, приводятся три причины. Во-первых, Гитлер якобы хотел дать танкам отдых перед второй фазой кампании во Франции ввиду того, что Кейтель сообщил ему, что в районе Дюнкерката-недоступная местность. Другая причина состоит в том, что Геринг якобы гарантировал фюреру, что авиация сама сумеет помешать англичанам эвакуироваться из Дюнкерка. Учитывая стремление Геринга к поднятию своего престижа и его

любовь к хвастовству, я считаю такое высказывание с его стороны вполне возможным. Как бы то ни было, оба эти аргумента с военной точки зрения были несостоятельными. В качестве третьей причины приводят довод о том, что Гитлер – как якобы он заявил в беседе с генерал-полковником фон Рундштедтом – сознательно дал эвакуироваться англичанам, т. к. он считал, что это приблизит возможность договориться с ними. Во всяком случае то, что английской армии была предоставлена возможность эвакуироваться из Дюнкерка, является серьезной ошибкой Гитлера. Она помешала ему позже решиться на вторжение в Англию и дала затем возможность англичанам продолжать войну в Африке и Италии.

Гитлер принял замысел штаба группы армий «А», позволивший путем нанесения удара через Арденны к морю отрезать силы противника в Северной Бельгии, и дал возможность осуществить его, по крайней мере, до подходов к Дюнкерку. Однако он не полностью принял вторую его часть, имевшую целью одновременное создание предпосылок для перехода ко второй фазе операций. Немецкое командование ограничилось тем, что обеспечило прикрытие наносившим удар к побережью танковых и механизированных соединений от ожидавшегося контрнаступления противника по обе стороны от реки Маас. Для этого было проведено эшелонирование следующих за ними дивизий вдоль подвергавшегося опасности южного фланга с задачей отражать удары противника. Очевидно, слишком рискованным показался план развернуть наступление западнее Мааса на юг с целью разгромить противника в случае, если он предпримет попытку крупными силами развернуть контрнаступление, и тем самым окончательно разорвать фронт противника между Маасом и Уазой.

Как это выявилось и позже, во время похода на Россию, Гитлер обладал неким инстинктом при решении оперативных вопросов. Однако ему не хватало военно-командного опыта, позволяющего идти даже на большой риск во время операции, потому что такой человек знает, на что он идет. Так и на этот раз Гитлер предпочел худший, защитный вариант прикрытия южного фланга войск, участвовавших в первой фазе наступления, более смелому решению, предложенному штабом группы армий. Ему крупно повезло, что командование противника не решилось на контрнаступление крупными силами. Оно вполне могло бы своевременно сосредоточить около 50 дивизий для контрнаступления на широком фронте по обе стороны Мааса, а при благоприятных условиях продвинуться на восток до Мозеля, в случае необходимости временно пожертвовав территорией Голландии и Бельгии, за исключением крепостей.

Так получилось, что после окончания первой фазы немецкого наступления войска обоих противников вновь заняли позиции друг напротив друга на сплошном фронте вдоль линии Мажино до Кариньяна и далее вдоль Эн и нижней Соммы. Немцы должны были теперь снова прорывать фронт. Если вторая фаза наступления германской армий в такой короткий срок привела к полной капитуляции противника, то лишь потому, что он не смог занять достаточными силами оборону на сплошном фронте от швейцарской границы до моря, понеся такие большие потери в Северной Бельгии. Вторая причина заключалась в том, что боевому духу французской армии уже был нанесен сокрушительный удар. Не приходится уже говорить о том, что противник не располагал войсками, равноценными немецким оперативным танковым соединениям. Если бы командующий войсками союзников действовал так, как предполагал штаб группы армий «А», он развернул бы наступление крупными силами по обе стороны реки Маас. По плану группы армий, однако, силы противника в этом случае были бы разбиты еще на подходе между Маасом и Уазой. Если бы мы при этом одновременно окружили силы противника в Северной Бельгии, а затем группа армий «Б» нанесла бы удар через нижнюю Сомму с целью окружения остатков французских войск в духе плана Шлиффена, мы, в конце концов, вышли бы в тыл линии Мажино и вели бы сражение с перевернутыми фронтами.

Так как мы – за исключением эвакуации английских войск из Дюнкерка – одержали на французском театре военных действий полную победу, сказанное выше может показаться излишним. Я остановился на этих соображениях, поскольку, может быть, целесообразно было бы показать, что и при более энергичных и правильных действиях противника «новый план» мог привести к победе, даже если бы при этом в первой фазе между Маасом и Мозелем возникали бы порой критические моменты.

Глава 6

Во главе XXXVIII армейского корпуса

Обречен на стороннее наблюдение. – Оборонительные бои в нижнем течении Соммы. – Прорыв французской обороны на Сомме. – Стремительное преследование. – Перемирие

Обречен на стороннее наблюдение

Участие, которое мне суждено было принять после отставки с поста начальника штаба группы армий фон Рундштедта в наступлении на Западном фронте, было настолько незначительным, что в этих воспоминаниях можно было бы на нем вовсе не останавливаться. Если я, тем не менее, делаю это, то в первую очередь затем, чтобы отдать долг благодарности подчиненным мне храбрым войскам и их выдающимся подвигам. А кроме того потому, что действия XXXVIII корпуса после успешного прорыва французских позиций на Сомме могут послужить примером организации преследования, проводившегося от Соммы через Сену до Луары, во время которого наши войска не давали противнику прийти в себя до тех пор, пока он не был окончательно разгромлен.

В те месяцы, когда другие продолжали работать над воплощением в жизнь замыслов, которые я отстаивал, передо мной была первоначально поставлена скромная задача ожидать, пока в Штеттине¹⁰⁶ не будет сформирован штаб моего XXXVIII корпуса и входящего в его состав батальона связи. Время от времени я получал задания инспектировать на местах ход формирования новых дивизий в Померании и Позене¹⁰⁷.

10 мая 1940 г. в Лигнице, куда я приехал на пару дней в отпуск, я по радио услышал о начале немецкого наступления. Естественно, все мои мысли и горячие пожелания были в последующие дни с нашими войсками, наносившими удар через Арденны. Удастся ли нам быстро продвинуться через Люксембург и прорваться через бельгийские укрепления по обе стороны от Бастони до того, как сюда подойдут крупные силы французов? Будет ли возможно продолжить безостановочное наступление танков и форсировать Маас у Седана, тем самым обеспечив окружение северного фланга противника? Но одновременно, как это нетрудно понять, голову мою переполняли не совсем приятные мысли об инстанции, в такой момент сославшей меня далеко в тыл, в то время как на Западе осуществлялся план, за который я так долго и настойчиво боролся.

10 мая вечером прибыл приказ, согласно которому штаб XXXVIII корпуса переводился «вперед» в Брауншвейг. 13 мая я оттуда направился в Дюссельдорф, где мы поступили в распоряжение штаба группы армий «Б». В последующие дни у меня не было других занятий, кроме как в качестве празднующего осматривать взятые штурмом мощные бельгийские позиции на Маасе у Маастрихта и на канале Альберта, а также захваченный в результате внезапного нападения, оборудованный по последнему слову техники форт Эбен-Эмаель¹⁰⁸ (дальнобойные бельгийские батареи в это время еще продолжали вести огонь). Кроме того, я узнавал в штабе группы армий и в штабе 6-й армии о ходе операций. То, что я там услы-

¹⁰⁶ Штеттин был столицей прусской провинции Померания. После окончания войны эта территория вошла в состав Польши; ныне это город Щецин – столица Западно-Поморского воеводства Польской Республики. – *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁷ В данном случае имеется в виду не город Позен (Познань), а одноименный регион, который в Третьем рейхе именовался землей Варты (Ватренланд) (Вартеланд?). – *Прим. науч. ред.*

¹⁰⁸ Форт имел размеры 800х900 метров, был оборудован по последнему слову техники и считался неприступным; его гарнизон насчитывал 1200 человек. 10 мая 1940 г. в результате досконально проработанной операции отряд немецких парашютистов (74 человека) под командованием обер-лейтенанта Рудольфа Витцига принудил гарнизон к капитуляции (потери бельгийцев составили 69 человек убитыми и 40 ранеными). – *Прим. науч. ред.*

шал, свидетельствовало об отсутствии ясного представления о замыслах противника. ОКХ, по-видимому, также еще не имело таких сведений и отделялось молчанием относительно своих дальнейших оперативных планов. Оно ограничилось исключительно продлением на северо-запад разграничительной линии между группами армий.

16 мая корпус был переподчинен штабу группе армий «А». На следующий день я представлялся в Бастони – теперь уже в роли командира корпуса – моему бывшему командующему генерал-полковнику фон Рундштедту. Он, так же как и мой преемник, генерал фон Зоденштерн, и весь состав моего старого штаба, сердечно приветствовал меня, и только здесь я услышал, как успешно прошло наступление через Арденны и Маас. Наш корпус должен был войти в состав 12-й армии, которая имела задачей продолжать наступление на Запад, к нижней Сомме, в то время как новая 2-я армия должна была быть введена в прорыв фронтом на юго-запад между 12-й и 16-й армиями.

Прибыв в штаб 12-й армии, я тотчас стал свидетелем вмешательства Гитлера в руководство операциями сухопутных войск. Поступил приказ, отданный ОКХ по распоряжению Гитлера, согласно которому танковая группа Клейста должна была продвигаться только до Уазы. 12-й армии было приказано повернуть на юго-запад и перейти к обороне. 2-я армии была поставлена теперь задача действовать между 4-й и 12-й армиями, наступая дальше на Запад. Приказ мотивировался тем, что фюрер ни при каких обстоятельствах не желал допустить, чтобы хотя бы временная неудача немцев дала повод для подъема духа французского народа, который к тому времени уже был сильно подавлен. Он опасался такой неудачи, если 12-я армия, как было ранее предусмотрено, продолжала бы наносить удар дальше на Запад, к нижней Сомме, и при этом должна была бы отражать контрнаступление французских войск с южного направления западнее Мааса, направленное ей во фланг.

Здесь уже государственный деятель или даже партийный политик стал вмешиваться в дела полководца. С одной стороны, было ясно, что приостановка наступления танковой группы фон Клейста на Уазе таила в себе опасность упустить решающую победу над войсками противника в Северной Бельгии, которым эта группа как раз должна была выйти в тыл. С другой стороны, приказ предусматривал, что 12-я армия должна перейти к обороне фронтом на юго-запад, а это означало отказ от инициативы в районе между Маасом и Уазой. В действительности же крупного контрнаступления от французов в то время нельзя было ожидать. Противнику, по крайней мере, по мнению командования группы армий «А», нужно было еще около недели, чтобы подтянуть необходимые для контрнаступления силы. И это в том случае, если он вообще еще думал о таких планах. А ведь именно прикрытие южного фланга путем наступления с нашей стороны и нанесение удара в направлении на нижнюю Сомму являлись одним из центральных пунктов предложений о проведении операции, с которыми группа армий зимой неоднократно обращалась в ОКХ.

Теперь оказалось, что хотя Гитлер и не обладал смелостью временно взять на себя риск на правом фланге наступающих немецких войск, он уже осмеливался давать от своего имени указания о проведении локальных операций сухопутных войск.

Если он в то время еще мог обосновывать свое вмешательство в руководство операциями вероятностью, хотя и временной, неудачи, то это объясняется, возможно, тем, что ОКХ, вопреки прежним предложениям группы армий, не ввело своевременно в прорыв 2-ю армию, как только передовые части наступающих немецких войск форсировали Маас, будь то между 4-й и 12-й армиями для продолжения наступления на нижнюю Сомму или между 12-й и 16-й армиями для наступления на юго-запад между Маасом и Уазой. Недостаточная ширина фронта для введения в первый эшелон новых дивизий не могла быть причиной для этого. Ведь в первую очередь было необходимо иметь для руководства войсками на этих обоих лишь по необходимости противоположных направлений единый общий армейский штаб. Тогда введение в бой новых дивизий было бы своевременным и согласовывалось бы с

расширением зоны операций. Этот пример еще раз дает возможность утверждать, что оперативный план никогда не осуществляется в полном объеме, даже когда для отклонения от него не существовало веских причин. Такое мнение может себе позволить автор этого плана, претворение в жизнь которого было передано в руки других людей.

Если это вмешательство Гитлера (в противоположность приостановке наступления танковой группы фон Клейста под Дюнкерком) и не привело к серьезным оперативным последствиям, то все же поставленная им перед 12-й армией задача на оборону позволила противнику создать новую укрепленную линию по реке Эн. Во второй фазе наступления ее пришлось взламывать в ходе тяжелых боев. Возможность окончательно дестабилизировать фронт противника на этом решающем участке путем дальнейшего развития удара была утеряна без каких-либо видимых причин. А ведь именно в этом, наряду с окружением войск на северном фланге противника, состояла одна из основных идей нашего предложения о проведении операции, предусматривавшего при любых обстоятельствах переход ко второй фазе наступления.

Между тем штаб моего корпуса был переведен в Люксембург, в живописный небольшой городок Клерф. Теперь мы уже не были сторонними наблюдателями, а получили приказ принять руководство над переброской нескольких дивизий из числа следовавших за 2-й армией. Не очень почетная задача в тот момент, когда обозначалось поражение северного фланга противника.

В эти дни я получил сообщение, что мой шурин, Эгберт фон Лёш, командир бомбардировочной эскадрильи¹⁰⁹, пропал без вести под Брюсселем. Эгберт, младший брат моей жены, долго жил вместе с нами в Дрездене и Магдебурге, где он посещал школу. Моя жена его особенно любила, и мы относились к нему, как к сыну. Его молодая жена в то время жила у нас в Лигнице. Она, мать и моя жена долгие недели мучились, не получая от него известий и беспокоились: долгое время ничего не было известно о том, что случилось с самолетом, который вел Эгберт, а также о судьбе его экипажа. Можно было только с уверенностью сказать, что он был сбит во время атаки эскадрильи, которой командовал Эгберт. Только после кампании во Франции я смог навести более точные справки. После долгих поисков обломки самолета были найдены в окрестностях Брюсселя. Расспросы местных жителей показали, что самолет был подбит, видимо, огнем зенитной артиллерии при переходе в пикирующий полет. Двум членам экипажа удалось выпрыгнуть с парашютом. Один из них был убит бельгийскими солдатами еще в воздухе, другой после приземления. Мой шурин и четвертый член экипажа или погибли от зенитного огня, или разбились вместе с самолетом. Эгберт фон Лёш, одаренный юноша, был особенно любим нами. Высокий, стройный блондин, с красивыми выразительными глазами, он имел очень привлекательную внешность. Его душа была открыта всему прекрасному и доброму – все это соединялось в этом человеке, который очаровывал всех, знавших его. Обладая высоким развитием, он был отличным офицером, любившим свое дело. На случай своей смерти он оставил следующее письмо в эскадрилье: «Я прошу меня не оплакивать. Я – идеалист и умираю так же счастливо, как и жил. Более прекрасной для меня жизни на земле нет. Жаль только, что я больше не смогу служить Отечеству – и потерян для моей жены. Об этом я буду думать в последние минуты моей жизни».

25 мая корпус получил задачу сменить XIV моторизованный корпус, который генерал фон Клейст вместе с 9-й танковой и 2-й мотопехотной дивизиями оставил для прикрытия своего тыла в нижнем течении Соммы, на участке Абвиль – Амьен. 27 мая смена была произведена.

К этому времени в нижнем течении Соммы не было устойчивых фронтов. XIV моторизованный корпус вместе со 2-й мотопехотной дивизией (которую должна была сменить

¹⁰⁹ 1-й эскадрильи 30-й бомбардировочной эскадры. – *Прим. науч. ред.*

подходившая 57-я пехотная) удерживал плацдарм в районе города Абвиль на левом, южном берегу Соммы. 9-я танковая дивизия имела ту же задачу у Амьена. А между этими городами на всем протяжении Соммы располагались лишь патрули. Однако и противник не был в состоянии выделить достаточно сил для создания нового фронта за нижним течением Соммы. Перед нашим плацдармом у Амьена стояла, по-видимому, одна французская колониальная дивизия и английские части, у Абвиля – одна английская дивизия.

Приказ гласил – удерживать плацдармы. 9-я танковая и 2-я мотопехотная (которая должна была быть смещена у Абвиля) дивизии пока оставались в качестве мобильного резерва севернее Соммы. Но затем они – что было совершенно правильно – были сосредоточены, чтобы принять участия в решающих боях у побережья Ла-Манша.

Генерал фон Витерсгейм, командир XIV моторизованного корпуса, сказал мне, передавая приказ, что он не ожидает каких-либо крупных операций со стороны противника. Через час после его отъезда пришло донесение о яростных атаках противника на обоих плацдармах. И там, и там появились также крупные танковые части противника. К вечеру обе атаки были отбиты. У Амьена было подбито несколько тяжелых французских танков, у Абвиля – 30 английских легких и средних танков. Здесь только один солдат – Бринкфорт – из расчета противотанкового орудия подбил 9 вражеских танков. Он был первым рядовым, награжденным (по моему представлению) Рыцарским крестом.

По моему мнению, войска противника, атакуя на этом участке фронта, имели целью либо своими действиями облегчить положение северного фланга, находившегося под угрозой окружения, либо это были попытки создать новый фронт в нижнем течении Соммы. В отношении нас возникал тот же вопрос, что я уже раньше ставил в связи с приказом Гитлера о действии 12-й армии. Надо ли было – как значилось в приказе – и на нижней Сомме вести оборонительные бои или следовало пытаться сохранить инициативу за собой?

Оборонительная тактика, которая, судя по всему, была предписана XIV моторизованному корпусу, дала бы противнику – в этом не было сомнения – возможность создать на нижней Сомме новый сильный фронт обороны. Кроме того, в этом случае возникла бы проблема с удержанием плацдармов в районе Абвиля и Амьена, т. к. противник подтянул бы сюда дополнительные силы. Обе мотопехотные дивизии, оставленные в качестве резерва севернее Соммы, очень мало подходили для действий на этом плацдарме. Для усиления обороны плацдарма они были абсолютно не нужны. А для проведения контратаки их можно было бы использовать только в том случае, если бы противник ликвидировал бы наши плацдармы, разбил находящиеся там дивизии, а затем перешел бы Сомму.

Я не раз доказывал командующему 4-й армией, штабу которой мы были подчинены, что мы теперь должны силами двух мотопехотных дивизий (или после их смены – двух пехотных дивизий) внезапно форсировать Сомму на участке между обоими плацдармами с тем, чтобы охватить с флангов части противника, наступающие на плацдармы, и разгромить их. Мне казалось, что лучше вести корпусом маневренный бой южнее, т. е. перед рубежом Соммы, до тех пор, пока не будет закончено сражение в Северной Бельгии и можно будет продвинуть наш северный фланг через нижнюю Сомму. Наша цель должна была состоять в том, чтобы удержать этот участок и не дать противнику создать сплошной фронт на Сомме. В этом случае нельзя было отрицать, что при таком ведении операций корпус – поскольку он останется один южнее Соммы – может оказаться в трудном положении. Но надо было идти на этот риск, чтобы избежать в интересах дальнейшего ведения операции тяжелых боев против укрепившегося на Сомме противника.

К сожалению, командующий 4-й армией не принял эти наши неоднократно выдвигавшиеся предложения. Он не выделил нам для этой операции дивизий из второго эшелона, которые предназначались для форсирования реки (объяснялась ли его позиция собственным решением или решением ОКХ, – мне неизвестно), и мы были вынуждены вести оборони-

тельный бой на обоих плацдармах. Противник, следовательно, имел возможность создать сплошной фронт вдоль Соммы между плацдармами. По обычным понятиям, известна оборона за рекой или удержание ее с помощью прочных плацдармов. Но ни в каком учебнике нет сведений о том, что бой может вестись подвижно и перед рубежом реки.

В последующие дни противник продолжал атаковать наши позиции на обоих плацдармах. У Амьена в ряде случаев возникала серьезная ситуация. Однако, посетив войска, я убедился, что здесь все было в порядке. Особенно успешно отражал атаки 116-й пехотный полк (под командованием моего полкового товарища по 3-му гвардейскому полку, впоследствии генерала – [Фридриха] Херрлейна).

29 мая возник серьезный кризис на плацдарме у Абвиля. 2-ю мотопехотную дивизию сменила здесь не имевшая еще боевого опыта 57-я пехотная, которая еще не отдохнула от напряженных маршей. Атака, предпринятая вскоре противником, поддержанная английскими танками, привела на отдельных участках к прорывам и принесла нам большие потери, в т. ч., как позже выяснилось, также и пленными. Я сам выехал в Абвиль, где мне пришлось остановить и вернуть на фронт батальон, который оставил свои позиции на основании ложно понятого приказа и уже проходил через город. В конце концов, на фронте дивизии удалось восстановить положение.

Так как генерал фон Клюге в создавшейся тяжелой обстановке оставил на наше усмотрение даже решение об оставлении плацдармов, он отклонил наше повторное предложение форсировать Сомму по обе стороны Абвиля силами вновь прибывших 6-й и 27-й дивизий, с тем чтобы взять в клещи наступавшие там части.

Было ясно, что ОКХ намерено избегать любых наступательных операций до тех пор, пока не будет закончена битва в Северной Бельгии и не появится возможность провести «планомерное» развертывание сил против создаваемого сейчас неприятельского фронта.

Было также ясно, что противник не преминет воспользоваться этой передышкой, чтобы подтянуть резервы и создать новый фронт от конечного пункта линии Мажино в районе Кариньяна до устья Соммы. Между Уазой и Маасом Гитлер сам упустил инициативу и тем самым облегчил противнику создание фронта по реке Эн. Наше командование отказалось теперь также от попытки сохранить за собой инициативу на фронте южнее Соммы.

Стремительный марш к Луаре

Если в первый период немецкого наступления на Западе по существу я был в роли наблюдателя, то, по крайней мере, во второй период я мог участвовать в наступлении в качестве командира соединения.

Все наши попытки добиться от ОКХ разрешения на наступление через Сомму, пока противник не построил и не организовал за рекой сплошной обороны, оказались напрасными. Эти первые дни июня были использованы для подготовки планомерного наступления, которое 4-я армия должна была начать утром 5 июня.

На участке по обе стороны Абвиля действовал II армейский корпус (командир – генерал[-лейтенант] граф [Вальтер фон] Брокдорф[-Алефельдт]). Между ним и XXXVIII корпусом был выдвинут у Эльи XV танковый корпус генерала [Германа] Гота. Плацдарм у Амьена, который удерживала 9-я дивизия, занял XIV моторизованный корпус (командир – генерал [пехоты Густав Адольф] фон Витерсгейм), который одновременно был передан в подчинение действующей слева армии. Таким образом, для XXXVIII корпуса осталась полоса наступления шириной около 20 км по обе стороны от Пикиньи. В этой полосе в первом эшелоне первую атаку на правом фланге должна была предпринять 46-я (судетская) пехотная дивизия (командир – генерал-майор [Павел] фон Хазе), на левом фланге – 27-я (швабская) дивизия (командир – генерал-лейтенант [Фридрих] Бергман). 6-я (вестфальская) дивизия

(командир – генерал-майор [Арнольд] фон Бигелебен)¹¹⁰ оставалась сначала во втором эшелоне с тем, чтобы войти в прорыв после форсирования реки дивизиями первого эшелона.

Местность на нашем северном берегу была слегка холмистой; она медленно понижалась к Сомме, не давая укрытия войскам в связи с отсутствием лесов, а прибрежная местность южнее реки круто поднималась вверх, открывая противнику прекрасный вид на район наших исходных позиций. Ширина Соммы в несколько сот метров не позволяла просматривать обе передовые позиции благодаря зарослям кустарника на берегу реки. На южном берегу, в долине, расположились деревни Брейи, Эльи, Пикиньи и Дрель, которые, видимо, особенно прочно удерживались противником. Как и большинство французских деревень с их крепкими и добротными домами и изгородями, они были отличными опорными пунктами для ведения обороны. На возвышенности, которая находилась на южном берегу и уходила в глубину оборонительной полосы противника, деревни и большие леса также создавали противнику выгодные условия для обустройства оборонительных позиций, предоставляя также естественное укрытие для его артиллерии.

В полосе корпуса располагались две французские дивизии, одна колониальная дивизия и 13-я Эльзасская пехотная дивизия. По данным разведки, необходимо было считаться с тем, что противник располагал никак не меньшим количеством артиллерии, а, может быть, даже и превосходил нас. В связи с таким характером местности и соотношением сил я полагал, что успеха в наступлении можно достичь быстрее всего путем использования фактора внезапности. Поэтому штаб корпуса приказал собственной артиллерии не открывать огня вплоть до начала атаки. Мы отказались также от огневой подготовки атаки. Только после начала атаки предусмотрено было открытие сильного огня по высокому южному берегу и по расположенным в долине деревням, чтобы исключить всякое сопротивление оттуда при форсировании реки.

Пехота обеих дивизий, снабженная надувными лодками, понтонами и штурмовыми мостиками¹¹¹, в ночь перед атакой была выдвинута в прибрежный кустарник на нашей стороне реки. На рассвете она должна была внезапно форсировать реку, обходя деревни. Форсирование на рассвете 5 июня полностью удалось на всем фронте благодаря внезапности. Только потом противник оказал сопротивление на высоком берегу реки и в расположенных около реки деревнях. Противник сражался мужественно: африканцы – с присущими им кровожадностью и презрением к жизни, а эльзасцы – так упорно, как только можно ожидать от этого алеманнского племени, которое в Первую мировую войну дало много хороших солдат, сражавшихся на стороне немецкой армии. Действительно, было трагедией встретиться тогда с этими юношами как с врагами¹¹². Когда я беседовал с пленными, многие из них не без гордости рассказывали, что их отцы служили в германской армии, гвардии или кайзеровском флоте. Я вспоминал тогда многих эльзасских рекрутов, которых сам обучал в 3-м гвардейском полку и которые в большинстве своем были отличными солдатами, как, например, мой бывший дальномерщик, ефрейтор Дешан.

Начало атаки я наблюдал с командного пункта корпуса в небольшом лесу сравнительно близко от фронта. Как только стало ясно, что форсирование реки везде прошло удачно, я

¹¹⁰ Из этих трех опытных командиров дивизий генерал фон Хазе был казнен после неудачного покушения 20 июля 1944 г., генерал Бергман погиб на Востоке, генерал фон Бигелебен умер в конце 1940 г. – *Прим. автора.*

¹¹¹ Стандартным штурмовым мостиком вермахта являлся мостик, собираемый на трех малых надувных лодках и имевший длину 16 м, с его помощью можно было перекрыть водную преграду шириной не более 12–14 м. – *Прим. науч. ред.*

¹¹² Эльзасцы, проживающие на востоке Франции в исторической области Эльзас, происходят от древнегерманского племени алеманнов и говорят на эльзасском диалекте, который принадлежит к алеманнской группе немецкого языка. С 843 г. Эльзас входил в состав Лотарингии, в X–XVII вв. – в состав Священной Римской империи. После Тридцатилетней войны в 1648 г. Эльзас был присоединен к Франции. После поражения Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг. Эльзас и Лотарингия перешли к Германии, а после Первой мировой войны в 1918 г. вновь отошли к Франции. – *Прим. науч. ред.*

переместился вперед. Начался бой за овладение господствующим высоким берегом реки и деревнями около реки, которые надо было взять с тыла. Примечательной была сравнительно слабая активность артиллерии противника, что отнюдь не соответствовало числу обнаруженных нами батарей. Очевидно, французская артиллерия все еще жила опытом позиционной войны. Ее огонь был недостаточно маневренным, и она не могла или почти не могла в соответствии с требованиями маневренной войны быстро сосредоточить сильный огонь. Она не использовала в такой степени, как мы, выдвинутых вперед наблюдателей и не имела подразделений, которые можно было бы сравнить с нашими дивизионами артиллерийской инструментальной разведки (АИР). И в этом случае победитель, очевидно, слишком долго почивал на лаврах. Во всяком случае, для нас было приятной неожиданностью то обстоятельство, что деятельность неприятельской артиллерии была не той, что в условиях позиционной войны в Первую мировую войну.

Все же продвижение через долину Соммы было небезопасным, т. к. наведенный нами мост был в сфере действия огня противника из деревни Брельи. Однако я благополучно добрался до 63-го пехотного полка 27-й пехотной дивизии, который под командованием отличного командира, полковника [Генриха] Грейнера, только что овладел, хотя и со значительными потерями, высоким берегом. Замечательным было поведение раненых, которые под защитой мертвого пространства, образуемого высоким берегом, ожидали пока еще не прибывшего транспорта. Затем я вновь переправился через Сомму и по другой переправе добрался до 40-го пехотного полка той же дивизии, действовавшего на левом фланге корпуса. Он залег в это время у леса около Нейли, который находился в полосе наступления соседнего XIV моторизованного корпуса и удерживался еще противником. И здесь, к сожалению, мы понесли немалые потери, т. к. полк обстреливался с тыла из удерживаемого противником населенного пункта Эльи. Все же мы овладели также и господствующими над долиной реки высотами.

Действовавшая справа 46-я пехотная дивизия также удачно форсировала реку и овладела высоким берегом. Итак, можно было быть довольным результатами первого дня наступления, хотя бои за населенные пункты и затянулись до ночи.

От соседей нам стало известно, что XV танковый корпус также форсировал реку. Правда, его дальнейшее продвижение еще долго задерживалось противником, стойко оборонявшим крупный населенный пункт Эррейн. В результате этого противнику удалось блокировать столь необходимые для автомашин дороги.

Левый сосед, XIV моторизованный корпус, который после артиллерийской подготовки начал наступление с Амьенского плацдарма, не смог развить наступление танков, очевидно, ввиду наличия здесь обширных минных полей. В дальнейшем корпус развернулся на юг, так что наше продвижение проходило позже без связи с ним.

Наступление 5 июня, кроме овладения высоким берегом реки, дало также такой выигрыш пространства южнее Соммы, что ночью были переброшены через реку первые батареи. Но оставалось еще неясным, разбит ли противник или же он будет пытаться организовать упорную оборону в глубине своей позиции. В такой ситуации донесения, могущие прояснить этот важнейший вопрос, обыкновенно отсутствуют. Туман неизвестности – единственное, что на войне есть всегда, – скрывал от нас обстановку и намерения врага.

Неосторожное продвижение вперед может привести к тяжелому поражению. С другой стороны, потеря нескольких часов может дать противнику возможность организовать новые оборонительные позиции, которые затем снова придется прорывать с большими потерями.

Военачальнику, который в такой обстановке будет ждать, пока надежные донесения не прояснят ему положение на фронте, вряд ли улыбнется военное счастье. Он неизбежно упустит выгодный момент. По этой причине ранним утром 6 июня я уже был на выдвинутом на южный берег Соммы командном пункте 46-й дивизии. Конечно, после напряжения вчераш-

него дня войска еще не совсем пришли в себя. Я указал на необходимость незамедлительно начать преследование, т. к. дивизия, по-видимому, не имела непосредственного соприкосновения с противником. Затем я поехал вперед, приказав начать выдвижения подразделениям 42-й дивизии, которые не имели приказа, хотя перед ними слышался шум боя, и прибыл в правофланговый полк корпуса. Полк, собственно, был готов к наступлению, но хотел выждать результатов артиллерийского обстрела лежащей перед ним деревни Куази, прилегающих высот и опушек леса. Разведанных о противнике не было. Так как я предполагал, что ни деревня, ни высоты, ни опушки леса не заняты противником, я приказал командиру немедленно выступить широким фронтом, но в расчлененных боевых порядках. Если противник действительно находится перед фронтом, он обнаружит себя и будет подавлен артиллерией. При наступлении в указанном мною порядке не надо было опасаться больших потерь. Так как командир, очевидно, сомневался в правильности моего решения, я сам поехал вперед на своем легковом автомобиле. Мы достигли въезда в деревню Куази и натолкнулись на баррикаду, которую никто, однако, не защищал. Из деревни доносились одиночные выстрелы, очевидно, отставших солдат. После короткой разведки мы въехали в деревню, которую противник оставил, так же как и прилегающие высоты и опушку леса. С этими сведениями я вернулся в полк, который к этому времени уже выступил, и рекомендовал ему в будущем самому производить разведку. Естественно, командир корпуса существует не для того, чтобы изображать из себя разведывательный дозор. В данной обстановке, однако, был необходим яркий личный пример, тем более что войска еще не знали меня, и я был уверен, что предварительным условием действительного преследования является инициатива начальников. Особую радость доставил мне восторг моего адъютанта обер-лейтенанта фон Швертнера и моего молодого водителя фельдфебеля [Фрица] Нагеля, вызванный нашим случайным разведывательным рейдом.

Вечером я побывал в двух полках 27-й дивизии, которые наступали на деревню Сейсмон. Несколько неожиданно я остановился на переднем крае у одного командира роты. После того как он информировал меня об обстановке, он счел уместным в свою очередь воспользоваться присутствием высокого начальника. Я должен был, лежа на животе, разложить мою большую карту и подробно информировать его об общей обстановке, насколько я ее сам знал. Только после того, как я утолил его жажду знаний, я смог поехать обратно, взяв одного раненого, который также горячо интересовался моей информацией об обстановке. К счастью, обратный путь был недолог, т. к. командный пункт корпуса был перенесен за это время ближе к фронту в лес.

7 июня была введена в бой на правом фланге корпуса 6-я пехотная дивизия, которая еще за день до этого выдвинулась на южный берег Соммы. Бравые вестфальцы, которые всегда были хорошими солдатами, показали замечательное стремление к продвижению вперед. Когда я утром прибыл в эту дивизию, я узнал, что сильно пересеченный участок Пуа, который мог быть хорошим прикрытием для противника, был преодолен, городок Пуа уже был взят, а полк стремительно наступал на деревню, расположенную по ту сторону этого участка. Правда, Пуа и дороги, ведущие в этот городок, находились под довольно неприятным воздействием огня дальнобойной артиллерии противника. Несколько развеселил нас один водитель машины с боеприпасами, который во время обстрела дороги искал укрытия под своей машиной, нагруженной снарядами.

Вечером я вновь был в одном полку 46-й дивизии, который располагался еще перед рубежом реки Пуа. Но и здесь удалось к вечеру оставить этот рубеж позади, после того как было обеспечено необходимое взаимодействие с тяжелым оружием и артиллерией, взаимодействие, которое здесь сначала было плохо организовано.

27-я дивизия, которой пришлось вести самые тяжелые бои, была отведена во второй эшелон, т. к. преследование развивалось в хорошем темпе. Ее должна была сменить на левом фланге корпуса только что приданная ему 1-я кавалерийская дивизия.

8 июня продолжалось преследование, причем темп снова задавали вестфальцы. 46-я дивизия донесла о 100 вражеских танках, против которых были направлены штурмовики. Однако захватить эти танки, используя налет штурмовиков, не удалось. Они скрылись, хотя при более решительных действиях их можно было захватить.

Ход боев 7 и 8 июня дал возможность командованию корпуса судить о том, что разбитый противник не в состоянии оказывать сопротивление, кроме как на непродолжительное время и на отдельных участках. Можно было предполагать, что противник стремится спасти оставшиеся силы, отведя их за Сену. За нижним течением этой реки он будет, вероятно, пытаться снова организовать сопротивление, используя еще оставшиеся резервы. Корпус должен был, следовательно, сделать все, чтобы как можно быстрее форсировать Сену, прежде чем враг найдет время и возможность организовать оборону реки. Хотя корпус к вечеру 8 июня был еще в 70 км от Сены, командование корпуса отдало приказ дивизиям первого эшелона не только достичь 9 июня Сены своими моторизованными передовыми отрядами, но и форсировать ее. Основная часть пехоты и артиллерии на гужевой тяге должна была быстрым маршем следовать за моторизованными отрядами, с тем чтобы на следующий день также достичь Сены. 6-я дивизия должна была форсировать Сену у Анделя, 46-я дивизия – у Вернона.

От войск требовалась чрезвычайная выдержка: им пришлось в течение четырех дней подряд вести бои и преследование. На войне бывают моменты, когда командир должен ставить самые жесткие требования войскам, если он не хочет упустить благоприятной ситуации, в результате чего войскам пришлось бы дорого заплатить за то, что было упущено.

8 данным случае в пользу быстрых действий говорили также оперативные соображения. Французы, видно, были еще полны решимости защищать Париж. Крупные силы противника занимали позиции вокруг Парижа, проходившие севернее города от Уазы до Марны. Если бы удалось быстро форсировать Сену ниже Парижа, судьба этих позиций была бы предрешена, т. к. войскам, занимавшим эти позиции, ничего не оставалось, как только быстро эвакуироваться из Парижа, если они не хотели подвергнуть себя опасности быть отрезанными. Обстановка, следовательно, диктовала командованию корпуса предъявить войскам высокие требования. Она требовала от командиров всех степеней смелой инициативы и быстрого принятия решений. Необходимо было использовать такую благоприятную ситуацию.

9 июня с раннего утра до позднего вечера я все время разъезжал, чтобы обеспечить выполнение поставленной задачи обеими дивизиями первого эшелона. С радостью я мог установить, что наши пехотинцы, несмотря на предшествовавшее напряжение, бодро прилагали все силы, чтобы достичь цели – Сены.

Несмотря на это, не все, конечно, шло гладко. В 6-й дивизии, правда, все шло хорошо. Рано утром я встретился с командирами обеих дивизий, а затем посетил 46-ю дивизию. Когда я затем в полдень прибыл на место переправы 6-й дивизии у Анделя, я установил, что передовые отряды уже достигли Сены. Находившийся там штаб дивизии принял меры для предполагаемого вечером форсирования реки. К сожалению, мост был взорван противником еще до того, как передовой отряд достиг места переправы. Живописно расположенный на высокой скале городок Андель пылал после налета штурмовиков, чего мы в данной обстановке никак не могли желать в качестве извещения о нашем прибытии.

В 46-й дивизии создались, однако, некоторые трудности. Прежде всего, дивизия начала наступление на 3 часа позже назначенного срока. Когда я после посещения 6-й дивизии вновь прибыл в 46-ю, она потеряла всякую связь со своим передовым отрядом, который, во

всяком случае, не достиг еще Сены, как этого сумел добиться передовой отряд 6-й дивизии. Когда я ехал опять в 6-ю дивизию, мне ничего не оставалось, как дать понять командиру 46-й дивизии, что я хочу с ним встретиться вечером на его переправе у Вернона. Я сказал ему, что он должен прибыть туда, по крайней мере, со своим потерянным передовым отрядом.

Возвращаясь снова в Андель, я увидел, что переправа через Сену в трех местах идет полным ходом при слабом сопротивлении противника. Пехота и артиллерия на гужевой тяге сделали все, чтобы своевременно в этот день достичь Сены.

Когда я около 7 часов вечера прибыл в Верной, то действительно застал там командира 46-й дивизии со своим передовым отрядом.

К сожалению, и здесь противник успел разрушить мост. Так как с южного берега Верной обстреливался сильным минометным огнем, я приказал передовому отряду переправиться ночью под прикрытием темноты.

При таком стремительном преследовании я не мог использовать прибывшую в корпус 1-ю кавалерийскую дивизию так, как я этого хотел. Она еще была довольно далеко, а, кроме того, мне ее передали из подчинения штаба армии с ясным указанием использовать ее для прикрытия левого фланга армии у Парижа на Уазе. Впрочем, дивизия донесла мне, что еще она находится далеко от моих передовых дивизий – ее атаковали крупные танковые силы противника. Ясно, речь шла здесь о танках, которые ранее скрылись от 46-й дивизии и действовали теперь в нашем тылу на фланге.

Когда я вновь после короткой ночи 10 июня прибыл в Верной, первые части 46-й дивизии уже переправились через реку. Так XXXVIII армейский корпус первым вышел на южный берег Сены. Войска могли по праву гордиться проведенным ими преследованием. Я был счастлив, что благодаря быстрым действиям корпуса мы избежали, может быть, тяжелых боев за переправу через Сену.

Но положение корпуса все еще было не из легких. Он один стоял на южном берегу Сены. Действовавший справа от него XV корпус достиг Сены у Руана только 10 июня, т. е. днем позже, и был повернут на Гавр. Следовавший за ним II армейский корпус был еще далеко от Сены. На левом фланге совершенно неясна была обстановка в районе Парижа, о гарнизоне которого ничего не было известно. К тому же XXXVIII корпус нуждался еще в двух днях, чтобы переправить через реку все свои силы. Легкие понтонные мосты, навешенные у Анделя и Вернона, были все время объектом неоднократных налетов английской авиации, которой удалось на некоторое время вывести из строя мост у Вернона. Если бы командование противника располагало на этом фланге какими-либо резервами, если бы оно проявило инициативу, то оно могло бы атаковать изолированно расположенный на южном берегу Сены XXXVIII армейский корпус.

Командующий 4-й армией генерал-полковник фон Клюге сообщил мне в начале наступления, что оперативная задача армии, полученная от ОКХ, заключается в том, чтобы «захватить плацдармы южнее Сены». Хотя ОКХ не намерено было искать решения этой второй фазы французской кампании в духе плана Шлиффена – путем выдвижения вперед сильного северного фланга для глубокого охвата западнее Парижа, как в свое время было предложено мною, – а собиралось осуществить, как это теперь ясно, с большим успехом удар массированных танковых сил восточнее Парижа на юг, указанная 4-й армии задача была слишком скромна. Даже если планировалось добиться успеха в результате нанесения удара восточнее Парижа и, следовательно, прорыва группы армий «Ц» через линию Мажино, а наступление группы армий «Б» к нижней Сене должно было представлять собою вспомогательные действия, то все же было необходимо удержать инициативу и на внешнем фланге. Группа армий «А» начала наступление через Эн только 9 июня. Было еще трудно предвидеть, принесет ли ее удар действительно желаемый решающий успех. Кроме того, надо было предполагать, что противник, имея в виду как раз план Шлиффена, знал об опасности глу-

бокого охвата через нижнюю Сену и принял свои контрмеры. Тем более важно было удерживать инициативу и на правом фланге и не дать противнику времени развернуться здесь для обороны или для наступления. Если, следовательно, по моему мнению, оперативная задача 4-й армии требовала немедленного продолжения наступления южнее Сены, то и XXXVIII армейскому корпусу, как мне казалось, не следовало выжидать на плацдарме до тех пор, пока противник не сосредоточит против него превосходящие силы.

Я запросил согласия штаба армии начать наступление на юг сразу после того, как корпусная артиллерия будет перебросена через реку, вместо того чтобы, как было приказано, удерживать плацдарм, который корпус расширил за это время до реки Эр. 27-я пехотная дивизия заранее была выдвинута на южный берег Сены. 11 июня я попросил разрешения перебросить на южный берег Сены также и 1-ю кавалерийскую дивизию, укрепившуюся на Уазе и одержавшую в этот день прекрасную победу над упоминавшимися раньше танками. В данной обстановке мне казалось совершенно естественным, чтобы единственная наша кавалерийская дивизия была бы первой и в преследовании. Я предполагал выдвинуть ее впереди корпуса с задачей быстро перерезать с юго-востока железные дороги и шоссе, ведущие в Париж.

К сожалению, мои предложения отклонили. Мне сообщили, что армия ждет указаний о дальнейшем наступлении. 1-я кавалерийская дивизия была затем у меня отобрана и переподчинена I армейскому корпусу, находившемуся во втором эшелоне, с тем чтобы она могла при любых обстоятельствах по-прежнему прикрывать севернее Сены фланг на Уазе. Так, к моему сожалению, эта прекрасная дивизия не получила задачу, которая так подходила именно ей!

Вечером 11 июня произошли два события, которые, по моему мнению, подтвердили правильность наших соображений. В расположении 58-го пехотного полка 6-й дивизии был сбит самолет, у летчика которого был найден приказ, содержащий данные об отступлении противника на широком фронте. Следовательно, необходимо было следовать за ним по пятам. С другой стороны, 46-я дивизия донесла, что против нее ведется крупная танковая атака – признак того, что наше пребывание южнее Сены было явно очень неприятным для противника. Дальнейшая проволочка со временем могла не усилить для него эту неприятность, а лишь уменьшить ее.

Утром 12 июня 46-я дивизия, только что отбившая с большими для себя потерями атаку, донесла, что противник сосредоточивается перед ее фронтом, и срочно просила помощи (в донесении говорилось о ПО вражеских танках). Я решил на свой страх и риск начать наступление всеми тремя дивизиями. Но едва только я отдал приказ, как появился командующий армией. Хотя он и одобрил мое намерение, но полагал все же, что ввиду отсутствия новых оперативных указаний от ОКХ лучше подождать. Он был озабочен, конечно, главным образом тем, что мой корпус будет действовать впереди один. Он отдал, поэтому строгий приказ не продолжать наступление за линию Эвре – Паси – приказ, который еще раз был подтвержден для верности в вечернем приказе по армии.

Наступление 27-й дивизии, действовавшей слева, проходило успешно, 46-я же дивизия донесла, что она не может выступить. На южном берегу она не имела в достаточном количестве артиллерии, боеприпасов, продовольствия. Кроме того, она должна была отражать атаки танков, правда, их было всего 50–60.

В следующие дни бой опять принял характер преследования. 13 июня II армейский корпус справа от нас также форсировал Сену. В этот день наш штаб разместился в небольшом замке, который принадлежал известной писательнице Колет Дарвиль. К сожалению, она отсутствовала. Я переночевал в ее спальне, которая одновременно служила салоном, была очень элегантно обставлена и по старым традициям имела собственный выход в парк. Мы с удовольствием воспользовались бассейном в парке.

14 июня нас посетил главнокомандующий сухопутными силами [генерал Вальтер фон Браухич]. Я сообщил ему об успехах корпуса, что он принял к сведению, но ничего не сказал о дальнейших целях.

15 июня генерал-полковник фон Клюге сообщил мне, что армия теперь должна овладеть городом Ле-Ман. Необходимо стремительно преследовать противника, не ожидая соседей. Нам это было ясно, что так надо поступать, давным-давно!

16 июня дивизии корпуса снова натолкнулись на линии Ферте – Видам – Сенонш – Шатенёв на организованное сопротивление. Это были части 1-й, 2-й и 3-й механизированных дивизий, которые действовали во Фландрии, были эвакуированы из Дюнкерка и снова выгрузились в Бресте. Кроме того, вновь появились части двух колониальных бригад (спаги) и одной марокканской дивизии. Вечером сопротивление противника было сломлено. И здесь прекрасное впечатление оставили части 6-й дивизии, которые я посетил при объезде всех дивизий. Вечером мы получили от армии приказ, где нам указывалось направление: Ле-Ман – Анжер на Луаре. I армейский корпус должен выдвинуться слева от нас, и 46-я дивизия должна быть передана ему. XV танковый корпус, за исключением одной дивизии, которая должна была овладеть Шербуром, получил направление на нижнюю Луару, с тем чтобы «образовать там плацдармы». Вот в чем, оказалось, заключался оперативный план.

17 июня стало известно об отставке Рейно и о назначении старого маршала [Арни] Петена¹¹³. Должен ли был он организовать сопротивление или политики хотели предоставить старому заслуженному солдату Первой мировой войны право подписать капитуляцию?

Поступивший 18 июня приказ фюрера требовал самого энергичного преследования, что для нас тоже не было новостью. Далее, в нем требовалось быстрое занятие «старых имперских областей Туль, Верден, Нанси», заводов Крёзо и портов Брест и Шербур. Мы совершили форсированный марш, в котором один полк прошел 78 км. Моторизованный передовой отряд под командованием полковника [Фрица] Линдемана достиг района западнее Ле-Ман. Я переночевал в замке Бонетабль средневековой роскошной постройки. Впереди, за валом с подъемным мостом – фронтальная стена с четырьмя большими башнями со стенами толщиной в три метра. Сзади – двор, в углах которого также возвышались две башни. Наряду с замками на Луаре, которые мне вскоре пришлось увидеть, это было самое великолепное строение, которые я видел во Франции. Внутреннее убранство также было великолепным, в замке еще находилась часть прислуги. Владелец замка, г-н Рошфуко герцог Дуденьский¹¹⁴, к сожалению, бежал.

Утром 19 июня, чтобы попасть в передовой отряд Линдемана, я проехал 50 км, не увидев ни одного немецкого солдата. Я прибыл в Ле-Ман, куда в качестве победителя 70 лет назад вступил мой дед, и осмотрел там великолепный собор. По дороге мне встречались отряды французских солдат, которые двигались на восток без оружия, и целый артиллерийский дивизион со всеми орудиями и машинами, сдавшийся Линдемани. Армия противника явно начала распадаться. Несмотря на это, отряд Линдемана задержался перед участком реки Майен у Лиона – Анжера. На противоположном берегу были обнаружены вражеские пулеметы, обстреливавшие мост, и танки. Линдеман тщетно пытался подавить их огнем одной батареей 100-мм орудий, бывшей в его распоряжении. Я направился в сторону от моста на передний край у реки и выяснил, что, очевидно, в стороне от моста вообще не было противника или здесь были очень небольшие силы. Я порекомендовал одному командиру роты, который, по-видимому, выжидал на берегу, оставит ли противник мост, форсировать реку ниже по течению. Если он захочет, я буду его сопровождать. Это предложение подейство-

¹¹³ После поражения французских войск премьер-министр Франции Поль Рейно 16 июня 1940 г. был вынужден передать власть стороннику соглашения с Германией Анри Петену. – *Прим. науч. ред.*

¹¹⁴ Имеется в виду Арман I да Ла Рошфуко (1870–1963), виконт да ла Рошфуко (de La Rochefoucauld), герцог де Дудевиль (Doudeauville). – *Прим. науч. ред.*

вало. Через некоторое время солдаты роты, раздевшись, прыгнули в реку, переплыли ее и без всяких потерь достигли берега. Мост, на подступах к которому, к сожалению, уже лежали убитые, был захвачен! Я оставался еще в передовом отряде, пока он не начал продвижения на противоположном берегу, и затем возвратился на свой командный пункт. Все же противник несколькими танками и пулеметами задержал отряд на Майене 8 часов. Сразу же по прибытии на командный пункт я отослал моего первого адъютанта обер-лейтенанта Графа вновь к Линдеману со строгим приказом передовому отряду еще ночью перейти Луару. Действительно, он застал этот отряд готовящимся перейти на отдых на этом берегу. Адъютант добился однако того, чтобы отряд перешел реку ночью, причем он сам сел в первую надутую лодку.

Ночью на КП корпуса прибыли донесения от обеих дивизий о том, что передовые отряды переправились через Луару. Я тотчас же выехал вперед и был поражен величиной реки, которая на западной переправе у Инграда была около 600 м ширины и имела сильное течение. На высоком мосту были взорваны два пролета. В этом промежутке надо было навести понтонный мост, причем ввиду разницы в высоте в 9 м пришлось использовать крутые сходни. Позже было страшно трудно съехать по этим сходням на автомашине. Во всяком случае, тяжелые машины надо было перевозить, что было довольно трудно при такой ширине реки, сильном течении и наличии многих отмелей.

У другой переправы около Шалона дело было проще, поскольку река здесь разделялась на три рукава. Мосты через оба северные рукава оказались в наших руках невредимыми, в связи с этим надо было навести мост только через последний рукав шириной 160 м. Здесь я наблюдал своеобразную дуэль. Утром французские солдаты показывались на том берегу только невооруженными. К вечеру же перед обоими мостами появились тяжелые танки. Наши части, выдвинутые на другой берег, не смогли их сдержать, т. к. орудия и зенитная артиллерия не могли быть еще переброшены туда. Так, на переправе у Шалона я увидел, как одновременно на нашей стороне изготовилось к открытию огня 88-мм зенитное орудие, а на другой стороне – тяжелый танк, и оба одновременно открыли огонь. К сожалению, наше орудие было тотчас же подбито. В тот же момент, однако, появилось наше легкое противотанковое орудие, которое удачным попаданием в самое уязвимое место неприятельского 32-тонного танка¹¹⁵ подожгло его.

Вечером я остановился в замке Серран, расположенном недалеко от Шалона. Это было огромное роскошное здание, окаймленное мощными башнями и подковой окружавшее парадный двор. Вокруг замка был устроен ров. Замок принадлежал герцогу Тремую, князю Тарентскому¹¹⁶. Это одно из самых видных имен старой Франции. Последний титул герцоги унаследовали около 1500 лет назад, породнившись с фамилией Анжу в Неаполе. Но им не удалось там занять трон, которым завладел Фердинанд. Один из членов семьи Тремуй вместе с Байардом были единственными лицами, имевшими прозвание «рыцаря без страха и упрека». В замке хранилось, особенно в чудесной библиотеке, много исторических документов еще тех времен, когда его владельцы были сторонниками Стюартов. Весь нижний этаж был, однако, недоступен, т. к. здесь была сложена, как и в других замках, мебель королевского дворца в Версале. Сам я разместился в одной из комнат в башне, на верхнем этаже, которая была устроена как салон для *grand lever*¹¹⁷, с великолепной кроватью под восьмимет-

¹¹⁵ Скорее всего имеется в виду французский тяжелый танк В1 (Chat de bataille В1). Его боевая масса – 31,5 тонны; экипаж – 4 человека. Танк имел 75-мм пушку установленную в корпусе справа от механика-водителя, 47-мм пушку в литой башней два 7,5-мм пулемета. По состоянию на 10 мая 1940 г. во французской армии числилось 300 танков В1 всех модификаций. – *Прим. науч. ред.*

¹¹⁶ Эта линия рода пресеклась в 1933 г. со смертью Луи Жана Мари 10-го герцога де Ла Тремуй, 11 – го герцога де Туар, князя Тарентского. – *Прим. науч. ред.*

¹¹⁷ Церемония утреннего туалета королевы. – *Прим. науч. ред.*

ровым балдахином. Рядом находилась роскошная комната для одевания с чудесным потолком в своде. Замок, отделанный с фасада белым камнем и имевший четыре огромные башни из серого камня, был расположен в огромном парке. Великолепная парадная лестница со сводчатым потолком в стиле ренессанса вела в залы первого этажа, чудесно украшенные картинами и гобеленами. Понятно, что здесь, как и во всех других местах, мы внимательно относились к чужой собственности и бережно с ней обращались.

К 22 июня нам удалось переправить 6-ю и 27-ю дивизии на южный берег Луары. Передовые отряды продвинулись еще глубже. Множество французских солдат сдавалось в плен.

23 июня мы получили известие о том, что за день до этого было подписано перемирие в Компьенском лесу. Кампания во Франции окончилась. В своем приказе по корпусу я поблагодарил солдат подчиненных мне дивизий, которых «не защищал ни один танк и не везла ни одна машина», за их самопожертвование, героизм и отвагу. Они смогли благодаря успешному наступлению организовать преследование противника на глубину 500 км, которое по праву носит название «марш-бросок к Луаре». «Колесо истории повернулось?!» Но от Компьена 1918 г. до Компьена 1940 г. лежал долгий путь¹¹⁸. Куда он поведет нас дальше?

Глава 7

МЕЖДУ ДВУМЯ КАМПАНИЯМИ

ОКХ готовит частичную демобилизацию. – Заседание Рейхстага в Берлине. – «Что же дальше?» – Отсутствие военного плана. – Победа над Англией при помощи воздушной и морской войны? – Борьба за Средиземное море? – Вторжение на Британские острова? – Была ли осуществима операция «Морской лев»? – Причины отказа от вторжения. – Запоздалое решение, незначительные успехи в «Битве за Англию». – Политическая позиция Гитлера по отношению к Великобритании. – Огромный риск войны на два фронта

День победы над Францией стал для Германии искуплением за черный день поражения 11 ноября 1918 г., что было зафиксировано подписанием соглашения в салон-вагоне маршала Фоша в Компьене. Теперь Франция должна была подписать свою капитуляцию в том же месте, в том же вагоне. 22 июня 1940 г. Гитлер достиг вершины своей славы. Франция, чья военная мощь с 1918 г. была постоянной угрозой для Германии, теперь – как раньше ее восточные сателлиты¹¹⁹, – перестала существовать как противник рейха. Британская армия была изгнана с материка, хотя и не была окончательно разгромлена. Хотя на востоке Советский Союз – теперь имевший общую границу с рейхом – несмотря на Московский договор¹²⁰, представлял скрытую опасность, вряд ли можно было предполагать, что он после германских побед над Польшей и Францией собирается в ближайшее время начать войну. Если Кремль и предполагал воспользоваться тем, что у Германии связаны руки военной кампанией на Западе, для расширения своей экспансии, то для таких действий он момент упустил. В Москве, очевидно, не рассчитывали на столь быстрые и убедительные победы немецкой армии над объединенными войсками западных держав.

Если вермахт добился таких успехов в Польше и Франции, то это объяснялось не тем, что его командование с первых дней Компьенского перемирия 1918 г. готовило реванш.

¹¹⁸ 11 ноября 1918 г. на поляне в Компьенском лесу в железнодорожном салон-вагоне Фердинанда Фоша в 5 часов 10 минут утра было подписано соглашение о прекращении военных действий между Антантой и Германией; оно вступило в силу в 11 часов утра, что стало окончанием Первой мировой войны. После разгрома Франции Гитлер потребовал, чтобы церемония подписания перемирия состоялась на том же самом месте, специально для этого вагон Фоша был доставлен из музея на ту же поляну. Соглашение было подписано 22 июня 1940 г., его результатом перемирия стало разделение Франции на оккупационную зону и союзной Германии – государство, управляемое режимом Виши. – *Прим. науч. ред.*

¹¹⁹ В данном случае Манштейн имеет в виду ближайших союзников Франции, подготовкой армий которых руководили французские инструкторы – Чехословакию и Польшу. – *Прим. науч. ред.*

¹²⁰ Имеются в виду советско-германский Договор о ненападении, подписанный в Москве 23 августа 1938 г. и подписанный там же 28 сентября 1939 г. в его развитие Договор о дружбе и границе. – *Прим. науч. ред.*

Вопреки всем утверждениям враждебной нам пропаганды, совершенно ясно, – если здраво оценивать опасность, которая могла угрожать рейху в случае войны, – что немецкий Генеральный штаб в период между 1918 и 1939 гг. не ставил перед собой цель развязать агрессивную или реваншистскую войну, а стремился к обеспечению безопасности государства. Правда, военное командование отдало себя, в конце концов, в распоряжение Гитлера – после его ошеломляющих политических успехов. Можно также сказать, что оно признало примат политики, политики, которой оно не одобряло и которую оно могло – если такая возможность вообще существовала – предотвратить только с помощью государственного переворота.

В завоеванных нами победах решающим, впрочем, не были масштабы перевооружения Германии, которое Гитлер форсировал всеми средствами. Конечно, принимая во внимание разоружение Германии, навязанное ей Версальским диктатом, это перевооружение было предпосылкой всякого успешного ведения войны – в т. ч. и оборонительной. Однако в действительности вермахт не мог выставить такие же крупные силы, как это мог позволить себе Советский Союз в отношении сухопутных войск, а западные державы – в области авиации. В действительности армии западных держав, если оценивать численность дивизий, танков и артиллерии, были примерно равны немецкой армии, а по ряду параметров даже превосходили ее. Не военный потенциал сыграл решающую роль в кампании на Западе, а высокая подготовка личного состава вермахта и лучшее руководство им. Немецкая армия кое-чему научилась с конца Первой мировой войны и снова вспомнила незыблемые законы военного искусства.

После заключения перемирия ОКХ сначала приняло меры, имевшие целью проведение демобилизации значительной части дивизий. Одновременно несколько пехотных дивизий должны были быть переформированы в танковые или мотопехотные.

Штаб XXXVIII армейского корпуса был сначала переведен в район Сансера на средней Луаре, с тем чтобы руководить здесь переформированием этих нескольких дивизий. Итак, мы сменили чудесный замок Серран, наполненный историческими воспоминаниями, на маленький замок, который построил себе известный фабрикант Куантро на вершине крутого холма, возвышающегося над долиной Луары. Наш новый дом должен был изображать старую крепость и отличался безвкусицей, которой обычно отличаются всякие подражания. Стоявшая рядом с жилым домом башня, подделанная под развалины древней крепости, никак не меняла положения. Маленькие пушки, стоявшие на террасе, не создавали впечатления военных трофеев, на что надеялся владелец, фабрикант ликера. Прекрасным был лишь вид, открывавшийся с вершины горы на широкую плодородную долину Луары. Характерным для вкуса этого выскочки – владельца замка была большая картина, висевшая в его рабочем кабинете. На ней были изображены сидящие за круглым столом коронованные правители Европы начала века – наш кайзер, старый император Франц Иосиф, королева Виктория и др. Они были изображены так, как будто Куантро уже немного подпоил их. Над ними же возвышался у стола владелец, с триумфом поднимавший над застольной компанией бокал ликера фирмы Куантро. Единственное изменение, которое мы сделали в этом «замке», заключалось в том, что мы сняли эту пошлую мазню.

19 июля все высшие руководители вермахта были вызваны в Берлин для участия в заседании Рейхстага, где Гитлер провозгласил окончание Западной кампании. На этом заседании он выразил благодарность нации, оказав почести высшим военным чинам¹²¹. Размах этих почестей говорил о том, что Гитлер считал войну уже выигранной.

¹²¹ В своей речи перед Рейхстагом Гитлер в т. ч. заявил: «В этот час я чувствую обязанность перед своей совестью еще раз призвать Англию к благоразумию... Я не вижу причины, по которой стоило бы продолжать войну. Я сожалею о жертвах, которые она потребует, я хотел бы оградить мой народ от них». – *Прим. науч. ред.*

Хотя немецкий народ, безусловно, принял оказание почестей заслуженным солдатам как вполне естественное явление, все же по своей форме и размаху эти почести – так, по крайней мере, восприняли мы, военные, – выходили за рамки необходимого.

То что Гитлер присвоил одному адмиралу звание гроссадмирала, а двенадцати генералам – звание генерал-фельдмаршала¹²², лишь девальвировало значение этих званий, которые в Германии привыкли считать высшим военным чином. До сих пор было принято, что условием получения такого отличия было (если не считать генерал-фельдмаршалов, произведенных в этот чин императором Вильгельмом II в мирное время) самостоятельное руководство кампанией, выигранное сражение или захваченная крепость.

После Польской кампании, в которой подобным условиям отвечали главнокомандующий сухопутными силами и командующие обеими группами армий, Гитлер не считал возможным выразить свою благодарность армии производством их в ранг фельдмаршалов. Теперь же он сразу создал дюжину генерал-фельдмаршалов. Среди них наряду с главнокомандующим сухопутными войсками, который провел две блестящие кампании, был и начальник Верховного командования вермахта (ОКВ), который ничем не командовал и не возглавлял Генеральный штаб. Далее, среди них был статс-секретарь Имперского министерства авиации, который – каковы бы ни были его способности – никак не мог быть приравнен по заслугам к главнокомандующему сухопутными войсками.

Наиболее явно позиция Гитлера проявилась в том, что он выделил главнокомандующего люфтваффе Геринга, произведя его в рейхсмаршалы¹²³ и наградив только его одного Большим крестом Железного креста, не отметив подобным же образом главнокомандующих сухопутными войсками и военно-морскими силами. Такая форма распределения почестей могла рассматриваться только как сознательное принижение роли главнокомандующего сухопутными войсками – это простая констатация факта. В этом слишком явно проявилось отношение Гитлера к ОКХ и оценка им деятельности этого ведомства.

В день заседания Рейхстага я узнал, что нашему корпусу предстоит получить новую задачу. Он перебрасывался к побережью Ла-Манша в целях подготовки к вторжению в Англию. Для этого штабу корпуса были подчинены три пехотные дивизии. Корпус разместился в Туке, элегантном морском курорте близ Булони, где многими красивыми виллами владели англичане. Штабные службы обосновались в большом отеле, при строительстве которого явно не жалели средств, а я с узким кругом лиц занял маленькую виллу, принадлежавшую одному французскому судовладельцу. Хозяин хотя и бежал, но оставил семью управляющего, так что здесь были люди, которые могли содержать дом и мебель в порядке и охранять их. В противоположность тому, что мне пришлось позже увидеть в Германии, мы ни в коем случае не вели себя, как господа, которые распоряжаются по своему усмотрению чужой собственностью. Напротив, мы строго обращали внимание на то, чтобы во всех домах, занятых нашими войсками, поддерживался порядок. Вывоз мебели до последнего предмета или же изъятие ценных предметов в качестве «сувениров» не соответствовали традициям немецкой армии. Когда я однажды проезжал мимо одной виллы, которая была недавно оставлена нашей воинской частью и пребывала в довольно большом беспорядке, я приказал ротному фельдфебелю вернуться на виллу с командой и навести там порядок.

¹²² Манштейн ошибается: звание гроссадмирала главнокомандующий ВМФ Эрих Рэдер получил еще 1 апреля 1939 г. В 1940 г. звания генерал-фельдмаршалов получили: Вальтер фон Браухич (главнокомандующий сухопутными войсками), Вильгельм Кейтель (начальник ОЕВ), Герд фон Рундштедт (группа армий «А»), Вальтер фон Рейхенау (6-я армия), Федор фон Бок (группа армий «Б»), Вильгельм Риттер фон Лееб (группа армий «Ц»), Вильгельм Лист (12-я армия), Гюнтер Ганс фон Клюге (4-я армия), Эрвин фон Вицлебен (1-я армия), Эрхард Мильх (статс-секретарь Имперского министерства авиации; 5-й воздушный флот), Альберт Кессельринг (2-й воздушный флот), Гуго Шперле (3-й воздушный флот). – *Прим. науч. ред.*

¹²³ Полностью звание звучало как Имперский маршал Великогерманского рейха (Reichsmarschall des Grossdeutschen Reiches). Оно носило исключительный характер и фактически находилось вне системы чинов, в связи с этим Геринг считался высшим военным чином вермахта. – *Прим. науч. ред.*

Вследствие безупречного поведения немецких войск наши отношения с французским населением в те полгода, что я провел во Франции, ничем не были омрачены. Французы при всей своей вежливости проявляли достойную быть отмеченной сдержанность, чем только завоевали наше уважение. Впрочем, каждый из нас более или менее был очарован этой благословенной страной. Сколько здесь памятников древней культуры, красивых ландшафтов и шедевров знаменитой кухни! Сколько товаров было в этой богатой стране! Правда, наша покупательная способность была ограничена. Только определенный процент денежного содержания выдавался в оккупационных деньгах. Это правило строго выдерживалось, по крайней мере, в сухопутных войсках. Таким путем умеривалась понятная жажда к приобретениям, а это было весьма желательно в интересах сохранения престижа немецкой армии. Этих денег было достаточно, чтобы иногда съездить в Париж и один день наслаждаться прелестью этого города. В течение нашего пребывания на побережье вплоть до ноября мы получали удовольствие от морского купания, которым наслаждались мой новый адъютант обер-лейтенант Шпехт, мой верный водитель Нагель и конюх Рунге, совершавшие также долгие прогулки верхом по побережью. Следует заметить, что в Ла-Манше высота прилива достигает 8 м по сравнению с уровнем отлива. Это обстоятельство играло большую роль в вопросе о возможностях высадки на английском побережье, а также при выборе времени для входа в порты при вторжении. Однажды, купаясь, мы заплыли далеко в море, а наш «Мерседес» неожиданно был захвачен приливной волной. Только в последнее мгновение его удалось вытащить из уже намокшего песка с помощью подоспевшего тягача. Зато Нагелю удалось поймать в море оригинальный трофей. Далеко в море плавал мостик с одного из потопленных пароходов. Нагель взобрался на него и появился вскоре из капитанской кабины с сеткой, ракетками и шариками для настольного тенниса, которыми мы пополнили арсенал наших спортивных принадлежностей. Таким странным образом, пожалуй, никому еще не удавалось приобрести настольный теннис.

Радость и удовольствие, которые доставляли эта прекрасная страна и затишье после выигранной кампании, не привели, однако, к тому, что солдаты распустились, как это обычно бывает с оккупационными войсками. Наоборот, перед командованием стояла задача обучать части совершенно новой задаче – я имею в виду десантную операцию. Войска ежедневно проходили обучение в прибрежной местности, покрытой дюнами и во многом похожей на участки, где должна была произойти высадка. После того как прибыли наши средства переправы – переделанные лодки с Эльбы и Рейна, небольшие рыболовные суда и катера – мы смогли проводить при спокойной погоде вместе с кораблями военно-морского флота учения по посадке и высадке морских десантов. При этом многим приходилось принимать холодную ванну, если лодка неумело подводилась к берегу. Молодые фенрихи военно-морского флота тоже должны были сначала овладеть

этой новой задачей. Нельзя было на них обижаться за то, что они это делали без особого воодушевления: командовать лодкой с Эльбы – это не то, что нести службу на красавце-крейсере или подводной лодке. Трудно приходилось также и со старыми шкиперами, владельцами лодок или пароходов, которые вместе с фенрихами стояли на капитанском мостике этого несколько авантюрного флота вторжения. Но, несмотря ни на что, все в этой подготовке к необычной задаче делалось с огоньком, и мы были убеждены, что справимся с ней.

Операция «Морской лев»

Уместно будет сделать здесь некоторые критические замечания относительно плана Гитлера, предусматривавшего высадку в Англии, и в особенности причин, приведших к отказу от этого намерения.

Если Гитлер после победы над Францией действительно думал, что война уже выиграна и остается только внушить эту мысль Англии, то он явно ошибался. Тот холодный отказ,

которым было встречено в Англии его крайне неопределенное мирное предложение, показал, что ни английское правительство, ни английский народ не склонны к такой мысли.

Перед Гитлером и его ОКВ встал теперь вопрос: «Что же дальше?» Этот вопрос неизбежно встает перед государственным деятелем или полководцем, когда в период войны стратегические промахи или неожиданные политические события, например, вступление новых государств в войну на стороне противника, создают совершенно новое положение. Тогда ничего другого не остается, как изменить «план войны». В таком случае соответствующих деятелей можно упрекнуть в том, что они переоценили силы своего государства и недооценили мощь врага, что они неправильно оценили политическую обстановку.

Но если государственные и военные деятели должны задать себе вопрос «Что же дальше?» после того, как военные операции согласно их расчетам – в данном случае даже сверх всяких расчетов – привели к победе над врагом; если разбитый противник спасся на своих островах, то невольно возникает вопрос: а существовал ли вообще у немецкой стороны вообще какой-либо «план войны»?

Конечно, никакая война не идет по раз и навсегда установленной программе, по плану, который выработан одной из сторон. Но если Гитлер пошел в сентябре 1939 г. на риск войны с Францией и Англией, то он должен был заранее подумать, как справиться с этими государствами. Ясно, что немецкое Верховное командование ни до, ни во время кампании во Франции не имело «плана войны» относительно того, что необходимо предпринять после победы в войне или как ее продолжать. Гитлер надеялся на уступчивость Англии. Его военные советники в свою очередь полагали, что нужно ждать «решений фюрера».

На этом примере особенно ясно видно, к чему приводит несбалансированная организация высших органов военного управления, сложившаяся у нас вследствие передачи верховного командования вермахтом Гитлеру без одновременного создания ответственного за руководство всеми военными действиями общеимперского Генерального штаба.

Фактически рядом с главой государства, который определял общую политику страны, не существовало военной инстанции, которая отвечала бы за руководство военными действиями. ОКВ Гитлер уже давно низвел до положения своей военной канцелярии. Начальник ОКВ Кейтель вообще не был в состоянии давать Гитлеру советы по вопросам стратегии.

Главкомандующим тремя видами вооруженных сил Гитлер не предоставил практически никаких прав для оказания влияния на общее руководство военными действиями. Они могли только иногда высказывать свое мнение по вопросам ведения войны, но Гитлер, в конце концов, принимал решения исключительно на основе своих личных соображений. Во всяком случае, он оставил за собой право инициативы, так что мне неизвестен ни один случай (за исключением вопроса о Норвегии, когда гроссадмирал Рэдер первым подал ему мысль о проведении операции в этом районе), когда важное решение в вопросах общего ведения войны исходило бы от командования одного из видов вооруженных сил.

Так как никто не имел права составлять «план войны», и менее всего, конечно, ОКВ, то практически все сводилось к тому, что все ждали очередного проявления «интуиции фюрера». Одни, как Кейтель и Геринг, – в суеверном почитании Гитлера, другие, как Браухич и Рэдер, – пав духом. Ничего не меняло и то обстоятельство, что в штабах трех видов вооруженных сил имелись мнения, затрагивавшие вопросы ведения войны на длительную перспективу. Так, гроссадмирал Редер еще зимой 1939/40 г. дал задание Штабу руководства морской войной изучить технические возможности и условия операции по высадке десанта в Англии. Но не оказалось ни одной военной инстанции, ни одной личности, которая бы, действуя в духе и традициях подлинного начальника Генерального штаба, была бы признана Гитлером не только экспертом или исполнителем, но и военным советником по вопросам общего руководства военными действиями.

В настоящем же случае результатом подобной организации высших военных органов было то, что после окончания кампании на Западе, как уже было сказано, стоял вопрос: «Что же дальше?»

Наряду с этим вопросом высшее руководство Германии стояло перед двумя фактами:

1. Факт существования неразбитой и несогласной на переговоры Великобритании.

2. Тот факт, что Германия в связи с возможным рано или поздно вступлением в войну Советского Союза, с которым она теперь имела общую границу (как бы Кремль и ни казался сейчас миролюбиво настроенным по отношению к Германии), находилась под скрытой угрозой войны, о которой упоминал Гитлер еще в 1939 г., когда подчеркивал необходимость в кратчайшие добиться победы на Западе.

Эти факты указывали на то, что Германия должна закончить войну с Англией в самое короткое время. Только в том случае, если это удастся, можно было считать, что Сталин окончательно упустил возможность использовать раздоры между европейскими государствами для продолжения своей экспансионистской политики. Если не удастся найти мирный путь решения вопроса, Германия должна пытаться путем применения военной силы быстро разделаться со своим в то время последним врагом – Великобританией.

Трагедией этого короткого промежутка времени, определившей на долгое время судьбу Европы, было то обстоятельство, что обе стороны серьезно не искали путей мирного решения вопроса на разумной основе. Совершенно уверенно можно сказать, что Гитлер предпочел бы избежать войны с Британской империей, т. к. его основные цели находились на Востоке. Но способ, который он избрал на заседании Рейхстага после окончания кампании во Франции для столь неопределенного мирного предложения Великобритании, вряд ли мог вызвать благоприятный отклик у противной стороны. К тому же сомнительно, чтобы Гитлер, которым к тому времени уже овладела преступная мания величия, был готов к миру на основе разумности и справедливости, если бы Великобритания сама сделала серьезное бы предложение об этом. К тому же Гитлер уже не мог просто так отказаться от сделанных им самим политических шагов. Он отдал половину Польши и Прибалтику Советскому Союзу – факт, который он мог ликвидировать только ценой новой войны. Он открыл путь к удовлетворению стремлений Италии к захвату областей, находившихся под властью Франции, и тем самым очутился в зависимости от своего союзника. Наконец, после Праги ему перестали доверять как политику, и он практически полностью перестал считаться возможным партнером для переговоров у держав, которые, возможно, в другой ситуации и проявили бы готовность заключить с ним договор, отвечавший его стремлениям.

Немецкий народ в своей массе восторгался бы Гитлером, если бы он после победы над Францией добился подписания мира на разумной основе. Народ не хотел присоединения к Германии областей, в которых преобладало польское население, он также не одобрял идеи некоторых фантазеров, которые, ссылаясь на древнюю историю, обосновывали свои территориальные притязания тем, что когда-то та или иная область входила в Священную Римскую империю германской нации. В Германии, за исключением некоторых фанатиков из партийного руководства, никогда серьезно не верили в идею «народа-господина», призванного править Европой или даже всем миром. Народу нужно было только, чтобы Гитлер утихомирил свою свору пропагандистов, проложив путь к достижению разумного мира.

С другой стороны, английский национальный характер, так полно воплотившийся в личности главы правительства Черчилля, препятствовал тому, чтобы Англия на этом этапе войны – да и позже – серьезно искала разумного конструктивного компромисса. Приходится удивляться упорству англичан, при всех обстоятельствах решивших продолжать начатую борьбу, как бы ни угрожающе иногда было их положение. К этому нужно еще добавить, что это ожесточение, «непреклонная ненависть» к Гитлеру и его режиму (у некоторых политиков и по отношению к «прусской Германии») притупили способность распознать еще более

грозную опасность, которая угрожала Европе в лице Советского Союза. Очевидно также, что английская политика находилась в плену традиционных соображений о «европейском равновесии» (ради восстановления которого Великобритания, в конце концов, и вступила в войну), которые предполагали низвержение ставшего слишком могущественным государства на континенте. Англичане закрывали глаза на то, что в изменившемся мире «мировое равновесие» было нарушено прежде всего тем, что Советский Союз набрал большую силу, нарушено из-за той опасности, которую представляла для Европы эта страна, исповедовавшая идеи мировой революции.

К тому же глава английского правительства Черчилль был слишком воинственным. Это был человек, который думал исключительно о войне и желанной победе и смотрел на политическое будущее через призму этих военных целей. Только спустя несколько лет, когда Советы уже подошли к Балканам – этому нервному узлу Великобритании, Черчилль распознал заложенную здесь опасность. Но в то время он ничего не мог сделать, имея союзниками Рузвельта и Сталина. Сначала он верил в силы своего народа и в то, что США, в конце концов, будут вести войну во главе со своим президентом на стороне Великобритании. Но как мало в то время была готова к этому основная масса американского народа при всей его антипатии к Гитлеру!

Скрытая угроза Германии, которая исходила со стороны Советского Союза, не могла, конечно, укрыться от взгляда такого человека, как Черчилль. Что касается возможного советско-германского конфликта, то он рассматривал его как надежду для Великобритании. Напротив, мысль о соглашении с Германией не находила места в его мозгу, т. к. после подобного соглашения с большой вероятностью последовала бы в ближайшее время борьба между двумя тоталитарными государствами. Хотя здравая оценка сильных и слабых сторон обоих государств не позволяло с уверенностью отдать полную победу одному из них, можно было надеяться на то, что они оба свяжут себя такой войной на долгое время, что приведет к их взаимному ослаблению. Подобная ситуация неизбежно будет иметь следствием то, что обе англо-саксонские державы смогут претендовать на роль верховного арбитра. Возможно также, что война между обоими тоталитарными государствами приведет к гибели обоих режимов.

Во времена диктатур, торжества идеологий, «крестовых походов», взвинчивания масс народа безудержной пропагандой слово «Разум» нигде, к сожалению, не пишется с большой буквы. Так в ущерб обоим народам и к несчастью Европы получилось, что Великобритания и Германией избрали путь решения спора между собой с помощью оружия.

Вопрос «Что же дальше?», который встал перед немецким верховным командованием после окончания войны с Францией, был решен, следовательно, в духе продолжения войны против Великобритании. Но тот факт, что по изложенным мною причинам у Германии не было никакого «плана войны», который предусматривал бы продолжение военных действий после кампании во Франции, должен был привести к тяжелым последствиям. После того как Гитлер принял план (но не решение) нанести поражение Англии в результате вторжения, не было сделано никаких практических приготовлений для решения этой задачи. Результатом было то, что мы упустили лучший шанс – немедленно использовать слабость Англии. Предпринимаемые теперь для организации высадки меры заняли слишком много времени, так что удача от проведения подобной операции была сомнительной уже из-за одних метеорологических условий. Этот последний факт наряду с другими, о которых я еще буду говорить, дал Гитлеру повод или предлог, отказавшись от вторжения, вообще отвернуться от Англии, чтобы затем выступить против Советского Союза. Результаты известны.

Прежде чем остановиться на причинах этой решающей перемены в военной стратегии, я остановлюсь на возможностях, которые бы возникли в том случае, если бы Гитлер был готов вести войну с Англией до последнего.

Здесь были возможны три пути. Первый путь – попытка поставить Англию на колени путем блокады ее на морских коммуникациях. Германия имела для этого благоприятные предпосылки, поскольку она теперь контролировала побережье Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции и могла его использовать в качестве баз для люфтваффе и подводных лодок.

Менее благоприятно ситуация обстояла с необходимыми для этого средствами борьбы.

Военно-морской флот ни в коей мере не располагал даже приблизительно достаточным количеством подводных лодок, не говоря уже о тяжелых надводных кораблях, особенно авианосцах, с которыми могли бы взаимодействовать подводные лодки. К тому же оказалось, что борьба Англии с подводными лодками будет эффективной до тех пор, пока английская авиация будет иметь возможности вести боевые действия.

Что касается люфтваффе, то на их долю выпали бы в этой борьбе следующие задачи:

- завоевание господства в воздухе, по крайней мере, в такой степени, которая исключала бы воздействие английской авиации на подводную войну;
- вывод из строя английских портов путем их разрушения;
- эффективное взаимодействие с подводными лодками в борьбе против вражеских транспортов.

Практически все это должно было иметь предпосылкой уничтожение английских ВВС и разрушение военного потенциала Англии.

Ход «Битвы за Англию» показал, что люфтваффе в 1940 г. не были достаточно сильны, чтобы справиться с этой задачей. Не стоит сейчас заниматься обсуждением вопроса о том, были ли бы результаты иными, если бы погодные условия в августе и сентябре не были столь неблагоприятными (чего нельзя было ожидать заранее) и если бы руководство люфтваффе в самый, по-видимому, критический для противника момент не прекратило бы борьбу с британской авиацией и не перенацелило свои самолеты на Лондон.

Во всяком случае, летом 1940 г. ввиду ограниченного количества самолетов бомбардировочной авиации и отсутствия истребителей дальнего радиуса действия вряд ли можно было с уверенностью ожидать быстрого достижения цели: уничтожения британских ВВС и разрушения военного потенциала Англии. Война, исход которой в основном должен был быть решен с помощью технических средств, все еще требовала намного больше сил и времени, чем мы предполагали. В войне между приблизительно равноценными противниками быстрый исход, как правило, достигается только более высоким уровнем военного искусства и реже – в результате борьбы вооруженных сил до истощения одного из противников, как это неизбежно произошло бы здесь. Следовательно, надо было с самого начала готовиться к затяжной войне. Чтобы обеспечить успех, нужно было так же умножить военную авиацию, как был увеличен в свое время подводный флот.

Я должен совершенно ясно заявить, что мысль, будто такая большая страна, как Великобритания, может быть быстро поставлена на колени «оперативной воздушной войной» в духе генерала Дуэ, была, во всяком случае в то время, только мечтой. Примерно то же произошло и позднее – во время развязанной Союзниками воздушной войны против Германии. Во всяком случае, если уж было принято решение нанести поражение Англии посредством блокады морских коммуникаций, надо было направить все военные мощности на усиление подводного флота и авиации. Для этого необходимо было сократить сухопутную армию и тем самым высвободить необходимую для промышленности рабочую силу.

Главная же опасность скрывалась в затягивании войны. Никто не мог точно знать, как долго еще будет выжидать Советский Союз. Если бы мы встали на путь сокращения сухопутной армии и связали нашу авиацию борьбой против Англии, то Советский Союз, если бы и не вступил в войну, неминуемо встал бы на путь политического шантажа.

Другая опасность скрывалась в возможности вступления Америки в войну на ее ранней стадии. Вряд ли США стали бы спокойно смотреть на то, как медленно удушают

Англию. В эту войну ВВС и военно-морских сил Америка могла вступить сравнительно рано, но в случае немецкой высадки в предполагаемые сроки на Британских островах она бы опоздала.

Все же, если бы Германия имела действительно единое военное руководство, она могла решиться на этот путь с надеждой на успех, правда, учитывая существование постоянной угрозы вмешательства со стороны Советского Союза или Америки. И это, конечно, только в том случае, если строго ограничиться целью уничтожения британских ВВС и блокады морских коммуникаций Великобритании. Любое отклонение в сторону сомнительных идей борьбы за подрыв морального духа английского народа путем массированных бомбардировок городов могло лишь поставить под угрозу успех всей войны.

В качестве второго возможного пути, которым можно было бы пойти, чтобы нанести поражение Великобритании, называют войну за Средиземное море. Гитлеру или немецкому военному командованию вообще ставили в упрек то, что они никак не могли отрешиться от оков «континентального мышления». Они якобы никогда не могли правильно оценить значение Средиземного моря как жизненно важной артерии Британской империи. Возможно, что Гитлер мыслил континентальными понятиями. Но другой вопрос: привела ли бы потеря Англией Средиземного моря действительно к ее отказу от продолжения войны, а также, какие последствия имело бы для Германии завоевание Средиземноморья.

Бесспорно, потеря позиций на Средиземном море была бы для Великобритании тяжелым ударом. Это могло бы сильно сказаться на ее положении в Индии, на Ближнем Востоке и тем самым – на снабжении Англии нефтью. Кроме того, полная блокада ее коммуникаций на Средиземном море сильно подорвала бы снабжение Англии. Но был бы этот удар смертельным? На этот вопрос, по моему мнению, надо дать отрицательный ответ. В этом случае для Англии оставался бы открытым путь на Дальний и Ближний Восток через мыс Доброй Надежды, который никак нельзя было блокировать. В таком случае потребовалось бы создать плотное кольцо блокады вокруг Британских островов с помощью подводных лодок и люфтваффе, т. е. избрать первый путь. Но это потребовало бы сосредоточения здесь всех сил люфтваффе, так что для операций на Средиземном море ничего бы не осталось! Какой бы болезненной ни была для Англии потеря Гибралтара, Мальты, позиций в Египте и на Ближнем Востоке, этот удар не был бы для нее смертельным. Напротив, эти потери скорее укрепили бы волю англичан к сопротивлению – это в их характере. Британская нация не признала бы этих потерь для себя роковыми и еще ожесточеннее продолжала бы борьбу! Она, по всей видимости, опровергла бы известное утверждение, что Средиземное море – это жизненно важная артерия Британской империи. Очень сомнительно также, чтобы доминионы не последовали за Англией, решившей продолжить борьбу.

Второй вопрос состоит в том, какие последствия имел бы для Германии успешный исход борьбы за Средиземное море.

Главное заключается в том, что Италия могла явиться для этой борьбы хорошей базой, но ее вооруженные силы внесли бы в борьбу весьма скромный вклад. Это положение не требовало подтверждения дальнейшими событиями, поскольку тогда уже все было совершенно ясно. В частности, нельзя было ожидать, что итальянский флот будет в состоянии изгнать англичан из Средиземного моря. Германия, следовательно, должна была взять на себя всю тяжесть этой борьбы. Кроме того, дело могло осложнить то обстоятельство, что итальянский союзник неизбежно рассматривал бы Средиземное море в качестве своей зоны влияния и выставил бы свои притязания на занятие там господствующего положения.

Если бы мы хотели лишить Великобританию ее позиций на Средиземном море, надеясь нанести ей этим смертельный удар, то надо было захватить Мальту и Гибралтар и изгнать англичан из Греции и Египта. Не подлежит сомнению, что немецкие вооруженные силы, если бы они перенесли свои действия в район Средиземного моря, в военном отношении

решили бы эту задачу. Однако этот путь неизбежно повел бы дальше. Захват Гибралтара требовал или согласия Испании, которого фактически нельзя было получить, или оказания сильного давления на ее правительство. В обоих случаях это привело бы к отказу Испании от политики нейтралитета. Германии ничего бы не оставалось, как организовать охрану побережья Пиренейского полуострова – с согласия или против воли испанского и португальского правительств – и одновременно взять на себя снабжение этого района. Необходимо было бы считаться с сопротивлением как в Испании, так, прежде всего, и в Португалии, которая считала, что ее колонии в этом

случае будут вскоре оккупированы англичанами. Во всяком случае, Пиренейский полуостров надолго поглотил бы значительную часть немецкой армии. Насильственная оккупация стран Пиренейского полуострова могла бы оказать катастрофическое для нас воздействие на США и латиноамериканские страны.

Если бы не удалось достичь реального взаимопонимания с Францией, что было почти исключено ввиду итальянских и испанских претензий на французские колонии, то в дальнейшем стало бы необходимым занятие французской Северной Африки – если мы были намерены не допустить, чтобы Англия когда-нибудь вновь овладела Средиземноморским регионом.

Если бы мы изгнали англичан из Египта (а в случае, если бы они закрепились и в Греции, – то и оттуда), этот путь и в восточной части Средиземного моря в дальнейшем неизбежно привел бы к странам Ближнего Востока, особенно ввиду того, что требовалось бы отрезать пути снабжения Англии нефтью. Существовало мнение, что создание базы на Ближнем Востоке дало бы Германии два преимущества. Первое – возможность создать непосредственную угрозу Индии; второе – выход во фланг Советскому Союзу, что могло бы удержать его от вступления в войну против Германии. Я думаю, что такой ход рассуждений является неправильным. Не говоря уже о том, что было очень сомнительно, какое влияние окажет размещение частей вермахта на длительный период в странах Ближнего Востока на позицию этих народов, можно сделать два следующих вывода:

– операции из Ближневосточного региона против Индии или Советского Союза уже по одной причине состояния коммуникаций никогда не могли проводиться в том объеме, который гарантировал бы действительный успех; морская мощь Англии в этом случае сыграла бы решающую роль;

– появление Германии на Ближнем Востоке ни в коем случае не только не удержало бы Советский Союз от вступления в войну против Германии, а скорее наоборот.

Вся суть вопроса борьбы за Средиземноморский регион заключается, на мой взгляд, в следующем. Утрата позиций на Средиземном море не была бы смертельным ударом для Великобритании. Далее, решающая борьба за Средиземное море надолго связала бы крупные немецкие силы, что резко усилило бы соблазн для Советского Союза начать военные действия против Германии. Это тем более возможно, что те цели, которых он, вероятно, стремился достичь – а именно контроль над Балканами и господствующее влияние на Ближнем Востоке – можно было завоевать только в войне против Германии.

Путь через Средиземное море для достижения победы над Англией был обходным. Его можно сравнить с путем Наполеона, когда он надеялся нанести смертельный удар Англии, пройдя через Египет в Индию. Этот путь должен был надолго отвлечь немецкие силы на отнюдь не решающее направление. Это ситуация давала, с одной стороны, время для вооружения Британских островов, а с другой – Советскому Союзу большой шанс на успех в войне против Германии. Средиземноморский путь в действительности был уклонением от решения вопроса, которого не надеялись добиться в войне на Британских островах. В результате этого был выбран третий путь, обсуждавшийся в 1940 г., – вторжения на Британские острова.

Прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо заметить относительно ведения войны на Средиземном море, что в ней фактически, как потом часто было и в России, Гитлер никогда своевременно не сосредоточивал необходимые силы. Кардинальной ошибкой был отказ от захвата Мальты, что вполне возможно было сделать на более ранней фазе войны. Этот отказ сыграл, в конце концов, решающую роль в последовавшей затем потере Северной Африки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во всяком случае, в июле 1940 г. Гитлер отдал приказ о разработке плана вторжения на Британские острова (но не принял окончательного решения) и дал указания о проведении соответствующей подготовки.

Операция должна была готовиться под кодовым названием «Морской лев» (Seelowe) и проводиться только при определенных предпосылках. О форме проведения этой операции, о трениях, которые возникли в связи с этим вопросом, прежде всего, между ОКХ и Штабом руководства морской войной, уже сообщалось другими лицами, представлявшими противную сторону. Писали также о причинах или предлогах, которые, в конце концов, должны были оправдать отказ от проведения этой операции.

Здесь я затрону поэтому только три важных вопроса:

– Могло ли вторжение в Англию вынудить ее отказаться от борьбы, т. е., принесло ли бы оно нам в случае успеха операции окончательную победу?

– Могли ли мы вообще рассчитывать на успех вторжения, и какие последствия имел бы провал этой операции?

– Каковы были причины, заставившие, в конце концов, Гитлера отказаться от вторжения и тем самым от достижения победы над Англией, и повернуть армию против Советского Союза?

По первому вопросу надо сказать, что вторжение было бы самым быстрым путем для достижения победы над Англией. Оба другие пути, о которых мы говорили выше, не могли привести к быстрой победе. Но была ли бы эта победа окончательной? Возможно и весьма вероятно, что правительство Черчилля даже после потери Британских островов пыталось бы продолжать руководство войной из Канады. Последовали ли бы за ним по этому пути все британские доминионы – этот вопрос мы обсуждать не будем. Во всяком случае, завоевание Британских островов не означало бы окончательного поражения Британской империи¹²⁴.

Важнейшим, видимо, было следующее: после захвата Британских островов немцами противник потерял бы базу, которая, по крайней мере, в тот момент, была совершенно необходима для организации высадки союзников на континенте. Осуществить вторжение через Атлантику, не пользуясь при этом в качестве трамплина Британскими островами, было в то время абсолютно невозможно, даже в случае вступления Америки в войну. Можно не сомневаться также и в том, что после победы над Англией, вывода из строя британских ВВС, изгнания британского флота за Атлантику и уничтожения военного потенциала Британских островов Германия была бы в состоянии в кратчайшие сроки улучшить ситуацию на Средиземном море.

Следовательно, можно сказать, что даже если бы английское правительство после потери Британских островов пыталось бы продолжать войну, оно вряд ли имело шансы выиграть ее. Тем более, остается еще ряд вопросов, на которые и сегодня никто не может дать убедительного ответа:

– Последовали ли бы за Великобританией в этом случае ее доминионы?

– Не перестала ли бы существовать скрытая угроза, которую представлял собой для Германии Советский Союз, если бы он не рассчитывал в ближайшем будущем на открытие

¹²⁴ Вопрос о том, продолжил ли бы английский народ сопротивление – не так, как французский – после успеха вторжения или, что Черчилль считал вероятным, нашел ли бы он такое правительство, которое подписало бы капитуляцию, мы не будем затрагивать вследствие его гипотетического характера. Мы не будем также рассуждать, нашелся ли бы в этом случае путь для снабжения английского народа, как, например, для Бельгии во время Первой мировой войны. – *Прим. автора.*

«второго фронта» в Европе? Не мог ли бы тогда Сталин с согласия Гитлера развернуть свою экспансию в Азию?

– Предприняла ли бы Америка свой «крестовый поход» против Германии, если бы она должна была по существу одна нести всю тяжесть войны?

Конечно, Германия также не имела тогда возможности добиться мира по ту сторону океана. Ясно лишь одно: ее положение после успешного вторжения на Британские острова было бы несравненно выгоднее, чем когда-либо, тем более в результате той войны, которую стал вести Гитлер.

С военной точки зрения, следовательно, вторжение в Англию летом 1940 г., если, конечно, существовала надежда на успех этого предприятия, несомненно, было правильным решением. Что должно было или могло бы произойти в случае успеха Германии в этой операции на пути достижения компромиссного мира, который всегда должен был быть целью разумной политики Германии, не относится к области военных вопросов. Лучше вновь вернуться к военной стороне дела и, следовательно, к важнейшему вопросу: могло бы быть вторжение в Англию в 1940 г. иметь успех?

Конечно, мнения о том, какие шансы имела операция «Морской лев» всегда сильно разнятся. Ясно одно: эта операция была связана с чрезвычайным риском. Ссылка на необходимость колоссальных объемов технического снаряжения, которое понадобилось союзникам при высадке в Европе в 1944 г. (десантные суда для транспортировки танков, искусственные гавани¹²⁵ и т. д.), недостаточна для того, чтобы сделать вывод о заведомой неудаче немецкой высадки, которую в тот момент обеспечивали значительно более примитивные транспортные средства. Недостаточно также указать на абсолютное превосходство союзников в 1944 г. в воздухе и на море, как бы ни важны были оба эти фактора.

С другой стороны, если Германия летом 1940 г. даже и приблизительно не имела столько преимуществ, то у нее имелось одно решающее, а именно – после высадки на побережье Англии она не встретила бы какой-либо организованной обороны, обеспеченной хорошо вооруженными и обученными войсками во главе с подготовленными командирами. Фактически летом 1940 г. Англия на суше была абсолютно беззащитна перед силами вторжения. Эта беззащитность была бы почти полной, если бы Гитлер не дал эвакуироваться из Дюнкерка Британскому экспедиционному корпусу.

Успех вторжения в Англию летом 1940 г. зависел от двух факторов:

1) от возможно скорейшего проведения этой операции с тем, чтобы нанести поражение Англии на суше еще в момент ее полной беззащитности и чтобы одновременно использовать благоприятные метеорологические условия летнего периода (в июле, августе и начале сентября в Ла-Манше море было обычно спокойно);

2) от возможности в достаточной степени парализовать действия британских ВВС и флота на период высадки и захвата плацдармов.

Также очевидно, что было невозможно предугадать, какая будет погода, а также дать точный ответ на вопрос, сможет ли люфтваффе обеспечить превосходство в воздухе над Ла-Маншем хотя бы на период высадки, операция «Морской лев» всегда была связана с очень большим риском.

Учитывая этот риск, высшие военные инстанции медлили и всегда рассматривали вопрос о высадке в Англии с многочисленными оговорками. Уже тогда было ясно, что у Гитлера не лежало сердце к этой операции. В нижестоящих штабах можно было заметить отсутствие при этих приготовлениях настойчивости и энергии со стороны высших инстан-

¹²⁵ Т.н. гавани «Малберри» (Mulberry Harbour), которые строились союзникам после высадки в Нормандии. Они возводились из готовых бетонных секций, доставленных по морю к побережью Франции. Было построено две таких гавани: одна американцами (Mulberry A) и одна – англичанами (Port Winston). Американская гавань вскоре была уничтожена штормом. – *Прим. науч. ред.*

ций. Генерал Йодль, начальник Штаба оперативного руководства ОКВ, даже видел в этой попытке вторжения своего рода шаг отчаяния, никак не связанный со сложившейся общей ситуацией.

Главнокомандующий люфтваффе Геринг, которого военное руководство вермахтом как всегда не могло достаточно строго контролировать, не рассматривал воздушную войну против Англии, которой он руководил, как часть – хотя и самую существенную – операции по высадке всей германской армии. Методы использования авиации, которые, в конце концов, нанесли большой урон ее материальной части и личному составу, показывают скорее, что он рассматривал воздушную войну против Британских островов как самостоятельную операцию и в соответствии с этими установками руководил ею.

Штаб руководство морской войной, который первым поставил вопрос о вторжении в Англию, при исследовании практических возможностей проведения этой операции пришел к выводу, что ее проведение при определенных предпосылках возможно. Но, несмотря на это, он лучше всего отдавал себе отчет в слабости наличных средств.

Наиболее положительную позицию занимало, пожалуй, ОКХ, хотя оно сначала (до победы над Францией) вообще не рассматривало вопрос о возможности высадки на Британских островах. Совершенно ясно, однако, что те, кто в первую очередь рисковал собой при операции «Морской лев», – предназначенные для вторжения части сухопутных войск, – как раз наиболее интенсивно готовились к ней и подходили к этому делу с верой в успех. Я думаю, что имею право утверждать это, т. к. подчиненный мне XXXVIII армейский корпус¹²⁶ должен был действовать в первом эшелоне армии вторжения: из Булони в район Бексхилл – Бичи-Хед¹²⁷. Мы были убеждены в успехе, но принимали во внимание существующие опасности. Вероятно, однако, что мы не очень хорошо себе представляли, что тревожило два других вида вооруженных сил – особенно военно-морской флот.

Известно, что две основных причины, или предлога, заставили Гитлера, в конце концов, отказаться от реализации плана операции «Морской лев».

Первая – тот факт, что подготовка этой операции потребует много времени, в результате чего первый эшелон сил вторжения сможет начать форсирование Ла-Манша самое раннее 24 сентября [1940 г.], т. е. в то время, когда – даже в случае, если все пойдет успешно, – не будет никакой гарантии, что в проливе можно ожидать метеорологических условий, способствующих дальнейшему развитию операции.

Второе и решающее обстоятельство состояло в том, что люфтваффе к этому времени не удалось достичь необходимого воздушного превосходства над британскими ВВС.

Если даже согласиться с тем, что в сентябре 1940 г. эти факторы могли казаться решающими для отказа от вторжения в Англию, то тем самым мы не дадим еще ответа на вопрос, было ли возможно вторжение при другом военном руководстве. Но именно об этих факторах, в конечном счете, идет речь, когда мы оцениваем решение Гитлера уклониться от решающей битвы с Англией и напасть на Советский Союз.

Речь идет, следовательно, о том, были ли оба выше указанных фактора – затягивание операции «Морской лев» по времени и недостаточные результаты воздушной «Битвы за Англию» – неизбежными.

Что касается первого из них – откладывание срока высадки до последней декады сентября, – то ясно, что этого вполне можно было избежать. Если бы существовал какой-либо «план войны», в котором заранее был бы предусмотрен также вопрос о нанесении поражения Англии, то значительная часть технических приготовлений к вторжению могла бы быть

¹²⁶ Корпус должен был действовать в первом эшелоне 9-й армии; в его состав входили 26-я (генерал лейтенант Сигизмунд фон Форстер) и 34-я (генерал майор Вернер Занне) пехотные дивизии. – *Прим. науч. ред.*

¹²⁷ Имеется в виду район предстоящей высадки частей XXXVIII армейского корпуса на английском побережье. Бичи-Хед – это меловая скала в Восточном Суссексе близ Истборна. – *Прим. науч. ред.*

предпринята еще до окончания кампании на Западе. Если бы существовал такой план, то было бы немыслимо, чтобы Гитлер дал возможность по каким-либо причинам эвакуироваться из Дюнкерка Британскому экспедиционному корпусу. По крайней мере, оттягивания сроков высадки до осени не произошло бы, если бы немецкое руководство приурочило приказ о вторжении к моменту поражения Франции, т. е. к середине июня, а не к середине июля. Подготовка к вторжению на основе поступившего в июле приказа при полном использовании всех возможностей могла быть вообще закончена к середине сентября. Если бы решение было принято четырьмя неделями раньше, то это дало бы возможность начать форсирование Ла-Манша уже в середине августа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.